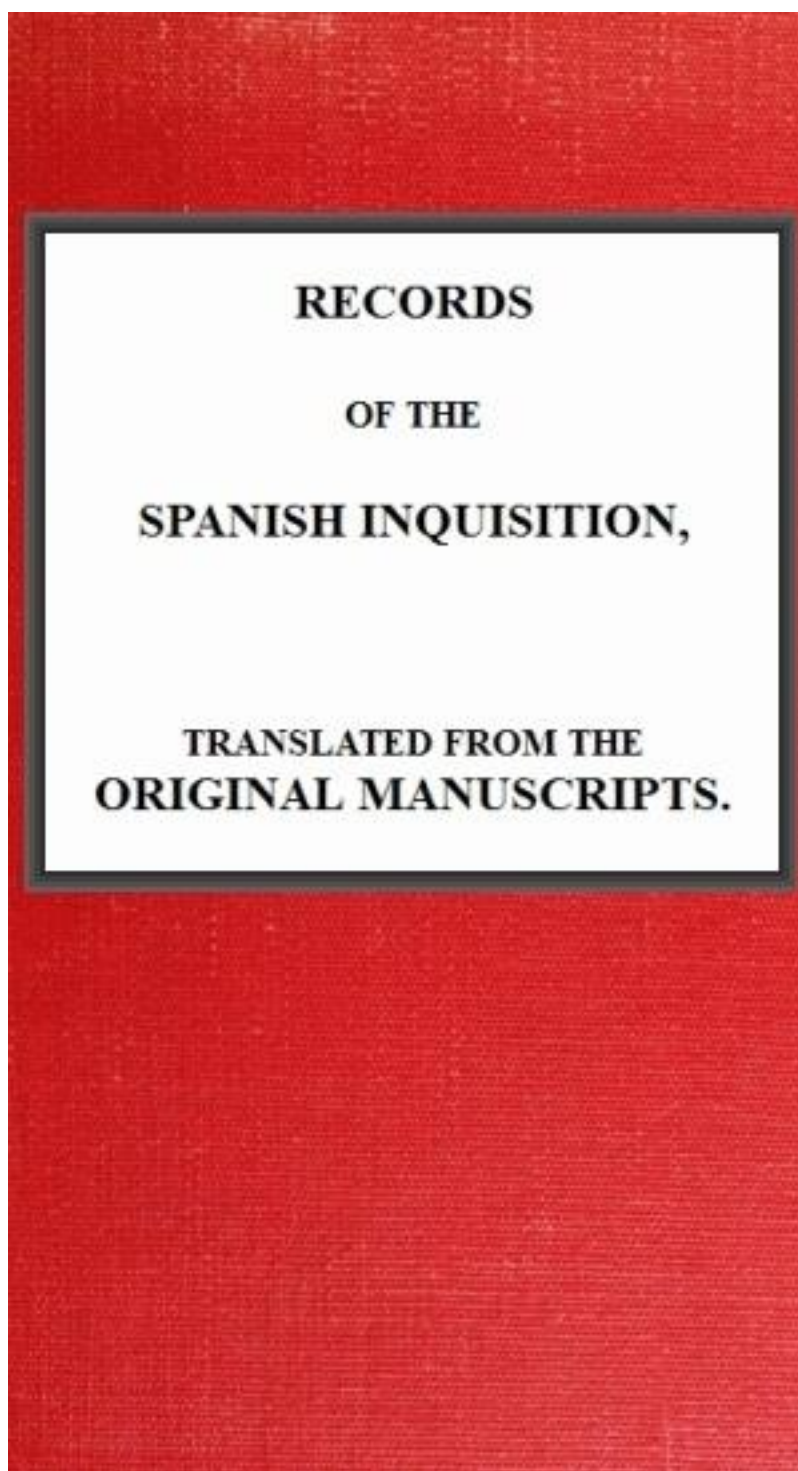

Записи испанской инквизиции, переведенные с оригинальных рукописей

Эндрю Диксон Уайт

Электронная книга проекта Гутенберга записей испанской инквизиции, переведенная с оригинальных рукописей

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Отчеты испанской инквизиции, Переведенные с оригинальных рукописей

Автор: Эндрю Диксон Уайт

Дата выхода: 29 декабря 2012 г. [Электронная книга № 41733]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Чаком Грейфом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Print project.)

Внимание: Чак

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЗАПИСИ ИСПАНСКОЙ ИНКВИЗИЦИИ", ПЕРЕВЕДЕННОЙ С ОРИГИНАЛЬНЫХ РУКОПИСЕЙ ***

Были предприняты все попытки воспроизвести оригинальную книгу в том виде, в каком она была напечатана. Исправлены некоторые типографские ошибки {список следует за текстом}. Не предпринималось никаких попыток исправить или нормализовать печатное ударение или написание испанских имен или слов. (примечание переводчика etext)

ЗАПИСИ ИСПАНСКОЙ ИНКВИЗИЦИИ, ПЕРЕВЕДЕННЫЕ С ОРИГИНАЛЬНЫХ РУКОПИСЕЙ.

БОСТОН:

СЭМЮЭЛ Г. ГУДРИЧ, ВАШИНГТОН-СТРИТ, 141.

MDCCCXXXVIII.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ИНКВИЗИЦИИ.

СУД НАД ПЕДРО ГИНЕСТОЙ, УРОЖЕНЦЕМ ДЕРЕВНИ СЕНТ-КВИНТИ В ЕПАРХИИ СЕНТ-ФЛОР, ЗА УПОТРЕБЛЕНИЕ БЕКОНА В ЗАПРЕЩЕННЫЙ ДЕНЬ.

СУД Над ХУАНОМ ДЮРАНОМ ЗА БОГОХУЛЬСТВО И КОЛДОВСТВО.

СУД НАД ЛЕОНАРДО ФЕЛИПЕ ЗА ЛЮТЕРАНСТВО.

СУД Над ДОНОМ АНТОНИО АДОРНО ЗА НЕКРОМАНТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ.

ВЫПИСКИ ИЗ РЕЕСТРА ТЮРЕМ.

РАЗНЫЕ ДОКУМЕНТЫ.

ОКРУГ МАССАЧУСЕТС, *а именно:*

Офис окружного секретаря.

Следует помнить, что двадцать шестого мая 1828 года Нашей эры, на пятидесятисекундный год Независимости Соединенных Штатов Америки, *Сэмюэл Г. Гудричиз* указанного округа передал на хранение в этот офис название книги, на право собственности на которую он претендует как владелец, следующими словами, *а именно;*

"Отчеты испанской инквизиции, переведенные с оригинальных рукописей".

В соответствии с законом Конгресса Соединенных Штатов, озаглавленным "Закон о поощрении обучения путем передачи копий карт, схем и книг авторам и владельцам таких копий в течение указанного в нем периода", а также законом, озаглавленным "Закон, дополняющий закон, озаглавленный "закон о поощрении обучения", путем передачи копий карт, схем и книг авторам и владельцам таких копий в указанные в нем периоды; и распространяющий его преимущества на искусство проектирования, гравирования и вытравливания исторических и других гравюр".

Джон У. ДЭВИС,

клерк округа Массачусетс.

EXAMINER PRESS.

Хайрам Таппер, печатник на Бромфилд—Лейн.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Способ, которым оригиналы нижеследующей работы попали в руки переводчика, можно описать в нескольких словах. Эти документы являются частью Архивов инквизиции Барселоны и были получены во время революции, вспыхнувшей в Кадисе в 1819 году.

Провинция Каталония, столицей которой является Барселона, была одной из самых передовых и ревностных сторонников свободы. Его жители во все времена отличались отвагой и решительностью, а также горячей любовью к свободе. Революция быстрыми шагами распространилась от острова Леон до Эбро. Двадцать восьмого февраля 1820 года губернатор Таррагоны получил приказ немедленно отправиться в Мадрид, и через несколько дней на прежнем месте вспыхнуло восстание. Четырнадцатого марта, через два дня после этого, он взорвался в Барселоне.

Первым движением революционной партии было смещение генерал-капитана провинции. Тогда этот пост занимал Кастаньяс, роялист. Его предшественником был генерал Вильякампа, довольно выдающийся офицер, который был лишен звания капитан-генерала и сослан в Матаро, маленький городок на побережье, за свою приверженность либеральным принципам. Кастаньяс был вынужден уйти в отставку, а Вильякампа был с триумфом доставлен из места своего изгнания в Барселону и восстановлен населением в своем достоинстве.

Правительство города подверглось революции, и их следующие мысли были обращены к инквизиции, великому орудию притеснения священников, объекту страха и отвращения друзей свободы, как политических, так и религиозных. Огромные и мрачные здания этого трибунала, занимавшие площадь, более чем в десять раз превышающую площадь тюрьмы штата Массачусетс, слишком долго наводили ужас на угнетенных и беспокойных каталонцев, чтобы избежать особого внимания в этом случае. Население с громкими криками потребовало от генерал-капитана, чтобы Дворец инквизиции был распахнут. Какой ответ дал Вильякампа на это требование, не сообщается. Группа из двадцати тысяч человек бросилась к инквизиции, ворвалась в ворота и потребовала впустить их. Те, кто находился внутри, сказали им подождать несколько минут, и ворота должны быть открыты. Этим интервалом они воспользовались, чтобы скрыться, и через короткое время население, теряя терпение, взломало ворота и ворвалось внутрь.

Все помещения были немедленно заполнены. Темницы были взломаны; заключенных выпустили, а газеты выбросили в окна. В течение нескольких дней они в большом количестве разбрасывались по улицам города, и небольшая их часть, пройдя через разные руки, попала во владение джентльмена из этого города, который в то время путешествовал по Испании. Эти бумаги были пересланы в Бостон в 1820 году.

Предполагалось, что публикация этих документов будет воспринята сообществом с большим интересом и удовлетворением, поскольку ничто подобного ранее не появлялось на свет. Действительно, существует несколько подлинных и хорошо написанных сборников, относящихся к этому предмету, а также несколько рассказов лиц, которые были заключены в темницы Святой Канцелярии; но обильные и мельчайшие подробности форм и процедур, наблюдавшихся на судебных процессах и расследованиях Инквизиционного трибунала, подобные тем, которые представлены на следующих страницах, никогда до этого момента не появлялись в печати. Если Святая канцелярия снова поднимет голову в Испании, возможно,

фискалы и калификадоры окажут честь издателю и переводчику этого труда, обратив внимание на их труды. Однако следует надеяться, что этим наиболее прославленным и апостольским сеньорам не очень скоро представится случай снискать кому-либо из нас подобную известность.

Бостон, июнь 1828 года.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ИНКВИЗИЦИИ.

ЭТО учреждение возникло в результате усилий римских понтификов по подавлению ереси. В 1184 году папа Луций II, встревоженный появлением новых религиозных сект в Дофинии и Провансе, созвал большой собор в Вероне, где был издан суровый указ против них, и власть светских князей призвали помочь в их обнаружении и наказании. В этом указе мы видим зародыш инквизиции, хотя его надлежащее основание обычно закладывается несколькими годами позже.[1]

Впервые она была учреждена во Франции в 1208 году и приобрела особый характер под руководством папы Иннокентия III, который направил в эту страну легатов с властью, независимой от епископов, для преследования еретиков с помощью светской власти. Несчастные альбигойцы, ставшие объектами этого преследования, были истреблены огнем и мечом, а гибель тысяч людей в результате массовых убийств, пыток и погребальных костров ознаменовала начало инквизиции.[2]

Это было во времена правления Филиппа Августа, во время которого инквизиция, по-видимому, не осуществлялась за пределами Прованса и Лангедока; но в 1255 году по просьбе Людовика IX она была учреждена папской властью по всему королевству, за исключением территорий графа Пуатье и Тулузы.[3] Однако она не получила здесь какой-либо постоянной опоры, хотя точный период ее прекращения установить нелегко. В 1560 году кардинал Лотарингии предпринял успешную попытку ввести его во Франции против протестантов, и это последний раз, когда мы находим его упоминание в связи с историей этой страны.[4]

В 1224 году он был учрежден папой Гонорием II. во всех штатах Италии, кроме Венеции и Неаполя. В 1289 году он был основан в Венеции.[5] По-видимому, он существовал в Неаполитанском королевстве еще в 1269 году.[6] В исторических источниках того периода о нем упоминается не очень часто, и мы можем заключить, что в этих странах он не приобрел того кровавого характера, которым было отмечено его первое существование по другую сторону Альп. Он исчез из всех этих частей, за исключением Папской области, не завершив долгой карьеры.

Именно в Испании этому ужасному трибуналу было суждено обрести самую прочную опору и осуществить самую кровавую власть. Его создание в этой стране можно датировать 1232 годом, и оно постепенно проникло во все княжества, из которых состоит это королевство, хотя и не без кровавого сопротивления со стороны жителей, которые испытывали крайний ужас перед инквизицией и убили многих монахов-доминиканцев, которые были ее главными министрами и инструментами ее создания.[7] В 1481 году, после объединения Королевства Кастилия и Арагон при Фердинанде и Изабелле, конституция инквизиции была реформирована и модифицирована в отношении различных пределов территориальной юрисдикции, а также путем введения новых

и суровых законов и правил. Это называлось *современной* инквизицией,^[8] и предлогом для ее создания было преследование обращенных евреев, которых подозревали в возвращении к их прежней вере. Впоследствии он привлек к своей ответственности другие ереси и некоторые гражданские правонарушения. Совершенно очевидно, что люди испытывали к нему решительное отвращение, которое они проявляли в жестоких беспорядках. Тем не менее сила и террор преодолели их сопротивление, и властолюбивый дух папы, алчность Фердинанда и фанатизм монахов смогли надеть железное ярмо инквизиции на шеи испанцев. Она работала непрерывно, пока не была упразднена Наполеоном четвертого декабря 1808 года.

Обстоятельства его появления в Португалии слишком любопытны, чтобы их опускать. Примерно в 1540 году в Испании жил монах по имени Сааведра, который подделывал апостольские буллы, королевские указы и переводные векселя с такой точностью, что все они до единого выдавались за подлинные. Он преуспел настолько, что выдал себя за рыцаря и командора военного ордена Святого Яго, доход от которого, составлявший три тысячи дукатов, он получал в течение полутора лет. За короткое время он приобрел с помощью королевских документов, которые подделал, триста шестьдесят тысяч дукатов.

Проявив немного благоразумия, он мог бы остаться незамеченным на протяжении всей жизни, но его успехи подтолкнули его к начинаниям, которые привели к его открытию. Он встретился с иезуитом, путешествовавшим в Португалию с апостольским поручением об основании там колледжа этого ордена. Эти две согласованные меры по внедрению инквизиции, а также иезуитов в Португалию. Сааведра подделал письма Карла V. королю Португалии и папскую буллу, учреждающую инквизицию в этой стране. Для этой цели эта булла *позднее* назначила Сааведру легатом.

Затем этот дерзкий и наглый самозванец принял облик римского кардинала. Он путешествовал с носилками, серебряной посудой и целой свитой слуг, взимая деньги за свой путь путем подделки облигаций. Он отправил своего секретаря в Лиссабон со своей буллой и документами, чтобы подготовиться к его приему. Король отправил к границам знатного дворянина встретить его, и он въехал в Лиссабон, где провел три месяца, и к нему относились с величайшим уважением. Впоследствии он совершил путешествие по королевству и завершил дело, ради которого совершил свой визит. Наконец, он был обнаружен генеральным инквизитором Испании и арестован. После суда инквизиции он был приговорен к десяти годам каторги. Король добавил к этому сроку еще девять лет. Почти все учреждения, созданные им в Португалии, были сохранены под предлогом того, что Святая канцелярия была необходима для преследования евреев.

Испанские монархи стремились распространить его на все страны, находящиеся под их властью. Император Карл V, чье рвение к инквизиции принесло ему титул Дон Кихота Веры, учредил его в Нидерландах в 1522 году, и огромное множество людей, принявших реформатскую религию, погибло на ее могильных плитах. Это кровавое преследование было одним из средств возбуждения восстания, благодаря которому Голландия была освобождена от испанского ига.^[9] Им также была предпринята попытка внедрить его в Неаполе, но это встретило самое решительное противодействие. Неаполитанцы подняли восстание, устроили резню испанцев и вынудили императора отказаться от этого проекта. Примерно в то же время, когда он появился в Нидерландах, он был также основан в испанских владениях в Америке. Первые *аутодафе* были отпразднованы в Лиме в 1639 году.^[10] Португальцы перенесли его в

свои Ост-Индские колонии, установив в Гоа в 1559 году.^[11] Однако в Бразилии ее никогда не существовало.

Современная история инквизиции должна быть знакома каждому читателю. Ее упразднение Наполеоном в 1808 году, восстановление при Фердинанде VII. и его второе свержение испанским народом в 1820 году - события слишком хорошо известные, чтобы нуждаться в повторном изложении здесь.

ЗАПИСИ ИСПАНСКОЙ ИНКВИЗИЦИИ.

СУД НАД ПЕДРО ГИНЕСТОЙ, УРОЖЕНЦЕМ ДЕРЕВНИ СЕНТ-КВИНТИ ЕПАРХИИ СЕНТ-ФЛОР, ЗА УПОТРЕБЛЕНИЕ БЕКОНА В ЗАПРЕЩЕННЫЙ ДЕНЬ

В Королевском дворце инквизиции Барселоны, на четвертый день сентября тысяча шестисот тридцати пяти, настоящее, Инквизитор доктор Доминго Аббад г Уэрта, судейство в одиночестве в своей утренней аудитории, изучив информацию, полученную от Педро Хинеста, уроженец с. ст Квинти, епархия св. Флор и Джоан Мелла, С. ст Maurion, приход Hauvinar, епархии Клермона, во Франции, по профессии оба мангалы, этот же арестовали комиссара Салас в тюрьме АГНА Вилла,—заказали, что вышеуказанные лица будут переданы в секретную тюрьму из дворца инквизиции,^[12] и что их судят быть предъявлен в форме; также распорядился, что комиссар изложенного быть поручено засвидетельствовать *объявление perpetuum* показания свидетелей, устанавливая личность лиц, которым они свергнут против, и Ли сказал, что пленных быть теми людьми, которых они берут с наевшись сала на Святого Варфоломея Ева, несмотря на запрет; также, что указанные заключенные, после того, как бизнес осаждения отправки, быть передано с любовью на руках несколько знакомых, в тюрьму эту инквизицию.

Для чего пусть будут приняты необходимые меры.

Передо мной—

Маттео Магре, секретарь.

В городе Тремп, епископство Уржель, двадцать пятого августа тысяча шестьсот тридцать пятого года, утром, перед лицензиатом Джоан Торроэлла, пресвитером—комиссаром Святой Канцелярии инквизиции в городе Салас, явился по вызову и официально поклялся говорить правду человек, назвавшийся Джоан Компте, уроженцем и жителем города Таларн в вышеупомянутом епископстве, возраста, как он заявил, пятьдесят пять лет или около того.

Спросили, знал ли он или предполагал причину, по которой его вызвали.

Ответил, что он не знает и не строит догадок.

Допрошен, знал ли он или слышал, что какой-либо человек говорил или делал что-либо, что противоречило или казалось противоречащим нашей святой католической вере и евангельскому учению, проповедуемому святой католической Римской церковью, или против справедливого и свободного исполнения Священного Сана.

Ответил, что он ничего не знает о вопросах, относительно которых его допрашивали, за исключением того, что в канун последнего дня Святого Варфоломея, находясь в городе Тимьян вышеупомянутого епископства Уржель, он зашел в таверну Питье и увидел там человека с седой бородой, по профессии жаровня, который был хорошо известен обвиняемому, поскольку он видел его и принимал у себя в городе Калан, где тот занимался своим ремеслом и работал на обвиняемого. Имени этого человека обвиняемый не знал, поскольку никогда не слышал, чтобы оно упоминалось. В том же месте находился молодой человек, которого упомянутый мангальщик назвал своим подмастерьем. Эти двое сидели за столом и ели суп, который, когда его подали, обвиняемый увидел, как указанный человек высыпал на сковороду глиняное блюдо с беконом и луком, и упомянутый жаровенщик спросил обвиняемого, не хочет ли он поесть с ним, на что тот ответил, что это канун и пост Святого Варфоломея, в это время церковью запрещено употреблять такую пищу. Несмотря на это, упомянутый мангальщик и его слуга в присутствии обвиняемого съели упомянутые бекон и лук, небольшая часть которых, как было замечено, осталась на блюде. Этот остаток указанные лица намазали на кусок хлеба и подали хозяйке на тарелке. Покончив с этим, мангал и его слуга удалились на *площадь* города, а обвиняемый остался в таверне с вышеупомянутой хозяйкой. Согласно клятве свидетеля, это истина, и, будучи зачитано в его присутствии, он объявляет, что написано правильно. Свидетель заявляет, что он делает это заявление не со зла на кого бы то ни было. Поскольку от него требовалась секретность, он обещал соблюдать ее; и поскольку он не может писать, я, упомянутый Комиссар, подписываюсь его именем.

Джоан Торроэлла, комиссар.

В городе Семиана, епископство Уржель, двадцать восьмого августа тысяча шестьсот тридцать пятого года, утром, перед преподобным старшим лиценциатом Джоан Торроэлла, пресвитером-комиссаром Святой Канцелярии в городе Салас, явилась по вызову и официально поклялась говорить правду женщина, называющая себя Джеронимой Аймара, женой Педро Аймара-и-Питеу, земледельца, уроженца и жительницы города Семиана, совершеннолетняя, как она заявила, сорок лет или около того.

Спросили, знала ли она или предполагала причину, по которой ее вызвали.

Ответила, что, по ее предположению, это было сделано для того, чтобы узнать, ели ли какие-то люди мясо в ее доме накануне дня Святого апостола Варфоломея, в связи с чем она могла бы заявить, что в указанное время в ее доме были два человека, имен которых она не знает, но помнит, что один был стариком, а другой юношей, оба у жаровен; указанный юноша попросил свидетеля приготовить для них блюдо с соленым беконом, которое стояло на столе. Свидетель спросил в ответ, почему они хотели съесть бекон в этот день. Молодой человек повторил свое требование приготовить бекон, поскольку они собирались его съесть. Свидетельница ответила, что ей не хотелось, так как это было в такое время. Молодой человек снова потребовал, чтобы бекон приготовился, и велел ей положить в кастрюлю вместе с ним лук. После чего свидетельница приступила к приготовлению бекона, добавив в него на одну *порцию лука*, которую она купила для этой цели у *dinero*. Сделав это, она поставила продукты на стол перед указанными лицами, и в этот момент вошел Хуан Конте из города Таларн; поскольку свидетель в тот день пекла и была обязана ухаживать за своей печью, она всего лишь поставила продукты

на стол перед указанными лицами, и на просьбу Хуана Конте принести что-нибудь поесть, ответила, что он должен подождать, пока она не вернется из духовки, что он и сделал, и по ее возвращении она обнаружила за столом вышеупомянутых двух человек, один из которых приказал ей убрать то, что осталось от мяса, и свидетель увидел, что там остался кусочек бекона и несколько ложек лука, который она приготовила, а бекон был намазан на кусок хлеба. После этого два вышеупомянутых человека покинули дом, будучи замечены за трапезой вышеупомянутой Джоан Компт, которая присутствовала все это время. Кроме того, свидетельница заявила, что, по ее мнению, она слышала, как ее муж сказал вечером в предыдущую среду, что он слышал, как вышеупомянутые лица заявили, что они намеревались съесть этот кусок бекона, который они раздобыли, на следующий день, который был у Святого Варфоломея, как указано выше, и что ее муж ответил, что они не могли, так как это был пост. Согласно клятве свидетельницы, это соответствует действительности, и то, что это было зачитано в ее присутствии, она считает написанным правильно. Свидетельница далее заявляет, что она делает это заявление не со злого умысла по отношению к кому-либо. Поскольку от нее требовалась тайна, она обещала соблюдать ее; и поскольку она не умеет писать, я, упомянутый Комиссар, подписываюсь ее именем.

Лицензиат

Джоан Торроэлла, комиссар.

Утром в деревне Сансерин, приход Семиана, перед вышеупомянутым лицензиатом-комиссаром Джоан Торроэлла явилась по вызову и официально поклялась говорить правду женщина, называющая себя Изабель Рамонеда, жена Педро Рамонеды, земледельца, жителя упомянутой деревни Сансерин, в возрасте, по ее словам, тридцати лет или около того.

Спросили, знала ли она или предполагала причину, по которой ее вызвали.

Ответила, что, по ее предположению, это было сделано с целью выяснить, ели ли некоторые гасконцы мясо в Семиане в канун последнего дня Святого Варфоломея, относительно чего она может заявить, что в прошлый четверг, в день Святого Варфоломея, вечером к ней в дом пришел гасконец, которого, как она полагает, зовут Педро, старик, по профессии жаровщик. Он приехал, как он заявил, из города Семиана; и, стоя у дверей дома этого свидетеля, мимо проходили слуги Франсиско Рокабруны, аптекаря Семианы, когда упомянутый гасконец спросил парней, знают ли они, был ли освобожден молодой человек, задержанный в Семиане, на что они ответили: 'Нет', - и закричали: 'Ха! Лютеране, ешьте мясо в постный день!' Когда парни прошли мимо, он сказал свидетелю, что ел, и что он сожалеет или не сожалеет, свидетель не помнит, о ком из двух. При этом не присутствовал ни один другой человек. Согласно клятве свидетельницы, это соответствует действительности, и то, что это было зачитано в ее присутствии, она считает правильно записанным. Свидетельница заявляет, что она делает это заявление не из злого умысла по отношению к кому-либо. Поскольку от нее требовалась секретность, она пообещала соблюдать ее. Поскольку она не может писать, я, упомянутый Комиссар, расписываюсь ее именем.

Лиценциат
Джоан Торроэлла, комиссар.

В деревне Сансерин в то же утро явился по вызову и официально поклялся говорить правду мужчина, называющий себя Хуаном Монко, земледелец, уроженец и житель вышеупомянутой деревни, возрастом, по его словам, двадцать лет или около того.

Спросили, знал ли он или предполагал причину, по которой его вызвали.

Ответил, что, по его предположению, это было сделано с целью выяснить, ели ли некоторые гасконцы мясо в городе Семиана накануне последнего праздника Святого Варфоломея, относительно чего он может заявить, что вечером указанного дня Святого Варфоломея, находясь недалеко от дома Педро Рамонеры, где жил гасконец, имя которого свидетелю неизвестно, этот гасконец был пожилым человеком, тучным и по профессии торговцем жаровнями, мимо проходил слуга аптекаря Рокабруны из Тремпа. , чье имя свидетелю неизвестно. Свидетель слышал, как этот слуга из Рокабруны сказал упомянутому гасконцу: "Ха, лютеранин! ешь мясо в постный день!" И обвиняемый слышал, как упомянутый гасконец ответил: "Да, я ел", — но не знает, слышал ли это упомянутый слуга Рокабруны. Это соответствует действительности в соответствии с присягой поверенного; и, будучи зачитано в его присутствии, он заявляет, что это правильно записано. Обвиняемый далее заявляет, что он не делает этого заявления со злого умысла по отношению к кому-либо. Поскольку от него требовалась секретность, он обещал соблюдать ее; и, поскольку я, упомянутый Комиссар, не могу писать, я подписываюсь его именем.

Лиценциат,
Джоан Торроэлла, комиссар.

В то же время в городе Семиана передо мной в соответствии с повесткой явился упомянутый лиценциат и комиссар Джоан Торроэлла и официально поклялся говорить правду, человек, называющий себя Педро Аймар-и-Питеу, уроженец и житель вышеупомянутого города Семиана, в возрасте, как он заявил, пятидесяти шести лет или около того.

Спросили, знал ли он или предполагал причину, по которой его вызвали.

Ответил, что, по его предположению, это было сделано с целью выяснить, ели ли некие гасконцы мясо в его доме в прошлый день Святого Варфоломея, относительно чего, как ему сообщила его жена, упомянутые двое гасконцев останавливались в его доме и ели мясо в тот день. Кроме того, он заявил, что упомянутые гасконцы, имен которых он не знал, поскольку никогда раньше их не видел, были за ужином в его доме накануне вечером, то есть в среду, причем один из упомянутых гасконцев был пожилым, а другой молодым человеком, оба с жаровнями, — старик сказал жене обвиняемого, что на следующий день он собирается отведать мяса, то есть у Святого Варфоломея, и попросил ее приготовить немного соленого бекона. На что обвиняемый ответил, что они не могут, так как это был пост. Старик ответил, что

они все равно собирались поесть, что навело обвиняемого на мысль, что у него есть разрешение на употребление мяса или он страдает каким-либо недугом; по этой причине он больше не высказывал возражений, и вечером того же дня, вернувшись домой с работы, его жена сообщила ему, что гасконцы ели мясо, и что старик ушел, а молодого человека схватили и отвезли в тюрьму. Согласно клятве свидетеля, это соответствует действительности, и то, что это было зачитано в его присутствии, он объявляет правильно записанным. Свидетель далее утверждает, что он делает это заявление не по злему умыслу кому бы то ни было; и поскольку ему было предписано хранить тайну, он пообещал соблюдать ее. Поскольку он не умеет писать, я, упомянутый Комиссар, подписываюсь его именем.

Лиценциат,
Джоан Торроэлла, комиссар.

Семнадцатого сентября тысяча шестьсот тридцать пятого года, в три часа пополудни, Педро Жинеста из Оверни, епископства Сен-Флор, был по приказу инквизиторов помещен в секретную тюрьму инквизиции и вверен попечению П. Фонтанеллы, алькайда указанной тюрьмы, который осмотрел заключенного и не разрешил ему ничего запрещенного его инструкциями. Вещами, найденными при нем, были две рубашки, пара бриджей, кошелек, один *dinero* и три *суэльдо*, которые были переданы на попечение Камара де Пабло.

Pedro Fontanella.

ПЕРВАЯ АУДИЕНЦИЯ.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны восемнадцатого сентября тысяча шестьсот тридцать пятого года инквизитор доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, находясь на утренней аудиенции, приказал вывести заключенного из его камеры; который, будучи представлен, поклялся говорить правду в настоящем, а также во всех других случаях до вынесения решения по его делу. Он также поклялся соблюдать тайну в отношении всего, что он может увидеть, услышать или узнать, и всего, что должно с ним случиться.

Спросили, как его зовут, возраст, род занятий, место рождения, жительства и период его ареста этой Святой Канцелярией.

Ответил, что его зовут Педро Жинеста, по профессии он жаровенщик, уроженец деревни Орлиах, епископство Сен-Флор, королевство Франция, проживает в Оркане, Каталония, более четырнадцати лет занимается в этой стране изготовлением жаровен, возраст - восемьдесят лет или около того, и что вчера он был арестован комиссаром Святой Канцелярии в городе Салас.

Расспрашивали, кто были его отец, дед по отцовской и материнской линиям, а также жена; кто были его дяди, братья и дети; каковы были их занятия, места рождения и проживания. [Далее следует длинный рассказ о родственниках заключенного в ответ на указанные подробности.]

Допрашивал, каково было происхождение его предков и побочных родственников, и был ли кто-либо из них наказан или подвергнут епитимье Святой Канцелярией инквизиции.

Ответил, что все его родственники были старыми христианами-римско-католиками,^[13] и что никто из них никогда не был наказан или приговорен Святой Канцелярией до настоящего времени.

Спросили, был ли он крещеным и конфирмованным католиком и взял ли за правило посещать мессу, исповедоваться и принимать причастие в такое время, какое предписано Святой Католической Матерью-церковью; в какое время он в последний раз посещал мессу и от кого получал святое причастие.

Ответил, что он крещеный и конфирмованный христианин, милостью Божьей крещенный в церкви Сантанти, митрополии суфражисток Каберны и других мест, и что он знает, что более сорока лет назад был конфирмован епископом по имени Панлаза в городе Уэрка в Арагоне, или Поротео, епископом этого королевства, в кафедральном соборе; что он очень хорошо помнит факт конфирмации, будучи тогда совершеннолетним; что он посещает мессу каждое воскресенье и праздничные дни, за исключением тех случаев, когда он путешествует; что он исповедуется и причащается в любое время, установленное Святой Матерью-Церковью; что у него есть свидетельства на этот счет; что он верит, что в последний раз он исповедовался на прошлой Страстной неделе в городе Ла-Пуэнте-де-Монтания священнику этой церкви; что он не помнит имени человека, из рук которого он получил причастие. Затем заключенный осенил себя крестным знаменем, призывая Отца, Сына и Святого Духа, правильно повторил четыре молитвы и общую исповедь на латыни и заявил, что больше ничего не знает о христианском учении.

Спросили, умеет ли он писать, или читать, или изучал какую-либо науку или факультет.

Ответил, что он не умеет ни писать, ни читать и не изучал никаких наук или искусств.

Спросили, покидал ли он когда-либо королевства Испании с момента своего первого прибытия или имел какие-либо дела с людьми неоднозначной веры.

Ответил, что более шестидесяти лет занимается изготовлением жаровен в королевствах Каталония и Арагон, время от времени посещая свой дом во Франции, где нет ни лютеран, ни лиц сомнительной веры.

Спросили, каковы были события его жизни.

Ответил, что он родился, как указано выше, в деревне Орлах и оставался со своим отцом до двадцати лет, помогая ему в его профессии жаровни; что он провел свою жизнь во Франции, Арагоне и Каталонии, его отец привез его мальчиком в эту страну, где он умер и оставил его шестьдесят лет назад в городе Эрла, недалеко от Геи, в Арагоне, все это время работая в разных местах, где он стал хорошо известен; что его жена никогда не была в Испании ни разу.

Допрашивали, знал ли он или предполагал причину своего заключения.

Ответил, упав на колени, плача и бия себя в грудь, что он совершил преступление против Господа, поедая сало в канун Святого Варфоломея в деревне Семьяна, и что это была правда ему сказали за день до этого, хозяйка дома, где это было сделано, что на следующий день был

быстрый, но не вспомнить этот намек, он, пока хозяйка вышла из дома, чтобы ее печи ели же в компании с неким подростки до четырнадцати-пятнадцати лет, родом из епископства Клермон во Франции, приехавшая работать с ним на два дня раньше; и когда они ели, хозяйка вернулась и снова напомнил ему, что это был самый быстрый Святого Варфоломея, и они не должны его съесть, после чего они сразу же воздерживались от еды; что оба они были арестованы и привезены на дороге в Барселону под охраной одного человека, молодежь со связанными руками; что, прибыв возле леса он бежал, несмотря на усилия , предпринимаемые гвардии, которые подняли район на его поиски; и если при этом он оскорбил Господа нашего, он просил прощение и милость.

Затем заключенному сообщили, что в этой Святой Канцелярии не принято задерживать кого-либо без достаточной информации о том, что он сказал, сделал или был свидетелем совершения чего-либо действительно или явно оскорбительного против Бога, Господа нашего, или против его Святой католической веры и евангельского закона, которым учит и проповедует Святая Мать Римская Церковь, или против справедливого и свободного исполнения Священной Службы; следовательно, он должен был понимать, что он был заключен в тюрьму из-за какой-то такой информации, и он получил увещевание от Бога, Господа нашего, и славной и благословенной Девы Марии, взять себя в руки. и сознается в своих преступлениях, не скрывая ничего, относящегося ни к нему самому, ни к какому-либо другому лицу, и не давая ложных показаний против кого-либо; делая все это, его суд должен быть проведен со всей краткостью и решен с тем милосердием, которое Святая Канцелярия проявляет ко всем тем, кто свободно признается; в противном случае должно свершиться правосудие.

Ответил, что ему больше нечего сказать, и, когда ему зачитали вышесказанное, он объявил, что это правда, согласно данной им клятве, и что ему нечего изменять или умалять из того, что там содержится, и с этим предостережением хорошенько одуматься, и заявить правду, он был заключен в тюрьму.

Dr Domingo Abbad y Huerta.

ВТОРАЯ АУДИЕНЦИЯ.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны девятнадцатого сентября тысяча шестьсот тридцать пятого года инквизитор доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, находясь на утренней аудиенции, председательствующий по делам правосудия, приказал вывести вышеупомянутого Педро Гинесту из тюрьмы, что и было сделано, и заключенный присутствовал, он был

Спросили, помнит ли он что-нибудь связанное с его делом, что он обязан был рассказать со всей правдой, чтобы успокоить свою совесть.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Затем заключенный получил наставление от Бога, Господа нашего, и т. Д. [*Все повторилось, как описано выше.*]

Ответил, что ему больше нечего сказать, и, получив наставление одуматься и говорить правду, был заключен в тюрьму.

Передо мной—

Мигель Родригес.

ТРЕТЬЯ АУДИЕНЦИЯ.

Двадцатого сентября тысяча шестьсот тридцать пятого года в Королевском дворце инквизиции Барселоны инквизитор доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, находясь на утренней аудиенции, приказал вывести вышеупомянутого Педро Гинесту из его тюрьмы, что было сделано, и заключенный присутствовал, он был

Спросили, помнит ли он что-нибудь связанное с его делом, что он обязан был рассказать по всей правде и искупить свою совесть.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Затем заключенному сообщили, что во время аудиенций, которые уже были даны, он получил наставление от Бога, Господа нашего, и т.д. *[Все повторилось, как и прежде.]*

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Затем заключенный был уведомлен о том, что Фискал-промоутер^[14] этой Святой Канцелярии выдвинул против него обвинение, перед которым ему не мешало бы заявить всю правду, поскольку он уже был предупрежден, и в этом случае он в большей степени испытал бы милосердие, которое Святая Канцелярия всегда проявляет к тем, кто исповедуется добровольно; в противном случае Фискал присутствовал бы и приступил к делу. обвинение.

Немедленно появился доктор Франсиско Грегорио, фискал—покровитель этой Святой Канцелярии, и предъявил обвинение, подписанное им самим, против упомянутого Педро Гинесты, поклявшись, что это было сделано не по злему умыслу; обвинение было следующим:-

ОБВИНЕНИЕ.

Я, доктор Франсиско Грегорио, фискал этой Святой Канцелярии, предстаю перед вашим Превосходительством и обвиняю преступно Педро Гинесту, бразье, уроженца деревни Орлиах, епископства Сен—Флор, в Убернии, королевство Франция, проживающего в этом княжестве, прикрепленного к тайной тюрьме инквизиции и ныне присутствующего, - заявляя, что указанное лицо, будучи крещеным и подтвержденным христианином, и пользующееся милостями и преимуществами, которыми такие люди пользуются и должны пользоваться, не имея страха Божьего перед глазами, но независимо от своей собственной совести и правосудия, вершимого вашим превосходительством, совершил преступления против нашей Святой Веры, говоря и совершая вещи, которые отдают еретиком Лютером, следующим образом.

Указанный заключенный, находясь в определенной части деревни Семиана в епископстве Уржель в последний пост Святого Варфоломея, в компании с другим определенным человеком, приказал приготовить блюдо из бекона и лука; и, получив напоминание о необходимости соблюдать осторожность, поскольку это был пост, итакая пища была запрещена, в ответ

приказал приготовить мясо, и фактически, когда указанное мясо было приготовлено, он продолжил есть то же самое в компании с другим упомянутым человеком, и, несмотря на то, что другой человек сообщил ему во время еды, что это было В день святого Варфоломея и во время поста, во время которого не разрешалось употреблять такую пищу, упомянутый заключенный продолжал есть остаток упомянутого бекона.

Более того, поскольку упомянутый заключенный принадлежит к нации, зараженной ересью, предполагается, что он во многих других случаях ел мясо в запрещенные дни по обычаю секты Лютера и совершил много других преступлений против нашей Святой Веры, помимо того, что знал, что другие совершали те же преступления, и поскольку ваше превосходительство предостерегало упомянутого заключенного говорить правду, он не сделал этого, но дал ложные показания.

По этим причинам я умоляю ваше превосходительство, чтобы после представления полных доказательств моего обвинения или такой его части, которая будет достаточной для целей правосудия при рассмотрении настоящего дела, ваше превосходительство объявило мое обвинение доказанным, а указанного Педро Гинесту виновным в вышеупомянутых преступлениях, наложив на него самые суровые наказания, установленные законом за указанные преступления, и приказав применить их к его личности и имуществу в качестве наказания для него самого и примера для других; и чтобы заключенный, если это будет признано необходимым, был подвергнут пыткам, и чтобы то же самое было применено к нему. повторяется до тех пор, пока он не признается во всей правде как о себе, так и о других.

И я официально клянусь, что выдвигаю это обвинение не по злему умыслу, а исключительно для достижения целей правосудия, которых я сейчас прошу у вас.

Доктор Франсиско Грегорио.

После предъявления и зачитывания этого обвинения упомянутый Педро Гинеста был официально приведен к присяге говорить правду в ответ на каждый связанный с этим вопрос. Когда обвинение было перечитано, статья за статьей, он ответил следующее: —

Главному обвинителю он ответил, что он тот самый Педро Гинеста, которого обвиняет Фискал, но никогда не совершал никакого преступления против нашей Святой католической веры, не делал и не говорил ничего, что относилось бы к секте Лютера или какой-либо другой ереси.

На первую статью он ответил, признавшись, что ел бекон с луком в упомянутый канун Святого Варфоломея, и что, хотя это было правдой, ему напомнили, что это был пост, он забыл об этом, и когда ему снова сказали об этом во время еды, он немедленно прекратил есть; что человек, который ел с ним, был молодым человеком, сыном Борбона Мерчанте; что он совершил вышеуказанный поступок не из неуважения к Церкви или ее заповедям, хорошо зная, что в такие дни запрещено есть мясо, и это правило он соблюдал. на протяжении всей своей жизни он оставался в решимости соблюдать, веря во все доктрины, которым учит святая Католическая Римская церковь. Тут заключенный упал на колени и заявил, что нанес оскорбление по забывчивости.

На второй пункт он ответил, что никогда в другое время не совершал подобного преступления и не скрывал правды по этому пункту, уважая себя или своего спутника, будучи послушным сыном Церкви.

В заключение обвинения он ответил, что, даже если бы его подвергли пыткам, он не смог бы больше ничего заявить и что он нанес оскорбление не из каких-либо дурных намерений, а по забывчивости, вызванной его преклонным возрастом.

Все вышесказанное соответствует действительности согласно клятве заключенного, и, будучи зачитано в его присутствии, он заявляет, что оно записано правильно.

Инквизитор,
доктор Доминго Аббад-и-Уэрта.

Передо мной—

Мигель Родригес.

Затем инквизитор заказал ему копию обвинения, чтобы он мог в течение трех дней принять меры для его судебного разбирательства и защиты, посоветовавшись и договорившись с одним из адвокатов, которые являются адвокатами лиц, привлеченных к ответственности Святой Канцелярией, а именно доктора Магрины, священника и Микара Морато, предоставив заключенному свободу выбора любого из них. Заключенный сделал выбор в пользу доктора Магрины, после чего инквизитор приказал вызвать его. Затем аудиенция была закрыта, и заключенный, получивший предупреждение, был отправлен в тюрьму.

Передо мной—

Мигель Родригес.

АУДИТОРИЯ ДЛЯ ИЗЛОЖЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВ.

Двадцатого сентября тысяча шестьсот тридцать пятого года в Королевском дворце инквизиции Барселоны инквизитор доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, находясь на утренней аудиенции, приказал вывести вышеупомянутого Педро Гинесту из тюрьмы, что было сделано, и заключенный присутствовал, он был

Спросили, помнит ли он что-либо, что он был обязан заявить в соответствии с данной им клятвой.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Затем заключенному сообщили, что доктор Франсиско Магина, которого он выбрал в качестве своего адвоката, присутствует, с которым он может посоветоваться и принять меры для своей защиты.

Затем доктор Франсиско Магина был приведен к присяге *на священных словах* хорошо и добросовестно защищать упомянутого Педро Гинесту, сообщать ему, если в его деле не на стороне правосудия, делать все, что обязан делать хороший адвокат, и во всем сохранять тайну.

Затем были представлены и зачитаны несколько признаний упомянутого Педро Гинесты, сделанных с восемнадцатого числа этого месяца по настоящее время, с обвинением и ответами

заклученного. Он изучил их и обсудил с подсудимым его дело, посоветовавему, как наилучшую возможную защиту, признаться во всей правде и, если он был виновен в каком-либо правонарушении, просить прощения; таким образом, он мог добиться помилования.

Упомянутый Педро Гинеста ответил, что он изложил всю правду, как явствует из его признаний, что помимо этого он отрицал все, что содержалось в обвинении, и, следовательно, просил оправдать его и отпустить на свободу.

Затем инквизитор приказал передать копию вышеизложенного фискалу Святой канцелярии, который заявил, что, ограничиваясь тем, что он изложил в своем обвинении, и вопросом, содержащимся в признании заключенного, он просил, чтобы они могли перейти к доказательствам. Инквизитор ответил, что дело должно быть рассмотрено окончательно, и доказательства с обеих сторон получили *salvo jure impertinentium et non admittendorum* в соответствии со стилем Святой Канцелярии, и об этом же были уведомлены обе стороны.

Затем фискал-промоутер заявил, что он воспроизвел показания, которые были получены и зарегистрированы против упомянутого Педро Гинесты в этой Святой Канцелярии, и эти показания, по его желанию, могут быть изучены и подтверждены по форме; а также что могут быть проведены все другие необходимые расследования и показания опубликованы; после чего аудиенция закрылась, и заключенный, которому было рекомендовано хорошенько подумать и говорить правду, был заключен под стражу.

Передо мной—

Мигель Родригес.

АУДИТОРИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны шестого октября тысяча шестьсот тридцать пятого года инквизитор доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, находясь на утренней аудиенции, приказал вывести вышеупомянутого Педро Гинесту из секретной тюрьмы, что и было сделано, и заключенный присутствовал, он был

Спросили, помнит ли он что-либо, о чем он был обязан заявить в соответствии с данной им клятвой.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Затем заключенному сообщили, что фискал-покровитель Святой канцелярии потребовал публикации показаний против него, перед которыми ему было бы неплохо сообщить всю правду, поскольку это заставило бы его испытать больше благосклонности и милосердия.

Ответил, что ему нечего добавить к своим прежним признаниям; что это правда, что он ел бекон в канун Святого Варфоломея, но сделал это по незнанию, не зная, что это пост; что он просит прощения за свой проступок, поскольку всю оставшуюся жизнь вел себя по-другому.

Тут же появился Фискал-Промоутер и потребовал публикации показаний против упомянутого Педро Гинесты в соответствии со стилем Священной канцелярии. Инквизитор приказал опубликовать, скрыв имена свидетелей и другие обстоятельства, которые могли бы сделать их

личности известными, в соответствии с приказами и стилем Святой Канцелярии, что было сделано следующим образом.

Публикация показаний против Педро Гинесты, уроженца деревни Сен-Квинти, епархия Сен-Флор, королевство Франция.

Некий свидетель, приведенный к присяге надлежащим образом в городе Тремп, епископство Уржель, в определенный день месяца августа текущего года тысяча шестьсот тридцать пятого, заявляет и проч. *[Далее следует свидетельство Джоан Компт, приведенное ранее.]*

Еще один свидетель, приведенный к присяге в надлежащее время и надлежащим образом в городе Семиана и т. Д. *[Далее следует свидетельство Джеронимы Аймар.]*

Еще один свидетель и т.д. *[Повторяются все остальные показания.]*

После опубликования вышеуказанных показаний от заключенного потребовали клятвы говорить правду в ответ на вышеупомянутые показания, пункт за пунктом, и когда ему зачитали то же самое *de verbo ad verbum*, он ответил следующее;—

На первую статью он ответил, что это правда, что он ел бекон, но сделал это по незнанию, забыв, что сегодня канун Святого Варфоломея, в чем он уже признался, и что, узнав об этом, он перестал есть.

На вторую статью он ответил, что хозяйка, возможно, и сказала то, что она утверждает, но он этого не помнит.

На третий пункт он ответил, что повторил свое прежнее заявление о том, что он католик, и если бы он знал, что сейчас пост Святого Варфоломея, то ни в коем случае не стал бы есть.

В ответ на четвертую статью он сослался на признание, которое он уже сделал, и заявил, что не помнит, чтобы его кто-либо предупреждал.

В ответ на пятую статью он сослался на свое признание и заявил, что помимо этого он отрицает все, на что поклялся свидетель.

Вышесказанное является правдой в соответствии с присягой заключенного, и он заявляет, что то же самое, что было зачитано в его присутствии, точно записано,

Dr Domingo Abbad y Huerta.

Передо мной—

Дамиан Фонольеда, секретарь.

Затем инквизитор приказал предоставить заключенному копию вышеупомянутой публикации, чтобы он мог с помощью своего адвоката принять меры для своей защиты, после чего заключенному было сделано предупреждение и он был заключен под стражу.

АУДИТОРИЯ ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПУБЛИКАЦИИ.

Девятого октября тысяча шестьсот тридцать пятого года в Королевском дворце инквизиции Барселоны инквизитор доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, находясь на утренней аудиенции, приказал вывести вышеупомянутого Педро Гинесту из тюрьмы, что и было сделано, и заключенный присутствовал, он был

Спросили, помнит ли он что-либо, о чем он был обязан заявить во спасение своей совести, согласно данной им клятве.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Затем заключенному сообщили, что присутствует доктор Франсиско Магрина, его адвокат, с которым он может связаться и принять меры для своей защиты. Публикация показаний против заключенного с его ответами на них была затем зачитана упомянутому доктору Франсиско Магрине, который приступил к совещанию с заключенным по поводу его защиты. Сделав это, он получил из рук заключенного лист бумаги, на котором набросал пункты защиты, которые затем были зачитаны заключенному, и он заявил, что официально представил их. Далее следует защита.

ЗАЩИТА.

Хотя Педро Жинеста, уроженец Франции и по профессии мангал, не нуждается в какой-либо защите от обвинений, выдвинутых против него фискалом-покровителем этой Святой Канцелярии, как это ясно видно из показаний; тем не менее, для большей безопасности и с прямым заявлением, что его оспаривание показаний свидетелей против него вызвано не желанием причинить им вред, а исключительно желанием защитить себя, он заявляет следующее.

‘1-й. Он признает, что совершил преступление, но отрицает, что должен понести какое-либо обычное или экстраординарное наказание за то же самое, что является правдой, потому что,

‘2. Хотя факт в том, что он ел мясо в последний раз в канун Святого Варфоломея, все же не факт, что он делал это по злему умыслу или с намерением нарушить постановления Церкви; это заявление является правдой.

‘3. Упомянутый Педро Жинеста, в силу своей профессии, провел свою жизнь в путешествиях из одного места в другое, посещая мессу, где ему случалось бывать по воскресеньям и праздникам, не имея возможности уделять больше внимания религиозным обязанностям; и, как следствие, не знал о днях поста, поскольку не слышал, как их объявляли; что является правдой.

-4-й. По этой причине, а также не зная, что в день святого Варфоломея был предписан пост, он заявляет, что не стал бы есть, если бы знал то же самое; и это правда.

5-го. Хотя это правда, что ему сообщили, что ему не следует есть мясо в это время, поскольку это был канун Святого Варфоломея, тем не менее присутствующие, несмотря на это, позволили ему поесть и не сделали никаких возражений; что является правдой.

6-го. Упомянутый Педро Гинеста, помимо того, что является человеком простого понимания, очень стар, ему более восьмидесяти лет, и в это время память склонна подводить, поскольку старость - это *немогущий вид*; и это правда.

7-го. Упомянутый Педро Гинеста оскорбил не по злему умыслу, а исключительно по незнанию, *в качестве юридического оправдания solet, et verum*.

8-го. Упомянутый Педро Гинеста, хотя и француз по происхождению, является хорошим христианином и, как таковой, всегда пунктуально выполнял все обязательства, которыми связан хороший христианин; что является правдой.

9-го. Исходя из вышеизложенного, упомянутый Педро Гинеста должен быть оправдан вашим превосходительством и освобожден из тюрьмы, в которой он в настоящее время содержится, испытывая милосердие ваших рук; *vel alias*,

10-го. Ponit quod omnia et singulos jure vero, super quibus jus diei et justitiam ministrari postulat, et verum.

Ф. Магринья.

‘11-е. Упомянутый Педро Гинеста приводит вышесказанное в свою защиту и в заключение просит о пощаде.

Ф. Магринья".

Это было представлено инквизитору, и он приказал занести его в архив. Было также приказано уведомить об этом фискала-покровителя этой Священной Канцелярии; после чего аудиенция была закрыта, и заключенный был заключен в тюрьму.

Передо мной—

Мигель Родригес.

ПРИГОВОР.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны, шестнадцатого октября тысяча шестьсот тридцать пятого года, на утренней аудиенции присутствовали инквизитор, доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, председательствующий со своей стороны и со стороны ординария епископства Уржель, и доктор Августин Фернандес Лопес, генеральный викарий епископства Барселоны. Рассмотрев судебный процесс, проводимый в этой Святой Канцелярии против Педро Гинесты, француза по происхождению, уроженца Сент-Квинти или Орлиаха, епископства Сент-Флор, в Убернии, проживающего в Каталонии, в округе Паллас, арестованного в городе Тремп и находящегося в настоящее время в секретной тюрьме-этой Святой Канцелярии, приказал, чтобы в силу этого деяния указанный заключенный был осужден, и получил предупреждение, и немедленно освобожден из тюрьмы.

Передо мной—

Мигель родригес, *заместитель*.

На той же аудиенции упомянутому Педро Гинесте было приказано вывести из тюрьмы, что и было сделано, и присутствующий инквизитор Аббад-и-Уэрта осудил его и сделал замечание в соответствии с приведенным выше приговором. Заключенный принял исправление со смирением и пообещал поправку, что я, Секретарь, настоящим подтверждаю.

Мигель Родригес.

Сразу же, в той же аудитории, заключенный был приведен к присяге говорить правду; и он был Подвергался сомнению ит.д.

Ответил, что ему больше нечего сказать ни в отношении себя, ни в оправдание своей совести, ни что-либо относящееся к тому, что было сказано или сделано в тюрьме этой Святой Канцелярии против чести, достоинства или секретов самой тюрьмы или ее служителей, ни в отношении содержания заключенных, содержащихся в ней; что он не был свидетелем какого-либо общения, которое велось между ними, и не знал, что кто-либо говорил с другим; что у него нет от них сообщений, которые он мог бы кому-либо передать, и что алькаид и Управляющий добросовестно исполняли свои обязанности.

Затем ему было приказано, в силу данной им клятвы и под страхом полного отлучения от церкви, соблюдать совершенную тайну в отношении всего, что с ним произошло в связи с его судебным процессом, и в отношении всего, что он видел, слышал или узнал каким-либо образом, находясь в тюрьме, и не разглашать это никому ни под каким видом; все, что он обещал соблюдать, и, поскольку он не может писать, я, инквизитор Аббад и Уэрта, подписываю его именем; после чего он был уволен.

Dr Domingo Abbad y Huerta.

Передо мной—

Мигель Родригес.

19 числа того же месяца секретарь Родригес отправил комиссару Саласа письмо от имени Трибунала, в котором приказал ему вернуть заключенному, по причине его бедности, орудия его ремесла и другое имущество. Письмо было отправлено заключенным.

Родригес.

СУД НАД ХУАНОМ ДЮРАНОМ, ОБВИНЕННЫМ В БОГОХУЛЬСТВЕ И КОЛДОВСТВЕ.

Я, фискал этой Святой Канцелярии, заявляю, что из полученной информации становится очевидным, что Хуан Дуран, кузнец, уроженец Манресы и житель Вильярредонды, в епископстве Барселоны, совершил преступления против нашей святой веры; на основании чего я намереваюсь выдвинуть против него официальное обвинение. По этим причинам я прошу ваше превосходительство приказать арестовать указанное лицо и заключить его в секретную тюрьму этой инквизиции с целью полного достижения целей правосудия.

Доктор Франсиско Грегорио.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны, десятого декабря тысяча шестьсот тридцать второго года, инквизиторы, доктор Бернардо Луис Котонерер и доктор Доминго Аббад—и-Уэрта, находясь на вечерней аудиенции, рассмотрев показания против Хуана Дурана, кузнеца, жителя Вильярредонды в епископстве Барселона; приказали арестовать вышеупомянутое лицо и заключить его в секретную тюрьму этой инквизиции, и чтобы суд над ним был начат по официальной форме.

Передо мной—

Мигель Родригес.

ФРАНСИСКО КОЛЛЮ, КОМИССАРУ.

Получив это, вы приступите к взятию в плен со стороны этой Святой Канцелярии Хуана Дурана, кузнеца, несколько дней назад проживавшего в этом городе, а ранее - в Вильярредонде. Это высокий человек с худым лицом, бледный, с каштановой бородой и бедно одетый; взяв его под стражу, вы отправите его под хорошим присмотром в эту Святую Канцелярию, руками Приближенных, таким образом, чтобы он не мог сбежать, принимая меры во всех местах, через которые он может пройти, чтобы стало известно, что он задержан этой Инквизицией.

Также, если представится случай, вы конфискуете столько имущества заключенного, если оно будет найдено в этом городе, сколько составит восемь дукатов, на расходы по его содержанию, которые вы передадите тем, кто держит его под стражей.

Это письмо подлежит возврату с описанием всего, что может быть сделано в соответствии с вышеуказанными указаниями, в отношении которых мы полагаемся на руководство нашего Господа.

Барселона, 14 декабря 1632 года.

Когда пленника возьмут, вы осмотрите его личность и жилище, чтобы заполучить книгу размером с ладонь, в которой, как считается, есть определенные молитвы и суеверия. Эту книгу вы пришлете нам сами.

Dr Bernardo Luis Cotoner,
Dr Domingo Abbad y Huerta.

По приказу этой Священной Канцелярии —

Мигель родригес, *заместитель*.

САМЫМ ПРОСЛАВЛЕННЫМ ИНКВИЗИТОРАМ КНЯЖЕСТВА КАТАЛОНИЯ.

Я получил приказы ваших превосходительств и привел их в исполнение. Я узнал, что Хуан Дуран покинул этот город Вильярредонда месяц назад и что время от времени он работал на ремонте моста Арментера в архиепископстве Таррагона, куда я послал за ним и приказал одному из местных Знакомых взять его в осаду. Я обследовал его и нашел его книгу и документы, которые вы получите вместе с этим. При нем не было найдено наличных денег, кроме трехреалов, которые я также передаю от Знакомого, который держит его под стражей. Это все, что можно было получить из его имущества. Заключение я отправляю вашим Превосходительствам согласно приказу и остаюсь на службе у ваших Превосходительств, которым да дарует наш Господь много счастливых лет.

Вильярредонда, 24 декабря 1632 года.

Франсиско Колль, *настоятель Вильярредонды,*
и комиссар Святой канцелярии.

В городе Вальес Кампо, в архиепископстве Таррагона, в субботу, двадцать седьмого ноября тысяча шестьсот тридцать второго года, вечером, без вызова явился к доктору Пабло Паскуалу Маркесу, пресвитеру-комиссару Святой Канцелярии, и поклялся говорить правду, человек, называющий себя Педро Ориола, аптекарь, житель города Вальес, возраст, как он заявил, сорок четыре года или около того; этот человек, при исполнении своих обязанностей совесть, заявил и осудил следующее.

Что примерно пятнадцать дней назад в его доме побывали Хуан Баффорелль и некий Маркал, садовник, жители указанного города; и что среди прочего они рассказали ему, что слышали, как некий человек (имя и место рождения которого обвиняемый не знает, но знает его в лицо, и что он кузнец, работает с Пабло Лаурадорм из этого города, и пришел сюда в компании француза, который выполнял обязанности врача и незадолго до этого был заключен в тюрьму Святой канцелярией), сказал, что у него была книга, которая, если бы ее бросили в огонь вместе с распятием, осталась бы невредимой, в то время как распятие сгорело бы.

Вышеуказанное является правдой, согласно присяге обвиняемого, и, будучи зачитано в его присутствии, он заявляет, что оно правильно записано. Обвиняемый далее заявляет, что он делает это заявление не по злему умыслу против кого-либо, а исключительно для того, чтобы успокоить свою совесть, и заявляет, что сохранит все в секрете.

Подпись,

Pero Orrola.

Передо мной—

Джеронимо Джоан Росселлон,
пресвитер-нотариус Святой канцелярии.

В городе Вальес, в воскресенье, двадцать восьмого числа указанного месяца и года, вечером, перед указанным комиссариатом явился, согласно повестке, и дал клятву говорить правду Хуан Баффорелль, уроженец и житель города Вальес, в возрасте, как он заявил, сорока восьми лет или около того.

Спросили, знал ли он или предполагал причину, по которой его вызвали.

Ответил, что он не знает и не строит догадок.

Допрошен, знал ли он или слышал, что какой-либо человек сказал или сделал что-либо, что противоречило или казалось противоречащим Святой католической вере и Евангельскому закону, проповедуемому Святой Матерью Католической Римской Церковью, или против надлежащей и свободной юрисдикции Святой Канцелярии.

Ответил, что ему ничего не известно об этом деле, кроме следующего. Примерно пятнадцать дней назад он был в доме Мозена Педро Ориолы, аптекаря, в компании с упомянутым Ориолой, Бернардо Сердой, трактирщиком, и Сальвадором Маркалом, садовником, и в ходе беседы упомянутый Маркал заметил, что некий человек, которого обвиняемый знал в лицо, но не знал его имени или откуда он родом, кузнец, работающий с Пабло Лаурадорм из этого города, сказал в его присутствии в таверне вышеупомянутого Бернардо Серды, что у него есть книга или книги из этого города. такого качества и силы, что если бы упомянутая книга или книги были брошены в огонь вместе с изображением распятого Христа, сгорел бы Христос, а не книга. Дальнейшего обвиняемый не знает.

Вышеизложенное соответствует действительности в соответствии с присягой поверенного; и, будучи зачитано в его присутствии, он заявляет, что оно правильно записано. Обвиняемый далее заявляет, что он сделал это заявление не по злему умыслу, а исключительно для того, чтобы облегчить свою совесть; и, более того, обещает хранить тайну; будучи не в состоянии написать, я, упомянутый Комиссар, подписываюсь его именем.

Доктор Пабло Паскуаль Маркес, комиссар.

Передо мной—

Джеронимо Джоан Росселлон,
пресвитер-нотариус Святой канцелярии.

В городе Валлес во вторник, тридцатого числа того же месяца и года, перед упомянутым комиссаром явился по вызову и официально поклялся говорить правду человек, называющий себя Бернардо Серда, трактирщик, уроженец и житель упомянутого города Валлес, в возрасте, как он заявил, двадцати четырех лет или около того.

Спросили, знал ли он или предполагал причину, по которой его вызвали.

Ответил, что он предположил, что это было сделано с целью выяснить суть того, что он заявлял несколько раз; в связи с чем факты заключались в том, что примерно через пятнадцать или тридцать дней после возвращения в свой дом его жена и другая женщина, принадлежащая Вике, которая жила в его доме и ездила по стране лечить болезни, сообщили ему, что они слышали, как некий незнакомец (кузнец, работающий с Пабло Льорадором, но имени или места рождения которого они не знали, хотя знали его в лицо) заявлял, что он врач, который излечивал все болезни, что он был Богом этой страны и что у него была книга, которая, будучи брошенной в огонь вместе с распятием, оставалась невредимой, в то время как распятие сгорало. Вышесказанное было услышано женщинами, но не обвиняемым. Указанный человек также заявил, что он был обрезан, как Иисус Христос, и, услышав об этом от обвиняемого, он был сильно шокирован и заявил, что, если бы это было произнесено в его присутствии, он бы выставил его за дверь дубинкой.

Все вышесказанное соответствует действительности в соответствии с присягой обвиняемого, и, когда ему зачитывают, он заявляет, что это было правильно записано. Далее он заявляет, что делает это заявление не по злему умыслу, и обещает соблюдать тайну. Не умея писать, я, упомянутый Комиссар, расписываюсь его именем.

Доктор Пабло Паскуаль Маркес, комиссар.

Передо мной—

Джеронимо Джоан Росселлон, не бывший пресвитером.

В городе Вальес, в четверг, второго декабря тысяча шестьсот тридцать второго года, во второй половине дня, перед указанным комиссариатом явился согласно повестке и официально поклялся говорить правду человек, называющий себя Пабло Льорад, кузнец, житель города Вальес, возраст, по его словам, пятьдесят пять лет или около того.

Спросили, знал ли он или предполагал причину, по которой его вызвали.

Ответил, что, по его предположению, это было сделано с целью расследования следующего дела. С ним жил человек, который помогал ему в его торговле. Этот человек назвался Хуаном Дураном и сказал, что он уроженец Манресы. Указанное лицо заявило за несколько дней до праздника Всех Святых в присутствии обвиняемого Пабло Висенса и других, чьи имена были забыты, что у него была книга, содержащая молитву такой силы, что, если бы ее бросили в огонь вместе с распятием, это последнее сгорело бы раньше, чем книга, слова которой были произнесены им с большой серьезностью, обвиняемый и другие осудили его и посоветовали ему воздержаться от подобных речей, поскольку они были скандальными, и если бы они стали известны инквизиции, они были бы уничтожены. навлеки на него какое-нибудь наказание. Вышеупомянутый человек несколько раз повторил свои утверждения, но в конце концов прекратил и, казалось, был несколько встревожен упреками, которые они ему делали, побледнев. В других случаях этот человек заявлял обвиняемому, что он очень искусен в лечении расстройств и что Святая Дева дель Росарио дважды являлась ему, давая силу излечивать все болезни, и даровала ему свое благословение, над чем обвиняемый смеялся и приписывал непониманию говорившего; но, услышав утверждение относительно книги, он оскорбился и выгнал его из своего дома. Куда он направился после своего отъезда, обвиняемый не знал, только то, что он заявил о своем намерении вскоре вернуться. Вышеупомянутую книгу он много раз показывал обвиняемому. Это был небольшой листок, размером с ладонь, но толстый, и его владелец читал его в глубокой тайне, как если бы он молился. Говорили, что эти и другие вещи были известны Джейму Карбонеллу, молодому человеку, сыну вдовы Карбонелл, которая держит гостиницу. Человек, о котором шла речь, был высоким, худым, с бледным лицом, каштановой бородой и бедно одетым.

Вышеизложенное соответствует действительности в соответствии с присягой поверенного; и, будучи зачитано в его присутствии, он заявляет, что оно правильно записано. Далее он заявляет, что делает это заявление не по злему умыслу, и обещает соблюдать тайну. Не умея писать, я, упомянутый Комиссар, расписываюсь его именем.

Доктор Пабло Паскуаль Маркес, *комиссар*.

Передо мной—

Джеронимо Хуан Россельон, *нотационный пресвитер*.

В городе Валлес в тот же день, месяц и год перед упомянутым комиссаром явилась по вызову и официально поклялась говорить правду особа, называющая себя Эсперансой Сердана, женой

Бернардо Серданы, владельца гостиницы, жительницы города Валлес, в возрасте, по ее словам, тридцати лет или около того.

Спросили, знала ли она или предполагала причину, по которой ее вызвали.

Ответила, что она не знает и не строит догадок.

Допрошена, знала ли она или слышала, что какой-либо человек сказал или сделал что-либо, что противоречило или казалось противоречащим Святой католической вере и Евангельскому учению, которому учит и проповедуется Святая Мать Римско-Католическая Церковь, или против надлежащей и свободной юрисдикции Святой Канцелярии.

Ответила, что все, что ей известно по этому вопросу, сводится к следующему. Примерно шесть недель назад, когда она обслуживала гостей в своей таверне и только что вышла из кухни в комнату, где находились гости, она увидела, как они перекрестились и, выражая великое удивление, воскликнули: "Господи!" - "Господи!" На что она спросила, в чем дело, и они сказали ей (она не могла сказать, кто именно из них, так как присутствовало очень много), что мужчина, находившийся тогда в комнате, имени которого она не знала, но знала только, что он кузнец, которого она никогда раньше не видела, сказал, что у него есть книга, которая, будучи брошенной в пылающий огонь вместе с распятием, скорее сохранится, чем это последнее, и, услышав эти выражения от обвиняемого, она не преминула выразить свое удивление, воскликнув "Иисус!", а затем вышла из комнаты. Присутствующие также рассказали ей, что вышеупомянутый человек сказал, что он был обрезан и пролил свою кровь так же, как Иисус Христос, наш Господь.

Все вышесказанное соответствует действительности, согласно присяге обвиняемого, и, будучи зачитано в ее присутствии, она заявляет, что оно правильно записано. Далее она заявляет, что делает это заявление не по злему умыслу, и обещает хранить тайну. Поскольку я не умею писать, я, упомянутый Комиссар, расписываюсь ее именем.

Доктор Пабло Паскуаль Маркес, комиссар.

Передо мной—

Джеронимо Хуан Россельон, *нотационный пресвитер.*

В городе Вальес, в субботу, четвертого декабря тысяча шестьсот тридцать второго года, во второй половине дня, перед указанным комиссариатом явился по вызову и поклялся говорить правду человек, называющий себя Пабло Висенсом, крестьянин, уроженец и житель указанного города, в возрасте, по его словам, тридцати лет или около того.

Спросили, знал ли он или предполагал причину, по которой его вызвали.

Ответил, что, по его предположению, это было сделано с целью навести справки по следующему вопросу. Примерно за пятнадцать дней до праздника Всех Святых Бернардо Серда, владелец гостиницы, житель этого города, сообщил ему, что человек, работающий с

Пабло Льорадором, кузнецом из этого города, сказал перед своей женой и гостями в гостинице, что в некоей книге у него есть молитва такой силы, что, если бы книгу бросили в пылающий огонь вместе с распятием, книга была бы сохранена, а распятие сожжено; на что обвиняемый был сильно потрясен и ушел домой. Примерно через шесть или восемь дней после этого обвиняемый отправился в дом Пабло Лаурадора и нашел там вышеупомянутого человека, которого, по его мнению, звали Хуан Дуран. Обвиняемый поговорил с этим человеком, спросив его, что он имел в виду, произнося подобную речь, и посоветовал ему быть осторожным с тем, что он говорит, чтобы его за это не наказали. Упомянутый Хуан Дуран ответил, что он сделал вышеупомянутое утверждение и повторит его, что он и сделал. Обвиняемый сказал ему, что Бернардо Серда сообщил ему о его речи по поводу книги и других его утверждениях; а именно, что Святая Дева дель Росарио дважды являлась ему и заявила, что он обладает силой излечивать все болезни, дав ему свое благословение; за все это обвиняемый осудил его таким образом, что они чуть не подрались, он схватил кузнечные кувалды, чтобы бросить в обвиняемого, но воздержался, поскольку все присутствующие возмутились против него. Вскоре обвиняемого отозвали, и он покинул дом, а день или два спустя, когда он заинтересовался указанным лицом у Пабло Лаурадора, ему сообщили, что тот ушел от него в тот же день. Обвиняемый считает, что с тех пор видел его в Вильярредонде, где, по его мнению, он может быть найден в настоящее время.

Вышеуказанное является правдой, согласно клятве поверенного; и, будучи зачитано в его присутствии, он заявляет, что оно правильно записано. Далее он заявляет, что сделал это заявление не по злому умыслу, и обещает хранить тайну. Не имея возможности писать, я, упомянутый Комиссар, подписываюсь его именем.

Доктор Пабло Паскуаль Маркес, комиссар.

Передо мной—

Джеронимо Росселлон, не бывший пресвитером.

В городе Валлес, в воскресенье, пятого декабря тысяча шестьсот тридцать второго года, до того, как указанный комиссар явился и поклялся говорить правду, человек, называющий себя Джеймом Карбонеллом, уроженец и жительница города Валлес, в возрасте, по его словам, шестнадцати лет или около того.

Спросили, знал ли он или предполагал причину, по которой его вызвали.

Ответил, что он не знает и не строит догадок.

Допрошен, знал ли он или слышал, что какой-либо человек сказал или сделал что-либо, что противоречило или казалось противоречащим Святой католической вере и евангелическому учению, которым учит и исповедуется наша Святая Мать Римская церковь, или против надлежащей и свободной юрисдикции Святой Канцелярии.

Ответил, что все, что ему известно по этому вопросу, сводится к следующему. Примерно шесть недель назад он встретил у себя дома человека, которого звали Хуан (другого его имени он не

знал), и, беседуя с ним наедине у камина, упомянутый человек сказал ему, что у него есть книга стоимостью пятьдесят дукатов; что он знает, как вылечить все болезни простым взглядом на книгу, и что с ее помощью он может вернуть к жизни даже мертвого человека; что если бы люди знали о его великих способностях, он стал бы очень богатым, и что он был обрезан с ранами и кровью, как Иисус Христос; на все это обвиняемый рассмеялся. , и сказал себе: "Без сомнения, этот человек сумасшедший." Упомянутый человек работал кузнецом у Пабло Лаурадора и ночевал в таверне матери обвиняемого, пока тот был в городе.

Затем обвиняемому сообщили, что помимо того, что уже было рассказано, этот трибунал получил указание на то, что упомянутый Хуан заявил, что у него есть книга, которая, будучи брошенной в огонь вместе с распятием, останется невредимой, в то время как распятие сгорит; и что Святая Дева дель Росарио дважды являлась ему, давая свое благословение и даруя ему силу излечивать все болезни. Его увещевали одуматься и объявить всю правду.

Ответил, что никогда не слышал, чтобы он произносил подобные слова, и не знает больше ничего из того, что сказал вышеупомянутый человек.

Это соответствует действительности в соответствии с присягой обвиняемого, и, будучи зачитано в его присутствии, он заявляет, что это правильно записано. Далее он заявляет, что делает это заявление не по злему умыслу, и обещает хранить тайну.

Подпись — Жауме Карбонелл Фадри.

Передо мной—

Джеронимо Хуан Россельон, *нотационный пресвитер*.

ПОДТВЕРЖДАЮ ПРЕДЫДУЩИЕ ПОКАЗАНИЯ.

В городе Вальес Кампо, архиепископство Таррагона, в пятницу, двадцать первого января тысяча шестьсот тридцать третьего года, во второй половине дня, перед доктором Пабло Паскуалем Маркесом, пресвитером-комиссаром Святой Канцелярии, в упомянутом городе Вальес, предстал Педро Ориола, аптекарь, житель упомянутого города, в возрасте, как он заявил, сорока лет или около того, и поклялся говорить правду в присутствии честных и религиозных людей, священнослужителей. Преподобные Жауме Бускерс и Пабло Фонольеда, благотворительные пресвитеры приходской церкви указанного города; эти лица поклялись соблюдать тайну.

Спросили, помнит ли он, что предстал перед каким-либо судом и давал показания против какого-либо лица по религиозным вопросам.

Ответил, что он помнит, как давал показания перед упомянутым доктором Пабло Паскуалем Маркесом, комиссаром Святой Канцелярии, против некоего незнакомца, сопровождаемого французским врачом, который был заключен в тюрьму Святой канцелярией. Он повторил суть своих показаний и попросил зачитать их.

Затем ему сообщили, что Финансовый директор Святой Канцелярии представил его в качестве свидетеля по делу, которое он возбудил против вышеупомянутого лица, имя которого, как было установлено, Хуан Дуран. Ему было приказано внимательно слушать, пока будут зачитываться его показания, и, если он найдет что-либо, что можно изменить или добавить, сделать это таким образом, чтобы заявить всю правду, поскольку его нынешнее заявление может быть полезным упомянутому Хуану Дурану. Затем были зачитаны *показания дословно*, которые упомянутый Педро Ориола, услышав и поняв, заявил, что это его показания и что они были правильно записаны; что ему нечего добавить или исправить, но он готов повторить все заново. Ему снова, под присягой, обязали хранить тайну, что он и обещал. Все это я подписываю за него.

Педро Ориола, аптекарь.

Передо мной—

Джеронимо Хуан Россельон, пресвитер-нотариус
Святой канцелярии.

[Здесь следует, в оригинале, подтверждение таким же образом всех других показаний.]

В городе Вальес в указанный выше день, месяц и год перед упомянутым комиссаром явился, согласно повестке, и официально поклялся говорить правду человек, называющий себя Хуаном Лаурадорм, кузнецом, жителем указанного города, возрастом, как он заявил, двадцать один год или около того.

Спросили, знал ли он или предполагал причину, по которой его вызвали.

Ответил, что он не знает и не строит догадок.

Спросили, знал ли он или слышал, что какой-либо человек сказал что-либо, что противоречило или казалось противоречащим нашей святой католической вере и Евангельскому учению, исповедуемому и преподаваемому святой Матерью Римско-Католической Церковью, или против надлежащей и свободной юрисдикции Святой Канцелярии.

Ответил, что в определенный день, незадолго до праздника Всех Святых, Пабло Висенс пришел к нему домой, где его отец, Пабло Льорадор, сам и подмастерье были за работой с другим человеком, имени которого обвиняемый не знал, но заметил, что он почти не произнес ни слова. Эти люди были вместе, и упомянутый Пабло Висенс заметил, что он был поражен и опечален тем, что существовал человек, который мог сказать, что у него есть книга, которая, будучи брошенной в огонь с изображением Христа, будет спасена, а Христос сожжен. На что вышеупомянутый человек, назвавшийся Хуаном Дураном и уроженец города Манреса, ответил ему, что он именно тот человек, которого он имел в виду, но что его утверждение сводилось только к тому, что Христос был бы съеден до молитвы, содержащейся в книге, если бы Христос не был освящен. На это все они сделали ему выговор и заявили, что простое изображение распятого Христа имеет большую силу, чем его книга или молитва. Упомянутый Хуан Дуран, которому все так противоречили и порицали его, замолчал и покинул это место. Обвиняемый также слышал, как упомянутый Хуан Дуран сказал в разговоре, что он знает больше, чем врачи;

что Пресвятая Дева, Богоматерь дель Росарио явилась ему и дала свое благословение, и что с ее помощью он мог лечить лучше, чем врачи, и делать что-либо лучше, чем другие люди. Обвиняемый также слышал, как Джейм Карбонелл сказал, что Хуан Дюран заявил в его присутствии, что он находится рядом с Богом. Он также слышал, как Хуан Дюран читал или декламировал из маленькой книжки размером с ладонь, над которой смеялась вся семья. Указанную книгу обвиняемый видел.

Все вышесказанное является правдой, согласно клятве обвиняемого, и, будучи зачитано в его присутствии, он заявляет, что оно точно записано. Он далее заявляет, что делает это заявление не по злему умыслу, и обещает хранить тайну. Поскольку я не умею писать, я, упомянутый Комиссар, расписываюсь его именем.

Доктор Пабло Паскуаль Маркес, комиссар.

Передо мной—

Джеронимо Хуан Россельон, *нотный пресвитер Святой канцелярии.*

КАЛИФИКАЦИЯ.^[15]

Некий человек, уроженец этого княжества, заявил в разговоре два или три раза, что у него есть книга, содержащая молитву такой силы, что, если бы книгу бросили в огонь вместе с распятием, это последнее сгорело бы раньше книги; поскольку это утверждение он повторил с большой серьезностью, его упрекнули за это и сказали, среди прочего, что если инквизиция узнает об этом, он будет наказан, что заставило его замолчать через некоторое время. Вышеупомянутую книгу он выставял несколько раз.

2. Тот же человек заявил в другом случае, что он очень искусен в лечении расстройств; что Святая Дева дель Росарио явилась ему и наделила его силой исцелять болезни, а также дала ему свое благословение.

3. Тот же человек в другом случае заявил, что у него есть книга, которую он не продаст за пятьдесят дукатов, поскольку одним взглядом на нее он может вылечить любую болезнь и даже вернуть к жизни мертвого человека; что если бы люди знали о его великой силе, он стал бы очень богатым; и что он был обрезан с ранами и кровью, как Иисус Христос.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны десятого декабря тысяча шестьсот тридцать второго года, присутствуя на дневной аудиенции, инквизиторы, доктор Бернардо Луис Котонер, доктор Доминго Аббад—и-Уэрта, отец Винсенте Наварро, отец Мартин Перес и Джеронимо Видаль, иезуиты и калификадоры этой Святой Канцелярии, и исследовав вышеуказанные утверждения, единогласно заявили, что

1-е - суеверный договор с дьяволом, а сравнение книги с фигурой Христа - богохульство;

2-й, тщеславный и суеверный; и

3d - это суеверный обман; а утверждение о том, что мы были обрезаны, вызывает подозрения во вражде к нашей Святой Вере.

Висенте Наварро, *иезуит*.

Мартин Перес, *иезуит и преподаватель
теологии*.

Джеронимо Видаль, *иезуит*.

Передо мной—

Мигель Родригес.

ПЕРВАЯ АУДИЕНЦИЯ.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны десятого января тысяча шестьсот тридцать третьего года инквизитор доктор Бернардо Луис Котонерер, находясь на утренней аудиенции, приказал привести из секретной тюрьмы некоего человека, который при появлении официально поклялся говорить правду на этой аудиенции и на всех других до завершения судебного процесса над ним и хранить в секрете все, что он может увидеть или услышать, и все, что с ним произойдет, касающееся судебного процесса.

Спросили, как его зовут, где он родился, сколько лет, чем занимается и когда он был заключен в тюрьму.

Ответил, что его зовут Хуан Дуран, он уроженец города Манреса в епископстве Вике, в возрасте тридцати одного года или около того, по профессии кузнец и кузнечиха, и что в день Невинных он был арестован и заключен в тюрьму Святой Канцелярии.

Спросили, кем были его отец и жена; кем были его деды и дяди по отцовской и материнской линии; его братья и дети; каковы были их места рождения, проживания, занятия и т.д.

Ответил, *[Далее следует длинный отчет в ответ на вышеуказанные вопросы.]*

Допрашивал, какого происхождения и какого рода были его предки и побочные родственники; и были ли они, или кто-либо из них, или он сам когда-либо заключен в тюрьму, подвергнут епитимье, отпущен грехи или осужден Святой Канцелярией инквизиции.

Ответил, что все они были старыми христианами чистой крови и что он никогда не слышал и не понимал, чтобы кто-либо из них был заключен в тюрьму, подвергнут епитимье, отпущен грехи или осужден Святой Канцелярией инквизиции; что он никогда не был заключен в тюрьму Святой Канцелярией до настоящего момента.

Спросили, был ли он крещеным и подтвержденным христианином и взял ли за правило посещать мессу, исповедоваться и общаться в установленное Святой Матерью-Церковью время.

Ответил, что он христианин и был крещен, как он слышал от своих родителей, в кафедральном соборе Манресы, но не знает имени епископа, который конфирмовал его; что он взял за правило слушать мессу, исповедоваться и причащаться в часы, предписанные святой Матерью Церковью, и что его последняя исповедь была в городе Вальес-Кампо-де-Таррагона в октябре месяце, в день Богоматери дель Росарио флота дона Иоанна Австрийского, исповедь была сделана монаху-кармелиту, из монастыря того города, названия которого он не знал; что он принял святое причастие из рук того же монаха; что он также исповедовался и причастился во время Великого поста прошлого года в церкви Игуалада перед тамошним священником, имени которого он не знал; и что у него было соответствующее свидетельство, когда его забрали в тюрьму.

Тут он перекрестился, прочел "Отче наш", "Аве Мария" и "Кредо" на латыни, "Salve Regina", "десять заповедей", "семь смертных грехов" и "общую исповедь" на каталонском, все правильно, и заявил, что больше ничего не знает о христианском учении.

Спросили, умеет ли он писать или читать, изучал ли когда-либо какую-либо науку или факультет.

Ответил, что умеет читать, но плохо, так как сам учился. Что он никогда не изучал никакого искусства и не умеет писать.

Спросили, покидал ли он когда-либо королевство Арагон и с какими лицами.

Ответил, что он однажды посетил королевство Гранада, но не в компании с кем-либо; и что он никогда не общался с людьми подозрительной веры.

Спросили, каковы были события его жизни.

Ответил, что он родился в городе Манреса, как указано выше, и воспитывался в доме своего отца до шестнадцатилетнего возраста, когда его отправили в город Игуалада, к Маэстре Андо, кузнецу и кузнецу, у которого он пробыл четыре месяца, обучаясь своему ремеслу; что впоследствии он жил в нескольких местах Каталонии, а затем посетил Арагон и Гранаду, как указано выше, надолго не задерживался, но вернулся сюда около двух лет назад; что в последнее время он жил в деревне Понт-де-Арментерия, Кампо-де-Таррагона, где он был схвачен Святой канцелярией и заключен в тюрьму.

Спросили, знал ли он или предполагал причину своего ареста и заключения в тюрьму Святой Канцелярии.

Ответил, что не знает и не может предположить, разве что для этого; он часто лечил людей от лихорадки и других расстройств розмариновой водой, цветочным соком, рутой и т. Д., Этому искусству он научился у Бога и святой Марии, Богоматери, от которой он получил особый дар для этой цели.

Спросили, каким образом и в какое время он получил этот подарок.

Ответил, что он получил это в возрасте двух лет, родившись с родинкой на шее и двумя другими на левом бедре; что в юности он десять или более лет болел сильной хромотой и умолял Бога и Пресвятую Деву вернуть ему здоровье и даровать ему силу лечить других, чтобы он мог таким образом зарабатывать себе на жизнь.

Спросили, какие у него были причины верить, что Бог и Пресвятая Богородица даровали ему вышеупомянутую силу.

Ответил, что его навел на эту мысль хороший успех, сопутствовавший его попыткам провести вышеупомянутые исцеления, которые были осуществлены в случае многих людей, имен которых он не помнил и от которых он никогда не получал никакой платы, кроме той, которую они давали ему из благотворительности; что если на основании вышеизложенного были даны какие-либо показания против него, он предположил, что это стало причиной его заключения в тюрьму Святой Канцелярией, хотя он не сознавал, что когда-либо совершал какое-либо преступление против нашего Господа, и не знал никакой другой причины своего заключения.

Затем заключенному сообщили, что в этой Святой Канцелярии не принято заключать в тюрьму какого-либо человека без достаточной информации о том, что он совершил или видел совершенным какой-либо поступок, который был или казался противоречащим нашей святой католической вере и евангельскому учению, которому учит и исповедуется Святая Мать Римско-Католическая Церковь, или против надлежащей и свободной юрисдикции Святой Канцелярии; по этой причине он должен был понимать, что именно вследствие какой-то такой информации он был задержан, и по этому поводу он получил увещевание со стороны Бога, Господа нашего, и его славной и благословенной матери, Девы Марии. Мэри, хорошенько одуматься и признаться во всей правде. После чего он был заключен под стражу.

ВТОРАЯ АУДИЕНЦИЯ.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны одиннадцатого января тысяча шестьсот тридцать третьего года инквизитор доктор Бернардо Луис Котонерер, находясь на утренней аудиенции, приказал вывести вышеупомянутого Хуана Дурана из тюрьмы; после того как это было сделано и заключенный присутствовал, он был

Спросили, помнит ли он что-нибудь, относящееся к его делу, о чем он был обязан рассказать по совести.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Затем заключенному сообщили, что на предыдущей аудиенции его уже призывали во имя Господа нашего и его славной и благословенной матери Девы Марии одуматься и облегчить свою совесть, заявив всю правду обо всем, что он сделал, сказал, увидел или услышал, оскорбительного для Бога или противоречащего в действительности или внешне его Святой католической вере и евангельскому учению, которым учит и исповедуется Святая Мать Римско-Католическая Церковь, или против надлежащей и свободной юрисдикции Святой Канцелярии, не свидетельствуя ничего ложного. Следуя этому указанию, он вел бы себя как истинный христианин-католик и добился бы, чтобы его суд был проведен со всей возможной краткостью и милосердием; но если нет, то над ним должно свершиться правосудие.

Ответил, что ему больше нечего сказать. Затем ему сделали замечание и отправили в тюрьму.

Передо мной—

ТРЕТЬЯ АУДИТОРИЯ.

Двенадцатого января тысяча шестьсот тридцать третьего года в Королевском дворце инквизиции Барселоны инквизиторы доктор Бернардо Луис Котонерер и доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, находясь на утренней аудиенции, приказали вывести вышеупомянутого Хуана Дурана из тюрьмы; после того как это было сделано и заключенный присутствовал, он был освобожден.

Спросили, помнит ли он что-нибудь, относящееся к его делу, о чем он был обязан сообщить по велению своей совести.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Затем заключенный был проинформирован и т.д. *[Все повторилось, как указано выше.]*

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Затем ему сообщили, что Фискал-покровитель этой Святой Канцелярии выдвинул против него обвинение, перед которым ему следовало бы заявить всю правду и облегчить свою совесть, в противном случае Фискал-Покровитель явится и приступит к своему судебному разбирательству.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Немедленно появился доктор Франсиско Грегорио, финансовый директор этой Святой Канцелярии, и заявил, что он представил обвинение, подписанное его именем, против упомянутого Хуана Дурана, принося присягу, что он не предъявлял то же самое по злему умыслу. Обвинение заключалось в следующем:—

ОБВИНЕНИЕ.

Я, доктор Франсиско Грегорио, фискал этой Святой Канцелярии, предстаю перед вашими Превосходительствами и обвиняю в уголовном преступлении Хуана Дурана, кузнеца, уроженца города Манреса, прикрепленного к тайной тюрьме этой инквизиции и присутствующего в настоящее время; поскольку указанное лицо, будучи крещеным и подтвержденным христианином и пользуясь всеми правами и иммунитетами, которыми обладают и должны пользоваться такие лица, не имея страха Божьего перед глазами, но пренебрегая собственной совестью и правосудием, вершимым вашими Превосходительствами, совершило преступления против нашей Святой Католической церкви. Верить, произнося суеверные и богохульные речи и вступая в сговор с дьяволом следующим образом.

1. За несколько дней до последнего праздника Всех Святых в определенной части города Валлес в присутствии определенных лиц упомянутый Дюран два или три раза заявил, что у него есть книга, содержащая молитву такой силы, что, если бы ее бросили в огонь вместе с распятием, книга сохранилась бы, а распятие сгорело.

2. В том же месте и по тому же поводу вышеупомянутые лица, слышавшие, как упомянутый Дюран с большой серьезностью повторял вышеупомянутое утверждение, упрекнули его и посоветовали перестать говорить подобные вещи, поскольку они были скандальными и, если бы об этом стало известно инквизиции, навлекли бы на него некоторое наказание; после чего он снова повторил это и заявил, что он говорил это и будет говорить снова, таким образом оставаясь при своем упрямстве и ошибке.

3. Примерно три месяца назад в городе Валлес упомянутый заключенный, беседуя с неким человеком, сказал ему, что знает, как вылечить все болезни; что у него есть книга стоимостью в пятьдесят дукатов, поскольку одним взглядом на нее он может вылечить любую болезнь и даже вернуть к жизни мертвых; и, более того, что если бы люди узнали о его великих способностях, он стал бы очень богатым.

4-й. Упомянутый Дюран заявил в том же месте, в то же время и тому же человеку, что он, упомянутый Дюран, был обрезан с кровью и ранами, подобно Иисусу Христу, из чего предполагается, что он стал евреем.

5-й. Вследствие вышеупомянутых исцелений у него вошло в привычку произносить запрещенные и дьявольские заклинания, особенно заклинание святого Киприана, которое он прочитал в небольшой книге о своей персоне; и считается, что исцеления, которые он совершал, были совершены благодаря его дьявольскому искусству и союзу, который он заключил с дьяволом.

6-е число. Он много раз хвастался перед определенными людьми, что Бог и Святая Дева наделили его способностью исцелять; что Дева дель Росарио дважды являлась ему, даровала ему способность исцелять и дала ему свое благословение; все эти утверждения он делал, чтобы прикрыть свои злодеяния.

7. Исходя из вышесказанного, следует предположить, что упомянутый заключенный произносил много других суеверных и богохульных речей и совершал многое другое с помощью дьявола, с которым он особенно близок; также, что он знал о совершении другими лицами многих подобных преступлений, все из которых он злонамеренно скрыл, и, хотя ваши Превосходительства посоветовали ему объявить правду, он не сделал этого, а дал ложные показания.

По этим причинам я умоляю ваши Превосходительства принять мое сообщение за правду или ту его часть, которой будет достаточно для вынесения окончательного приговора правосудию, и объявить обвинение полностью доказанным, а указанного Хуана Дурана виновным в совершении указанных преступлений, наложив на него самые суровые наказания, предусмотренные за подобные преступления, и применив их к его личности и имуществу в наказание ему самому и в назидание другим; а также подвергнуть его пыткам, если это будет сочтено необходимым, и чтобы пытка повторялась до тех пор, пока он не сознается во всей правде как о себе, так и о других. и другие. И я официально клянусь, что выдвигаю это обвинение не по злему умыслу, а исключительно для достижения целей правосудия.

Доктор Франсиско Грегорио.

После предъявления и зачитывания вышеуказанного обвинения упомянутый Хуан Дюран был официально приведен к присяге заявить правду и отвечать на нее постатейно, что он и сделал следующим образом.

Главному обвинителю он ответил, что он тот самый Хуан Дуран, которого обвинил Фискал, но что он не совершил никакого преступления против Святой католической веры и не был виновен в каких-либо богохульствах или суевериях сверх того, в чем он признался.

На первую статью он ответил, что он признался в том, что в ней содержалось; что он произнес указанные слова в городе Вальес на постоялом дворе Ла Серданья и что книга, на которую ссылается, была той, что была найдена у него с обращением к святому Киприану и которая теперь выставлена напоказ; но что он сделал вышеупомянутое утверждение по простоте невежества, сам в это не веря; это признание он сделал со слезами и мольбами о прощении.

На вторую статью он ответил, что это правда, но что он не помнит, чтобы повторял это утверждение после того, как его за это упрекнули.

На третью статью он ответил, что это правда и что книга, о которой идет речь, именно та, что сейчас выставлена; но что он никогда не верил, что с ее помощью сможет воскрешать мертвых к жизни.

На четвертый пункт он ответил, что это правда, но что он не был обрезан и не был евреем.

На пятый пункт он ответил, что несколько раз использовал молитву святого Киприана при исцелении, не зная, что это запрещено, но делал это по чистому невежеству. Он отрицал, что состоял в каком-либо союзе с дьяволом.

На шестой пункт он ответил, что это правда и что он несколько раз хвастался подобным по следующему поводу: около пятнадцати лет назад он заболел летаргией, когда ему явилась пресвятая Дева дель Росарио, облаченная в белое, при виде которой он исцелился. Пресвятая Дева, однако, не сказала ему, что он должен обладать силой излечивать все болезни, и он не мог сказать, дала ли она ему свое благословение или нет.

По седьмой статье он ответил, что никогда не говорил и не делал ничего из того, что ему инкриминируют, за исключением тех, в которых признался выше, и не знал ни о чем подобном, что было сделано другими.

В заключение обвинения он ответил, что рассказал всю правду; и даже если бы его подвергли пыткам, он больше ничего не смог бы сказать. В конце концов он умолял проявить к нему милосердие. Он заявляет, что все вышесказанное, прочитанное в его присутствии, было правильно записано, и поскольку он не умеет писать, я, инквизитор, подписываю это.

Доктор Бернардо Луис Котонер.

Передо мной—

Мигель Родригес.

Затем вышеупомянутые инквизиторы приказали предоставить упомянутому Хуану Дурану копию обвинения, чтобы он мог в течение трех дней принять меры для своей защиты с помощью одного из адвокатов заключенных Святой Канцелярии. Заключенный выбрал для этой цели отца Джеронимо Видаля, иезуита, которого немедленно приказали вызвать; после чего аудиенция закрылась, и заключенный, получив предупреждение, был заключен под стражу.

Мигель Родригес.

АУДИТОРИЯ ДЛЯ ИЗЛОЖЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВ.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны двенадцатого января тысяча шестьсот тридцать третьего года инквизитор доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, находясь на утренней аудиенции, приказал вывести вышеупомянутого Хуана Дурана из тюрьмы, что и было сделано, и заключенный присутствовал, он был

Спросили, не помнит ли он чего-нибудь, относящегося к его делу, что он был обязан разгласить, согласно своей совести.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Затем ему сообщили, что отец Джеронимо Видаль, которого он выбрал своим адвокатом, присутствует, чтобы он мог пообщаться с ним и подготовиться к его защите. Затем упомянутый отец Видаль поклялся *священными словами* верно и усердно защищать упомянутого Хуана Дурана на настоящем судебном процессе, насколько позволит правосудие, информировать его, если его дело окажется несостоятельным, делать все, что обязан делать хороший адвокат, и хранить все дело в секрете.

Затем были зачитаны признания упомянутого Хуана Дурана с предъявленным ему обвинением и его ответами на него, и адвокат, посоветовавшись с заключенным относительно его дела, посоветовал ему признаться во всей правде, не давая ложных показаний ни против себя, ни против других, и, если он виновен, просить прощения, сделав что, он испытает милосердие. Заключенный заявил, что он изложил правду, как следует из его признаний, и, помимо того, что в них содержалось, отрицал обвинение, на основании чего он просил отпустить его на свободу.

Затем инквизитор объявил, что теперь должно быть проведено определенное судебное разбирательство, и обе стороны представят свои доказательства *salvo jure impertinentium et non admittendorum* в соответствии со стилем Святой канцелярии, а Фискал-промоутер уведомил, что он воспроизвел показания свидетелей, которые уже были записаны. Эти показания, о которых он просил, могли быть изучены, а также проведены все другие необходимые расследования, после чего показания были опубликованы; после чего заключенному было сделано предупреждение и он был заключен под стражу.

Передо мной—

Мигель Родригес.

АУДИТОРИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны двадцать девятого января тысяча шестьсот тридцать третьего года инквизиторы, доктор Бернардо Луис Котонерер и доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, находясь на утренней аудиенции, приказали вывести вышеупомянутого Хуана Дурана из тюрьмы, что было сделано, и заключенный присутствовал, он был

Спросили, не помнит ли он чего-либо, относящегося к его делу, что он по совести обязан разгласить.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Затем ему сообщили, что фискал этой Священной канцелярии потребовал обнародования показаний против него, перед которыми ему было бы неплохо одуматься и объявить всю правду; сделав это, суд над ним завершится со всей краткостью и милосердием.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Немедленно появился упомянутый Франсиско Грегорио, финансовый промоутер этой Святой канцелярии, и потребовал публикации показаний против упомянутого Хуана Дурана в соответствии со стилем Священной Канцелярии. Затем указанные инквизиторы распорядились опубликовать, скрыв имена свидетелей и другие обстоятельства, которые могли бы привести к раскрытию их личности, в соответствии с приказами и стилем Святой Канцелярии.

ПУБЛИКАЦИЯ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ.

Некий свидетель, приведенный к присяге и квалифицированный в надлежащее время и способом, заявляет и т. Д. *[Далее следует суть показаний Педро Ориолы, как уже приводилось:]*

Другой свидетель и т.д. *[Таким образом приводится краткое изложение всех показаний.] * * **

После завершения публикации упомянутый Хуан Дюран поклялся сообщать правду в ответ на приведенные выше показания, статью за статьей. *[Ниже следуют ответы заключенного на несколько уточняющих вопросов, которые существенно не отличаются от ответов на уже приведенные обвинения.]*

Было приказано передать заключенному копию вышеупомянутой публикации, чтобы он мог с помощью своего адвоката подготовиться к своей защите. Затем был вызван отец Видаль, адвокат заключенного, который совещался с заключенным относительно его судебного разбирательства, когда аудиенция закончилась, и заключенный, получив предупреждение, был отправлен обратно в тюрьму.

Мигель Родригес.

АУДИТОРИЯ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ЗАКЛЮЧЕННОГО.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны двадцать седьмого января тысяча шестьсот тридцать третьего года инквизитор доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, находясь на дневной аудиенции, приказал вывести упомянутого Хуана Дурана из тюрьмы, что и было сделано, и заключенный присутствовал, он был

Спросили, не помнит ли он чего-нибудь относительно своего дела, что он по совести обязан был разгласить.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Затем ему сообщили, что присутствует отец Джеронимо Видадь, который составил его защиту, и что он может посоветоваться с ним; затем вышеупомянутый адвокат зачитал заключенному текст, который заключенный принял, и заявил, что он официально представил его. Защита была следующей:—

Хотя Хуан Дуран, житель Манресы, в архиепископстве Вике, не нуждается в защите из-за его полного признания и заявления правды относительно сути обвинения фискала, все же для большей надежности в своей защите он предлагает следующее.

1. Что он невежествен и произнес утверждения, в которых его обвиняют, не зная, что они были тяжкими оскорблениями против нашего Господа, за что он чрезвычайно опечален и со слезами просит прощения как у Бога, так и у этого Святого Трибунала, сказав из простого тщеславия то, что не было правдой.

2. Что он полностью признался; а что касается показаний одного свидетеля против него, что он объявил себя Богом страны, а другого, что он утверждал, что он был следующим после Бога, то эти свидетельства настолько экстравагантны, что их не следует принимать во внимание; что он глубоко раскаивается в своих преступлениях против нашего Господа и со всем смирением просит исправления и наставления.

3. Что он происходит от старых христиан и сам является хорошим христианином, подавая хороший пример, где бы он ни жил, живя своим трудом, слушая мессы и проповеди; что он знает молитвы, и в чем бы он ни потерпел неудачу, он не оскорблял умышленно; по всем этим причинам он завершает молитву обычной милостью вашего превосходительства.

Джеронимо Видадь.

Затем инквизиторы приказали уведомить об этом фискала этой Святой канцелярии; после чего аудиенция была закрыта, и заключенный был заключен в тюрьму.

Передо мной—

Мигель Родригес.

ПРИГОВОР.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны десятого февраля тысяча шестьсот тридцать третьего года на дневной аудиенции для выяснения причин присутствовали инквизиторы доктор Бернардо Луис Котонер и доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, а со стороны архиепископства Таррагона и епископства Уржель - дон Рамон де Керальт. Рассмотрев судебное разбирательство по делу Хуана Дурана, кузнеца, уроженца Манресы, находящегося в настоящее время в секретной тюрьме этой Святой Канцелярии; единогласно постановил, что указанное лицо должно присутствовать на *аутодафе*, если таковое произойдет в ближайшее время, а если нет, то что он должен проследовать в какую-либо церковь, указанную этим

Трибуналом, как кающийся грешник и со знаками отличия некроманта, чтобы ему там был зачитан приговор и отслужена месса; чтобы он отрекся от престоладе *леви*,^[16] и быть изгнанным из города Манреса и города Валлес, мест, где он преступал, на четыре лиги в обход, в течение четырех лет; и что если он нарушит этот приказ, он понесет двойное вышеуказанное наказание.

Передо мной—

Мигель Родригес..

Пятого марта тысяча шестьсот тридцать третьего года в Королевском дворце инквизиции Барселоны инквизиторы, доктор Бернардо Луис Котонерер и доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, находясь на утренней аудиенции, приказали вывести упомянутого Хуана Дурана из тюрьмы, что и было сделано, и заключенный присутствовал, он был

Подвергался сомнению ит.д.

Ответил, что ему нечего заявить во исполнение своей совести ни относительно его собственного дела, ни относительно чего-либо, что было сделано или сказано в тюрьмах этой Святой Канцелярии, ни против достоинства, авторитета или секретов ее служителей, ни относительно содержания заключенных в них; что он не был свидетелем какого-либо общения, которое велось между ними, и не знал, что кто-либо разговаривал с другим или с кем-либо извне; что он никому не передавал от них никаких сообщений, и что алькаид и Управляющий добросовестно исполняли свои обязанности.

Затем ему было приказано в силу данной им клятвы и под страхом полного отлучения соблюдать совершенную тайну в отношении всего, что с ним произошло, и всего, что он видел, слышал, узнал или понял, находясь в тюрьме, и не разглашать это ни в какой форме; все, что он обещал.

Доктор Бернардо Луис Котонер.

Передо мной—

Мигель Родригес.

СУД НАД ЛЕОНАРДО ФЕЛИПЕ,

ОБВИНЯЕМЫМ В ЛЮТЕРАНСТВЕ.

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ СЭР,

Я, нижеподписавшийся секретарь, который в отсутствие фискала этой Святой Канцелярии исполняет свои обязанности, предстаю перед вашим Превосходительством и заявляю, что из информации, которую я сейчас представляю, явствует, что Фелиппе Леонарт, рукодельник и француз по происхождению, ныне проживающий в городе Таррагона, является еретиком-лютеранином, обычно клянувшимся и отрицающим Бога и Святых, высмеивающим Святые Таинства Церкви, никогда не исповедующий себя, за что он был объявлен отлученным от церкви. , и совершение других преступлений.

По этой причине я прошу, чтобы ваше превосходительство приказали арестовать его и заключить в секретную тюрьму, чтобы свершилось правосудие.

Маттео Магре, *секретарь*.

В городе Таррагона пятнадцатого апреля тысяча шестьсот тридцать седьмого года от Рождества Христова добровольно явилась Текла Леонарда, жена Фелипе Леонара, рукодельника, француз по происхождению и жителя этого города Таррагоны, в возрасте, как она заявила, пятидесяти лет или около того. Она сделала следующее заявление.

‘ Сеньор комиссар, я жена Фелипе Леонара, француз-рукодельника, и замужем за ним около двадцати лет. Я не могу узнать, чтобы за все это время он хоть раз исповедался, если только его не вынудили сделать это во время Великого поста. Его много раз объявляли отлученным от церкви за то, что он не исповедовался и пренебрегал предписаниями церкви. Раньше он жил в Валенсии, на улице Калле-де-ла-Мар, приход Святого Томаса. Он никогда не исповедовался здесь сам, и настоятель напомнил ему о его пренебрежении. После того как я и его сын упрекнули его и посоветовали исповедаться, он разразился богохульствами против Бога и Святых с такой яростью, что больше всего походил на бесноватого. Когда ему намекнули, что Бог не благословил его, потому что он не посещал мессу, не носил четок, не слушал проповедей, не исповедовался, но клялся и богохульствовал, и что, если бы Святая Инквизиция узнала об этом, он был бы схвачен, он ответил, что дьявол должен помочь ему; что ему нет дела ни до меня, ни до инквизиции, что он не признается, и что Бог не дал ему ничего из того, что дал бы дьявол. В частности, на прошлой Страстной неделе его сын отнес его к иезуитам на исповедь; но, узнав, в какое место он его ведет, упомянутый Фелипе бросил его и отказался исповедоваться, сильно оскорбив своего сына и духовника. Он привел так много доказательств того, что он не христианин, что многие из его учеников покинули его, заявив, что не захотели бы жить в доме, где не почитали Бога”.

Обвиняемая далее заявила, что, сделав полное признание прошлым Великим постом во всех грехах своего мужа и своей собственной небрежности при доносе на него, ей было приказано сообщить обо всем этой Святой Канцелярии, и ей было отказано в отпущении грехов, если она не подчинится, и что нужно было рассказать еще много вещей, которые она не могла вспомнить, поскольку они произошли так давно.

Вышесказанное является правдой в соответствии с присягой обвиняемой и изложено ею не по злему умыслу, а исключительно для того, чтобы успокоить свою совесть. Ей зачитали его и заявили, что оно точно записано. Она пообещала хранить тайну, и я, комиссар, расписался за нее.

Каноник,
Хуан Феррер, *комиссар*.

Передо мной—

Мигель Гиберт, *уроженец Таррагоны*.

В городе Таррагона, в указанный выше день, месяц и год, перед вышеупомянутым Комиссаром этой Святой Канцелярии явилась, согласно вызову, и официально поклялась говорить правду женщина, называющая себя Марией Леонарт, жена Джозефа Леонарта, жителя этого города Таррагоны, в возрасте, как она заявила, шестнадцати лет или около того.

Спросили, знает ли она причину, по которой ее вызвали.

Ответила, что, по ее предположению, это было сделано с целью проведения расследования относительно жизни и поведения Фелипе Леонарта, ее свекра. Около четырех месяцев назад она вышла замуж за Джозефа Леонарта, его сына, и все, что она знала об этом деле, сводилось к следующему: упомянутый Фелипе Леонартэ имел обыкновение ругаться тысячу раз на дню, по поводу и без повода. Он мог поклясться 'головой Бога', и обвиняемый много раз слышал, как он заявлял, что вся его удача сопутствовала ему во имя дьявола, а не Бога. Обвиняемый спросил его, почему он не исповедуется, заметив, что преклонить колени у ног исповедника и рассказать о своих грехах - значит рассказать о них Богу; и упомянутый Фелипе Леонарт ответил, что все это чушь; что он верит так, как ему заблагорассудится. Что касается прослушивания мессы, он принял бы это на веру; что священники говорили в своих проповедях именно то, что им заблагорассудится, и что они не делали ничего, кроме беспокойства простых людей. Кто-то спросил его, не боится ли он смерти, и он ответил, что если бы он знал, что на том свете есть таверна, то пожелал бы умереть немедленно. Обвиняемый посоветовал ему признаться самому, так как в противном случае он будет объявлен отлученным от церкви. Он ответил, что не хотел исповедоваться и на самом деле не исповедовался прошлым Великим постом, хотя его сын пытался привести его к исповеди. Его обычными клятвами были "священное воинство", 'часы Божьи', "глава Божья". Его обычными помощниками были дьяволы, говорившие: 'С помощью дьявола я сделаю это' и т. Д. Таким образом, в течение всех четырех месяцев обвиняемый ни разу не слышал, чтобы от него исходило слово или действие христианина, который никогда не преклонял колени при подаче сигнала, не снимал шапку и не прекращал есть, хотя об этом просили его жена и обвиняемый.

Приведенное выше заявление сделано исключительно из соображений совести, и после прочтения обвиняемый заявил, что оно было правильно записано. Она пообещала хранить тайну, и я, упомянутый Комиссар, расписываюсь за нее.

Каноник,
Хуан Феррер, *комиссар*.

Передо мной—

Мигель Гиберт, уроженец Таррагоны.

В городе Таррагона, в семнадцатый день вышеупомянутого месяца и в том же году, перед упомянутым комиссаром Святой Канцелярии явился, согласно повестке, и официально поклялся говорить правду человек, называющий себя Джозефом Леонартом, житель Таррагоны, возрастом, как он заявил, двадцати лет или около того.

Спросили, знает ли он причину, по которой его вызвали.

Ответил, что, по его предположению, это было сделано с целью узнать о плохом поведении француза Фелипе Леонара и его отца. В течение ряда лет обвиняемый и его мать скрывали многие тяжкие преступления, совершенные им против Святой католической веры.

Упомянутый Фелипе Леонарт был великим сквернословом, произносившим ‘Голову, душу и тело Христа’ миллион раз каждый день, заявляя, что он не боится ни Бога, ни короля, ни кого бы то ни было; и что если бы он знал, что на том свете есть таверна, ему было бы все равно, умрет он или нет, хотя его тело было сожжено в Карраксете. Все, что ему удавалось, он приписывал дьяволу, а не Богу, говоря: ‘Дьявол даст мне пищу, потому что я ничего не хочу от Бога’, и ‘Дьявол даст мне в этом удачу’; так что его покровителем и помощником во всем был дьявол. Он так и не признался, и в последний Великий пост обвиняемый попытался отвести его в монастырь Святого Франциско; но, поняв, что тот ведет его на исповедь, он убежал от него. Он заявил, что рассказывать о своих грехах исповеднику - бессмыслица и что человек не должен рассказывать ни о чем, кроме того, что ему заблагорассудится. Обвиняемый никогда не видел его больше одного раза на мессе. На нем не было ни четок, ни каких-либо признаков христианина. Он был объявлен отлученным от церкви за несоблюдение предписаний церкви в этом городе, в Барселоне и в Валенсии. Он заявил, что проповедники были возмутителями спокойствия народа. Однажды в Валенсии он лег спать, утомив себя руганью, и рассказал семье, что женщина, обезьяна и молодой человек, находившиеся тогда в доме, явились к нему в постель, расцарапали ему все лицо и сбросили с лестницы. Они нашли его у подножия лестницы с расцарапанным лицом и поверили, что это сделал дьявол, поскольку он так часто упоминал его. Обвиняемый и его жена посоветовали ему сменить место жительства, чтобы Святая инквизиция не наказала его; на что он ответил, что инквизиция ему безразлична. Наконец, упомянутый Фелипе Леонарт вел такую жизнь, что больше походил на лютеранина, чем на христианина.

Вышесказанное является правдой в соответствии с присягой обвиняемого, который делает это заявление не по злему умыслу или недоброжелательству к своему отцу, а исключительно для того, чтобы успокоить свою совесть и подчиниться приказам своих исповедников. Когда оно было прочитано, он заявил, что оно записано правильно, и подписал его своим именем.

Джозеф Льонар.

Передо мной—

Мигель Гиберт, уроженец Таррагоны.

КАЛИФИКАЦИЯ.

Люди, живущие с ним, заявили, что человек обычного звания и инфицированной нации исповедовался всего один раз за двадцать два года, и на этот раз по принуждению. Во многих случаях его объявляли отлученным от Церкви за несоблюдение заповедей Церкви.

Те же свидетели, поскольку они не могут понять, что он идет на исповедь, упрекают его за это, после чего он отрекается от Бога и Святых таким образом, что кажется одержимым. Он не носит четок, не посещает мессу и не исповедуется и заявляет, что ему помогает дьявол. Когда его упрекают и угрожают доносом инквизиции, он говорит об этом с презрением, заявляет, что не сознается и что Бог не дает ему ничего из того, что даст дьявол.

Каждый день он без повода клянется Богом и утверждает, что все, что с ним происходит хорошего, делается во имя дьявола, а не Бога. Когда ему сказали пойти на мессу, он ответил, что примет это на веру; что проповедники говорят именно то, что им подходит; что он верит во что ему заблагорассудится; что они ничего не делают, кроме как создают проблемы; что он не желает от Бога ничего такого, что дьявол мог бы ему дать; и что это бессмыслица - рассказывать исповеднику о грехах человека или о чем-то большем, чем то, что человеку угодно. Где бы он ни жил, его отлучали от Церкви за то, что он не следовал заповедям Церкви.

Кто-то спросил его, не боится ли он смерти, и он ответил, что не боится Бога и что если бы он знал, что на том свете есть таверна, то не думал бы о немедленной смерти.

Седьмого мая тысяча шестьсот тридцать седьмого года в Королевском дворце инквизиции Барселоны инквизитор доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, единолично председательствовавший на утренней аудиенции, приказал калификадорам этого Святого Трибунала, отцу маэстро Онофре Ферреру, и отцу маэстро Хрисостомо Бонамичу, монастырям этого города, предстать перед ним.

Рассмотрев указанные выше утверждения, они единогласно заявили, что вышеупомянутый человек является скандальным, самонадеянным богохульником и формальным еретиком, против которого следует возбудить уголовное дело.

Маэстро О. Онофре Феррер.

Маэстро о. Хрисостомо Бонамич.

Передо мной—

Дамиан Фонольеда, секретарь.

Седьмого мая тысяча шестьсот тридцать седьмого года в Королевском дворце инквизиции Барселоны инквизитор доктор Доминго Аббад—и-Уэрта, единолично председательствующий на своей дневной аудиенции, изучив информацию, полученную комиссариатом Таррагоны в отношении Фелипе Леонардо, рукодельника, француза и жителя этого города, распорядился

арестовать этого человека и заключить его в секретную тюрьму этой Святой Канцелярии для надлежащего судебного разбирательства, а его поимку доверить Комиссару из вышеупомянутого города, который будет передавать его с места на место и из рук одного Знакомого другому.

Передо мной—

Дамиан Фонольеда, секретарь.

ПЕРВАЯ АУДИЕНЦИЯ.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны, двадцать второго мая тысяча шестьсот тридцать седьмого года, инквизитор, доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, единолично председательствовавший на своей утренней аудиенции, приказал вывести из тюрьмы человека, который при явке официально поклялся говорить правду как в этом случае, так и на всех других аудиенциях, которые могут быть проведены до вынесения решения по его делу; также сохранять тайну в отношении всего, что он может увидеть, услышать или понять, и всего, что может быть раскрыто. действуйте с уважением к нему.

Допрошен, его имя, место рождения, жительства, возраст и род занятий, а также время его заключения в тюрьму Святой канцелярией.

Ответил, что его зовут Леонардо Фелипе, рукодельник; что по происхождению он француз, родился в деревне Агуллон в епископстве Генес; что ему около сорока шести лет и что он был задержан Святой Канцелярией в воскресенье, шестнадцатого числа текущего месяца.

Спросили, кто были его отец и мать, кто были его деды, дяди по отцовской и материнской линии, жена, дети, братья и т.д.

[Далее следует рассказ заключенного.]

Допрашивали, к какой расе и происхождению принадлежали его предки и побочные родственники, и подвергался ли кто-либо из них или он сам когда-либо епитимье или наказанию Святой инквизицией.

Ответил, что они французы и христиане-старокатолики, чистой крови и происхождения; что в месте его рождения не было лютеран; что никто из семьи никогда не был заражен этой ересью и что никто из них никогда не был задержан, наказан или подвергнут епитимье Святой инквизицией до настоящего момента.

Спросили, был ли он крещеным и конфирмованным христианином, слушал ли мессу, исповедовался и принимал причастие в то время, которое предписала Святая Мать Римско-католическая Церковь; в какое время он совершил свою последнюю исповедь и от кого получил святое причастие.

Ответил, что он крещеный и конфирмованный христианин, согласно тому, что ему сказали его родители, и что он помнит факт своей конфирмации епископом Генеса, по случаю чего тот дал ему пощечину; что он посетил мессу, исповедался и причастился по указанию Святой Матери Римско-Католической Церкви; что в последний раз он исповедовался на празднике

Воскресения в нынешнем году в монастыре Святого Франциско в Таррагоне Хранителю или Ризничему; что он принял святое причастие в кафедральном соборе церковь из рук одного из викариев, о чем свидетельствует свидетельство, найденное у него во время заключения.

Здесь заключенный неуклюже перекрестился и не смог в точности повторить слова *знака креста*. Он сказал *Отче наш*, *Аве Мария*, и кредо с большим почтением, заявив, что он не знает *Сальве Регина*. Он повторил десять заповедей и заявил, что больше ничего не знает о христианском учении.

Спросили, посещал ли он какие-либо зарубежные страны с тех пор, как приехал в Испанию, или имел какие-либо дела с людьми, подозреваемыми в вере.

Ответ: Нет.

Спросили, умеет ли он читать и писать или изучал какие-либо науки или факультет.

Ответил, что он не умеет ни читать, ни писать и никогда не изучал ничего, кроме своего ремесла.

Спросили, каковы были события его жизни.

Ответил, что он родился, как уже говорилось, в деревне Агуллон и воспитывался своими родителями до тринадцатилетнего возраста, ничего не делая, кроме еды и питья. После смерти родителей он остался обездоленным сиротой и приехал в Каталонию просить милостыню. Он прибыл в Барселону и три года прожил слугой у мэтра Госарта, рукодельника, после чего более одиннадцати лет служил другим людям в Барселоне. Из этого города он отправился в Таррагону, где работал с Франсиско Рока, пока не женился на вышеупомянутой жене, с тех пор он работал на себя, не покидая Таррагону, только один раз, когда пробыл около трех месяцев в Карагоке, по истечении которых вернулся домой.

Спросили, знал ли он или предполагал причину, по которой его вызвали.

Ответил, что он ничего не знал и не предполагал, за исключением того, что он был схвачен Святой Канцелярией во время работы в своем магазине.

Затем заключенному сообщили, что в этой Святой Канцелярии не принято заключать кого-либо в тюрьму без достаточной информации о том, что он сказал или сделал, или был свидетелем высказывания или действия других лиц, о чем-то, что противоречило или казалось противоречащим нашей Святой Католической вере и Евангельскому закону, которым учит и проповедует Святая Мать Римско-Католическая Церковь, или против свободного и справедливого судопроизводства Святой Канцелярии, и по этой причине он должен понимать, что он был заключен в тюрьму из-за какой-то такой информации; поэтому его увещевало его благоговение перед Богом, нашим Господом, и его славной и благословенной Матерью Девой Марией. , одуматься и заявить всю правду о своих собственных преступлениях и о том, что он знал о других, ничего не скрывая и не лжесвидетельствуя против кого-либо, таким образом он очистил бы свою совесть как христианин-католик и спас свою душу, и что суд над ним в этом случае должен быть проведен со всей краткостью и милосердием; в противном случае правосудие должно быть совершено.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Заявления, которые он сделал в этой аудитории, были затем зачитаны и объявлены им правильно записанными. Он заявил, что они содержат правду, что ему нечего в них менять, и при необходимости он готов повторить их заново. И после того, как ему посоветовали одуматься и заявить правду, он был заключен в тюрьму. Не имея возможности писать, я, упомянутый инквизитор, подписываю это.

Dr Domingo Abbad y Huerta.

Передо мной—

Мигель Родригес.

ВТОРАЯ АУДИЕНЦИЯ.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны двадцать третьего мая тысяча шестьсот тридцать седьмого года инквизитор доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, единолично присутствовавший на утренней аудиенции, приказал вывести вышеупомянутого Леонардо Фелипе из тюрьмы, что было сделано, и заключенный присутствовал, он был

Спросили, не помнит ли он чего-нибудь, относящегося к его делу, что он был связан клятвой разгласить.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Затем заключенному сказали, что он знал, что на предыдущей аудиенции его убеждали в его благоговении перед Богом, нашим Господом, и его славной и благословенной Матерью, и т.д.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

После чего ему посоветовали одуматься и отправили в тюрьму.

Передо мной—

Мигель Родригес.

ТРЕТЬЯ АУДИЕНЦИЯ.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны двадцать пятого мая тысяча шестьсот тридцать седьмого года инквизитор доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, единолично присутствовавший на утренней аудиенции, приказал вывести вышеупомянутого Леонардо Фелипе из тюрьмы; после того как это было сделано и заключенный присутствовал, он был освобожден.

Спросили, помнит ли он что-нибудь связанное с его делом, что он был обязан разгласить согласно своей клятве.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Затем заключенному сказали, что ему известно, что на предыдущих аудиенциях его увещевали и т.д.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

На этом аудиенция закончилась, и заключенный, получив предупреждение одуматься, был отправлен обратно в тюрьму.

Передо мной—

Мигель Родригес.

АУДИТОРИЯ ДЛЯ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ.

Двадцать пятого мая тысяча шестьсот тридцать седьмого года в Королевском дворце инквизиции Барселоны инквизитор доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, единолично председательствовавший на своей дневной аудиенции, приказал вывести вышеупомянутого Леонардо Фелипе из тюрьмы; после того как это было сделано и заключенный присутствовал, он был

Спросили, не помнит ли он чего-нибудь, относящегося к его делу, что он был связан клятвой разгласить.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Затем ему сообщили, что у Фискала-покровителя Святой канцелярии есть обвинение против него, и что для него было бы хорошо, как для освобождения своей совести, так и для краткого проведения судебного разбирательства, признаться во всей правде до предъявления обвинения, согласно предыдущим увещаниям, благодаря которым он испытает милосердие, которое Святая канцелярия проявляет ко всем, кто свободно исповедуется; в противном случае ему сообщили, что Фискал будет присутствовать, и правосудие свершится.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Сразу же появился секретарь Дамиан Фонольеда, который из-за отсутствия Финансового инспектора и недомогания Матео Магре, секретаря, взял на себя эту должность. Он представил подписанное им обвинение против упомянутого Леонардо Фелипе, поклявшись, что не предъявлял того же самого по злему умыслу.

ОБВИНЕНИЕ.

Я, фискал этой Святой Канцелярии, предстаю перед вашим Превосходительством и обвиняю в преступлении Леонардо Фелипе, рукодельника, уроженца деревни Агуллон, епископства Генс, королевство Франция, и жителя города Таррагона, прикрепленного к тайной тюрьме этой инквизиции и присутствующего в настоящее время, поскольку он, будучи крещеным и подтвержденным христианином, пользуется всеми милостями и иммунитетами, которыми могут и должны пользоваться такие лица, не испытывая страха перед Богом, собственной совестью или правосудием. управляемый вашим превосходительством на его глазах, совершил преступления против нашей Святой католической веры, богохульствуя и отрицая Бога, Господа нашего, ища благосклонности и помощи у дьяволов и совершая другие действия следующим образом.

1. Его много раз объявляли отлученным от церкви в Барселоне, Таррагоне и других местах за то, что он не исповедовался в Великий пост в соответствии со своим долгом. И хотя он проживал в приходе Святого Фомы в Валенсии, его нельзя было убедить исповедаться, хотя он получал много увещаний на этот счет от настоятеля указанного прихода, таким образом оставаясь отлученным от церкви, не заботясь о спасении своей души.
2. Некоторые его знакомые упрекали его в том, что он не исповедовался, он хулил Бога и Святых с такой яростью и злобой, что казался бесноватым. Он не носит четок. Когда кто-то пригрозил ему карой инквизиции, он ответил, что емунаплевать на инквизицию и что он не будет исповедоваться; также, что он не хочет от Бога ничего, что дьявол мог бы ему дать.
3. На Страстной неделе, во время последнего Великого поста, какой-то человек вел его к иезуитам вышеупомянутого города Таррагона с целью исповеди, из милосердия к нему, и хотя в его силах было соблюсти предписание в данном случае, он отказался и сбежал из церкви, к великому скандалу духовника, который был там, чтобы выслушать его, а также других лиц.
4. Он привык отрицать Бога и клясться 'головой Бога" и "душой и телом Христа", обычно повторяя это много раз в день; также заявляя, что его жизнь и все, что он получает, происходит во имя дьявола, а не Бога. Кто-то упрекнул его за это, и он сказал, что верит во что хочет, а что касается прослушивания мессы в назначенные дни, то он примет это на веру; что проповедники говорят именно то, что им заблагорассудится, и ничего не делают, кроме как беспокоят людей.
5. Он говорит, что не боится Бога, и что если бы он знал, что на том свете есть таверна, ему было бы все равно, даже если бы он умер, хотя его тело было сожжено.
6. Я обвиняю его в том, что он сказал, что человек не должен рассказывать о своих грехах исповеднику, и что для человека было бы бессмыслицей рассказывать что-либо, кроме того, что ему заблагорассудится. Поскольку этого утверждения придерживается ложная и нечестивая секта Мартина Лютера, а заключенный принадлежит к Франции, стране, где эта секта преобладает, следует предположить, что он принадлежит к ней.
7. Кроме того, следует предположить, что заключенный совершил много других преступлений против нашей Святой католической веры и произносил другие богохульства и еретические речи, а также знал, что другие люди делали то же самое, и все это он скрывает, как плохой христианин. В этом я намерен обвинить его более формально. В настоящее время я делаю это в общих чертах, и хотя ваше превосходительство призывали его сказать правду, он не сделал этого, а лжесвидетельствовал сам.

По этим причинам я прошу и умоляю ваше превосходительство признать мои обвинения доказанными или такую их часть, которая будет достаточной для вынесения окончательного приговора правосудию или какой бы то ни было меры, которая может быть принята, и объявить мое обвинение полностью доказанным, а указанного Леонардо Фелипе виновным в вышеупомянутых преступлениях, приговорив его к самым суровым наказаниям, предусмотренным законом, и применить их к его личности и имуществу, передав его в руки светского правосудия в качестве наказания для него самого и устрашения других. И я прошу, чтобы, если необходимо, его подвергли пыткам, и чтобы то же самое продолжалось и повторялось до тех пор, пока он не сознается во всей правде о себе и других.

И я официально клянусь, что выдвигаю это обвинение не по злему умыслу, а исключительно для достижения целей правосудия, которых я прошу у вашего превосходительства.

Дамиан Фонольеда, секретарь.

После того, как вышеупомянутое обвинение было предъявлено и зачитано, упомянутый Леонардо Фелипе был официально приведен к присяге заявить правду в ответ на него, и после того, как оно было прочитано, статья за статьей, он ответил следующее.

Главному обвинителю он ответил, что он тот самый Леонардо Фелипе, которого обвинил Фискал, но что он не совершал никаких преступлений против нашей Святой католической веры и не отрекался от Господа нашего, хотя иногда клялся его именем.

На первую статью он ответил, что всегда исповедовался, как и другие христиане, и в Валенсии не проходило и года, чтобы он этого не делал, и что его никогда не отлучали от церкви за это.

На вторую статью он ответил, что отрицает это, поскольку неправда, что у него не было четок. Он пользовался им в своей тюрьме одиннадцать раз и теперь держал его в руках, что я, Секретарь, свидетельствую.

На третий пункт он ответил, что отрицает это, поскольку это неправда; и что во время упомянутой Страстной недели последнего Великого поста он исповедовался в монастыре Святого Франциско в Таррагоне; что он соблюдал предписания Церкви, как он заявил на своей первой аудиенции, и что это может быть подтверждено свидетельством об исповеди, найденным при нем во время его заключения.

На четвертую статью он ответил, что отрицает это, поскольку это неправда.

На пятый пункт он ответил, что отрицает это; что он верит в Бога, а еретик не может говорить такие вещи.

На шестую статью он ответил, что отрицает это, поскольку это неправда, и он не может себе представить, как такие показания могут быть выдвинуты против него.

На седьмой пункт он ответил, что не совершал никакого преступления против нашей Святой католической Веры и не знал, что какие-либо другие лица совершали преступления, и что он заявил всю правду и не лжесвидетельствовал.

В заключение обвинения он ответил, что даже если бы его подвергли пыткам, он больше ничего не смог бы сказать.

Все вышесказанное соответствует действительности в соответствии с присягой заключенного и, будучи зачитанным, было заявлено им как правильно записанное. Не умея писать, я, инквизитор, подписываю то же самое.

Dr Domingo Abbad y Huerta.

Передо мной—

Мигель Родригес.

Затем упомянутый инквизитор приказал предоставить заключенному копию обвинения, чтобы он мог на третий день дать на него ответ при совете и содействии одного из юристов, которые защищают дела в этой Святой Канцелярии, а именно доктора Франсиско Магринья и ректора Общества Иисуса. Ему было разрешено выбрать одного из этих людей, и он остановил свой выбор на докторе Магринье.

Затем инквизитор приказал вызвать его, и заключенный, получив предупреждение одуматься, был заключен в тюрьму.

Передо мной—

Мигель Родригес.

АУДИТОРИЯ ДЛЯ ИЗЛОЖЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВ.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны двадцать девятого мая тысяча шестьсот тридцать седьмого года инквизитор доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, единолично председательствовавший на своей утренней аудиенции, приказал вывести вышеупомянутого Леонардо Фелипе из тюрьмы; после чего он был освобожден.

Спросили, помнит ли он что-нибудь связанное с его делом, что он был связан своей клятвой разгласить.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Затем ему сообщили, что присутствует доктор Франсиско Магринья, которого он выбрал своим адвокатом, и что он может посоветоваться с ним о своей защите. Упомянутый доктор Магринья поклялся *in verbo sacerdotis* хорошо и добросовестно защищать упомянутого Леонардо Фелипе, насколько это позволит правосудие, информировать его, если его дело не будет рассмотрено должным образом, делать все, что обязан делать хороший адвокат, и во всем сохранять тайну.

Затем были зачитаны признания подсудимого вместе с обвинением и его ответами, и подсудимый посоветовался со своим адвокатом, который посоветовал ему в качестве наилучшего средства успокоить свою совесть и ускорить судебное разбирательство: признаться во всем, не лжесвидетельствуя ни против себя, ни против кого-либо другого, и, если он виновен, просить прощения, благодаря которому он испытает милосердие.

Ответил, что он заявил правду в своих признаниях и отрицал обвинение постольку, поскольку оно выходило за рамки этого. Вследствие этого он умолял отпустить его на свободу и помиловать за то, в чем он признался. Он заявил, что после публикации показаний ему следует более официально представить материалы своей защиты.

Затем инквизитор приказал уведомить об этом фискала-Покровителя этой Святой Канцелярии, на что Маттео Магре, старший секретарь, исполняющий обязанности Фискала, ответил, что он принимает признания упомянутого Леонардо Фелипе, поскольку они благоприятствуют

обвинению, и не более того, отрицая все остальное. Он потребовал, чтобы были представлены доказательства.

Инквизитор заявил, что дело должно быть рассмотрено окончательно, и доказательства были получены *salvo jure impert intentium et non admittendorum* в соответствии со стилем Святой Канцелярии. Об этом же были уведомлены обе стороны.

Затем Фискал-промоутер заявил, что он продюсировал заново и представил показания и доказательства против упомянутого Леонардо Фелипе, полученные и зарегистрированные в Святой канцелярии. Он просил, чтобы они были обоснованы и утверждены по форме, чтобы можно было провести все другие необходимые расследования и опубликовать свидетельские показания.

Затем заключенного призвали одуматься и сказать правду, и он был заключен под стражу, что я, вышеупомянутый секретарь, подтверждаю.

Передо мной—

Мигель Родригес.

АУДИТОРИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ.

Семнадцатого июня тысяча шестьсот тридцать седьмого года в Королевском дворце инквизиции Барселоны инквизитор доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, единолично председательствовавший на утренней аудиенции, приказал вывести вышеупомянутого Леонардо Фелипе из тюрьмы; после чего он был освобожден.

Спросили, помнит ли он что-нибудь, связанное с его делом, которое он был связан клятвой разгласить.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Затем ему сообщили, что Главный фискал этой Святой Канцелярии собирается потребовать опубликования показаний против него, перед которыми ему было бы неплохо признаться во всей правде, а значит, суд над ним должен быть проведен со всей краткостью и милосердием.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Сразу же появился секретарь Маттео Магре, исполнявший обязанности финансового инспектора, и потребовал публикации показаний против упомянутого Леонардо Фелипе в соответствии со стилем Священной канцелярии. Затем инквизитор приказал произвести указанную публикацию, скрыв имена и другие обстоятельства свидетелей, которые могли привести к раскрытию их личности, в соответствии с инструкциями и стилем Святой Канцелярии.

[Далее следует публикация и ответы заключенного, соответствующие тому, что уже было дано.]

Затем инквизитор распорядился предоставить ему копию вышеупомянутой публикации, чтобы он мог с помощью своего адвоката ответить на нее на третий день. После чего, получив предупреждение одуматься и заявить правду, он был заключен в тюрьму.

Передо мной—

Мигель Родригес.

АУДИТОРИЯ ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПУБЛИКАЦИИ.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны двадцать второго июня тысяча шестьсот тридцать седьмого года инквизитор доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, единолично председательствовавший на утренней аудиенции, приказал вывести вышеупомянутого Леонардо Фелипе из тюрьмы; после чего он был освобожден.

Спросили, помнит ли он что-нибудь, связанное с его делом, которое он был связан клятвой разгласить.

Ответил, что из-за беспорядков, которые возникали в его доме, он иногда раздражался бранью, говоря: "Черт меня побери, если это неправда".

Затем ему сообщили, что присутствует доктор Франсиско Магринья, его адвокат, с которым он может связаться относительно публикации и других вопросов своей защиты. Публикация, ответы заключенного и т. Д. Были затем зачитаны упомянутому доктору Франсиско Магринье, который составил возражения на основании документа, подготовленного Секретарем. На этом аудиенция закончилась, и заключенный, которому посоветовали одуматься, был отправлен обратно в тюрьму.

Передо мной—

Мигель Родригес.

АУДИТОРИЯ ДЛЯ ЗАЩИТЫ.

Двадцать пятого июня тысяча шестьсот тридцать седьмого года в Королевском дворце инквизиции Барселоны инквизитор доктор Доминго Аббад-и-Уэрта, единолично председательствовавший на утренней аудиенции, приказал вывести вышеупомянутого Леонардо Фелипе из тюрьмы; после чего он был освобожден.

Спросили, помнит ли он что-нибудь, связанное с его делом, которое он был связан клятвой разгласить.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Затем ему сообщили, что доктор Франсиско Магринья, его адвокат, присутствует и подготовил его защиту, которую он может рассмотреть. Затем упомянутый доктор Франсиско Магринья зачитал ему некоторые статьи, которые он составил в его пользу, и, услышав это от

заклученного, он заявил, что изложил то же самое, и потребовал допроса свидетелей, указанных на полях, и что могут быть проведены другие расследования, о которых идет речь.

ЗАЩИТА.

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ СЭР—

Хотя Бернардо Фелиппе, житель города Таррагона, не нуждается в какой—либо защите от обвинений Фискала-Покровителя этой Святой Канцелярии, тем не менее, чтобы яснее показать свою невиновность, и явно исходя из того, что то, что он заявляет против свидетелей, не имеет намерения причинить им вред или опорочить их, а исключительно для самозащиты, *opere superflux probationis rejecto*, он предлагает следующее:-

1. Неправда, что он отрекся от главы Бога, поклялся или богохульствовал, или произносил какие-либо другие богохульства, и это утверждение является правдой.
2. Неправда, что он пренебрегал посещением мессы по назначенным воскресеньям и праздникам, или пренебрегал исповедью и принятием причастия каждый год, или был отлучен за это от церкви; что является правдой.
3. Свидетели, свидетельствующие против него, превращают все его клятвы в клятву "головой Бога", что является истиной.
4. Несмотря на то, что (*quod expresse negat*) он, возможно, иногда клялся "головой Бога", все же это было сделано в состоянии аффекта, и поскольку *de jure prima motus non sit in homine*, ему нельзя вменить ничего плохого, что является правдой.
5. В дополнение к этому, вышеупомянутые свидетели являются свидетелями-одиночками, расходятся во мнениях между собой и не заслуживают доверия, поскольку *non det fides testibus singularibus*, что является правдой.
6. Заклученный, хотя и француз, все же добрый христианин и вовсе не подозрительной веры. Он посещает мессу по назначенным воскресеньям и праздникам, о чем могут свидетельствовать многие, кто его видел; и это правда.
7. Он также исповедуется и принимает причастие каждый год на Пасху и в другое время из рук Настоятеля монастыря Святого Франциско и ризничего, как видно из его свидетельства об исповеди, данного в последний Великий пост, и которое он сейчас представляет как свидетельство исключительно в его пользу; что является правдой.
8. Есть также та же причина полагать, что он исповедовался на каждую Пасху, о чем свидетельствуют исповедальные книги, хранящиеся у викариев; и это правда.
9. Тому, кто заявляет одну ложь, нельзя верить ни в каком другом утверждении, и поскольку свидетели против заклученного подтвердили, что он не исповедовался в течение года, но был отлучен от церкви и объявил об этом за несоблюдение предписаний, и что он не носил четок, все это было признано ложным его свидетельством и четками, найденными при нем; по этой причине им нельзя верить, когда они заявляют, что он не посещает мессу, и что он клянется и богохульствует; что является правдой.

10. Заключение подозревает, что один из свидетелей против него - молодой человек примерно двадцати лет и смертельный враг заключенного. Это, в сочетании с тем обстоятельством, что он несовершеннолетний, должно привести к отклонению его показаний, что является правдой.

11. Показания другого свидетеля также должны быть отвергнуты, поскольку он предполагает, что этот человек - его жена, которая ведет с ним сварливую жизнь и питает к нему сильную вражду; что является правдой.

12. Подсудимый предполагает, что причиной несчастья, в котором он сейчас оказался, является то, что он хорошенько избил свою жену на празднике Воскресения, из-за чего она, вероятно, направила свою злобу против него и подкупила других свидетелей; что является правдой.

13. Такую же ненависть питает к нему Жозеф Ллеонар, его сын, из-за того, что заключенный заложил наковальню, чем его сын был недоволен; и это правда.

14. Упомянутый Бернардо Фелиппе известен во всем городе Таррагона как честный человек и добрый христианин, посещающий мессу в церкви с большой пунктуальностью в назначенные дни, исповедующийся и принимающий причастие в надлежащее время, что подтверждается его свидетельством; что является правдой.

15. Упомянутый Бернардо Фелиппе никогда не был заключен в тюрьму или наказан этим или каким-либо другим судом; и это правда.

16. Из всего этого следует, что упомянутый Фелиппе свободен от всех инкриминируемых ему преступлений и должен быть освобожден из тюрьмы, в которой он содержится, испытывая милосердие, которое также было бы справедливостью, *vel alias omni meliori modo quod de jure sibi adaptari valeat, et verum.*

17. *Ponit quod omnia et singula sunt vera, super quibus jus diei et justitiam ministrari postulat, et verum.*

Ф. Магрия.

Инквизитор распорядился приобщить вышеизложенное к материалам судебного разбирательства и заявил, что он готов провести необходимое расследование. После чего заключенный, получив предупреждение, был отправлен обратно в тюрьму.

Передо мной—

Мигель Родригес.

КАНОНИКУ ДЖОАН ФЕРРЕР, КОМИССАРУ.

Леонардо Фелипе, рукодельник, житель этого города, а ныне находящийся в секретной тюрьме этой Святой Канцелярии, в связи с иском, возбужденным против него лицензиатом Доном

Андресом Паньягуа, Фискалом этой инквизиции, представил в свою защиту следующие статьи или протоколы допросов, а именно:

1. Что упомянутый Леонардо Фелипе, хотя и француз, все же является добрым христианином, и его ни в чем нельзя заподозрить в лютеранстве или какой-либо другой ереси; что, как таковой, он посещает мессу каждое воскресенье и праздничные дни, что может быть доказано многими свидетелями.
2. Что он также исповедуется и принимает причастие каждый год, на Пасху и в другое время, о чем свидетельствует его свидетельство об исповеди, полученное во время последнего Великого поста и которое он предъявляет в свою защиту.
3. Что жена упомянутого Леонардо Фелипе плохо обращается с ним и питает к нему сильную ненависть, и втянула его в эту неприятность, потому что он хорошенько избил ее на последнем празднике Воскресения, что значительно усилило ее ненависть к нему.
4. Что такую же неприязнь питает к нему Джозеф Леонардо, его сын, с которым у него произошла ссора из-за того, что он заложил наковальню вопреки желанию своего сына, по этой причине он согласовал со своей матерью это судебное разбирательство против заключенного.
5. Что упомянутый Леонардо Фелипе известен во всем городе Таррагона как честный человек и добрый христианин, пунктуально посещающий церковь, чтобы отслужить мессу в назначенные дни, исповедующийся и принимающий причастие в надлежащее время.

В связи с чем вы, получив это, приступите к сбору информации по вопросу, содержащемуся в вышеупомянутых допросах, в пользу упомянутого Леонардо Фелипе, допрашивая свидетелей, указанных на полях напротив каждой статьи, что должно быть сделано в присутствии нотариуса, с соблюдением других юридических формальностей и в соответствии с печатной формулой, имеющейся у комиссаров. Вы также возьмете копию реестра в церковных архивах, упомянутых во второй статье. После всего этого вы со всей краткостью передадите материалы дела с печатью в наши руки.

Для выполнения вышеуказанного обязательства мы предоставляем вам полную власть и поручения по форме. Храни вас Бог.

Dr Domingo Abbad y Huerta.

Инквизитор председательствует в одиночку.

Мигель Родригес.

Барселона, 25 июня 1637 года.

В городе Таррагона восемнадцатого июля тысяча шестьсот тридцать седьмого года перед прославленным Хуаном Феррером, каноническим пресвитером Святой Церкви Таррагоны, Комиссаром Священной Канцелярии инквизиции, и по особому поручению самых

прославленных инквизиторов Апостольской Церкви Княжества Каталония, явился по вызову и официально поклялся говорить правду человек, называющий себя отцом Пабло Морером, Настоятелем монастыря Святого Франциско в Таррагоне, возраст, как он заявил, сорок шесть лет или около того.

Спросили, знал ли он или предполагал причину, по которой его вызвали.

Ответ: Нет.

Допрошен, не пытался ли кто-нибудь убедить его выступить в защиту какого-либо лица, заключенного в тюрьму Святой канцелярией.

Ответ: Нет.

Спросили, знает ли он фискала Святой канцелярии или Леонардо Фелипе из города Таррагона, заключенного в тюрьму Святой инквизицией.

Ответил, что он не знает ни одного из них.

Затем ему сообщили, что упомянутый Фелипе представил его в качестве свидетеля в свою защиту по делу, возбужденному против него фискалом Святой канцелярии. Ему было приказано быть внимательным, пока ему будут задаваться определенные вопросы, и говорить всю правду.

На второй вопрос он ответил, что ему ничего не известно о деле, по которому его допрашивали, поскольку он не был знаком с этим человеком. На последний вопрос он ответил, что то, что он заявил, было правдой, и когда это было прочитано, он объявил, что это правильно записано. Он пообещал хранить тайну и подписал свое имя.

Пабло Морер.

Передо мной—

Мигель Гиберт, уроженец Таррагоны.

В городе Таррагона, в указанный выше день, месяц и год, перед достопочтенным Хуаном Феррером, пресвитером, комиссаром и т.д., явившимся по вызову и поклявшимся говорить правду, человек, называющий себя отцом Николасом Хил, из монастыря Святого Франциско в этом городе, в возрасте, как он заявил, сорока четырех лет или около того.

Спросили, знал ли он или предполагал причину, по которой его вызвали.

Ответ: Нет.

Допрошен, не пытался ли кто-нибудь убедить его выступить в защиту какого-либо лица, заключенного в тюрьму Святой канцелярией.

Ответ: Нет.

Спросили, знает ли он фискала Святой канцелярии или Леонардо Фелипе, рукодельника из этого города, который сейчас находится в заключении Святой канцелярии.

Ответил, что он ничего не знает о Налоговике, но знаком с упомянутым Леонардо Фелипе и имел с ним дело.

Затем ему сообщили, что вышеупомянутый Леонардо Фелипе представил его в качестве свидетеля по делу, возбужденному против него указанным налоговым органом. Ему было приказано быть внимательным, пока ему будут задаваться определенные вопросы, и говорить всю правду.

На второй вопрос он ответил, что помнит, что слышал исповедь упомянутого Леонардо Фелипе только один раз во время последнего Великого поста, но не может вспомнить, давал ли он ему свидетельство или нет.

Все вышесказанное соответствует действительности в соответствии с присягой обвиняемого и, будучи зачитанным, было заявлено им как правильно записанное. Он пообещал хранить тайну и расписался своим именем

Пр. Никола Хиль.

Передо мной—

Мигель Гиберт, *Неизвестная публика Таррагоны.*

[Далее следуют показания в той же форме, что и предыдущие, различных других свидетелей в пользу заключенного, касающиеся вопросов, заявленных им в свою защиту.]

АУДИТОРИЯ ДЛЯ ЗАВЕРШЕНИЯ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны двадцать седьмого июня тысяча шестьсот тридцать седьмого года инквизиторы, доктор Доминго Аббад-и-Уэрта и лицензиат дон Блас Александра де Лезазта, председательствовавшие на своей дневной аудиенции, приказали вывести вышеупомянутого Леонардо Фелипе из тюрьмы, что было сделано, и он был освобожден.

Спросили, помнит ли он что-нибудь, о чем он был связан своей клятвой заявить.

Ответил, что ему больше нечего сказать.

Присутствовавший доктор Франсиско Магринья, адвокат заключенного, был проинформирован о том, что запрошенное им расследование было проведено, и если он желает, чтобы дело было рассмотрено, это должно быть сделано, или, если он желает, чтобы были приняты другие меры, заявить о них, и должно быть сделано все, что позволяет правосудие. На что упомянутый Леонардо Фелипе, по совету своего адвоката, ответил, что пришел к окончательному выводу и просит о милосердном приговоре.

Затем инквизиторы приказали уведомить об этом фискала-Покровителя этой Святой Канцелярии, чтобы на третий день можно было сделать заключение. После чего заключенный был отправлен обратно в тюрьму.

Передо мной—

Мигель Родригес.

Вышеуказанный приказ о заключении был немедленно доведен мной, секретарем, до сведения лиценциата финансов дона Андреса Паниагуа

Родригес.

ПРИГОВОР.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны двадцать восьмого июля тысяча шестьсот тридцать седьмого года инквизиторы доктор Доминго Аббад—и-Уэрта и лиценциат дон Блас Александр де Лезаэта председательствовали на своей утренней аудиенции (рядовой не присутствовал по причине того, что Кабиљдо Таррагоны забыл назначить кого-либо на эту должность *sede vacante*, хотя и был уведомлен об этом, и восьмидневный срок истек), рассмотрев разбирательство, проводившееся в суде. Святая Канцелярия против Леонардо Фелипе, француза по происхождению и рукодельника по профессии, уроженца деревни Агуллон в епископстве Генес и жителя города Таррагона, ныне находящегося в секретной тюрьме этой Святой Канцелярии, -

Единогласно постановил приостановить этот судебный процесс без какого-либо другого приговора и оставить его в том виде, в каком он есть в настоящее время.

Передо мной—

Мигель Родригес, *заместитель*.

СУД Над ДОНОМ АНТОНИО АДОРНО,

ОБВИНЕННЫМ В НЕКРОМАНТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ.

В городе Валенсия тринадцатого апреля тысяча семьсот пятьдесят шестого года перед доктором Лоренцо Баллестером, пресвитером, исповедником секретной тюрьмы Святой Канцелярии, и перед Чрезвычайным комиссаром по расследованию добровольно явился и дал клятву говорить правду и сохранять тайну человек, называющий себя Хоакимом Хил, писцом, проживающий в доме Фелипе Матеу на Калле дель Мар этого города, уроженец Пуэбла-де-Аренозо, в этом архиепископстве, совершеннолетний, как он заявил, двадцать четыре года.

Спросили, почему он потребовал аудиенции.

Ответил, что это было сделано с целью предоставления информации Святой канцелярии относительно некоего солдата Астурийского полка в гарнизоне этого города. Этого человека

звали дон Антонио, и по происхождению он был неаполитанцем, крепким мужчиной среднего роста, со смуглым цветом лица, возрастом около двадцати четырех-двадцати пяти лет, и это было все описание, которое мог дать обвиняемый. Вечером одиннадцатого числа текущего месяца обвиняемый и вышеупомянутый Фелипе Матеу находились в сопровождении пяти солдат в доме упомянутого Матеу. Среди них был вышеупомянутый Дон Антонио, и этот человек заявил в разговоре с обвиняемым, что он обладает способностью обнаруживать вора, когда вещь была украдена. Это он проделал следующим образом. Однажды один из его друзей оплакивал потерю части денег, которые были у него украдены, когда он, упомянутый дон Антонио, ответил, что найдет вора. Затем он написал имена всех присутствующих на отдельных листках бумаги и бросил их в огонь. Те, что содержали имена невинных, сгорели, но тот, что содержал имя вора, остался. Никто не смог вынуть его из огня, кроме дона Антонио. Бумага не сгорела благодаря силе произнесенных им слов *"Христос сеньор Нуэстро"*, и она была извлечена из-под углей с помощью этого выражения; *"Сумма эго". Factus est homo. Consummatum est.* Кроме того, он знал еще один способ практиковать это гадание; и он заключался в том, чтобы собрать пепел, оставшийся от бумаг, и растереть им тыльную сторону своей ладони, где они должны были оставить отметку имени вора. Более того, он заявил, что у него есть другой метод достижения этой цели, но этого он не объяснил.

Этот разговор был услышан вышеупомянутым Фелипе Матеу, он упрекнул дона Антонио, и этот последний ответил, что то, что он сделал, он повторит даже перед инквизиторами или, если это будет иметь какое-либо значение, после причастия, поскольку он использовал слова, произнесенные Христом. Продолжая разговор с обвиняемым, он сказал ему, что у него в кармане есть кое-какие инструменты, которые могут пригодиться для многих целей. Затем он вытащил из своего правого кармана сложенный листок бумаги, содержащий два или три свертка чего-то, чего обвиняемый не мог отчетливо разглядеть из-за темноты, но пощупал и прикоснулся к ним. Обвиняемый спросил дона Антонио, откуда он получил вышеуказанные знания. Он ответил, что получил это, изучая магическую книгу, которой владел; что из нее он узнал секрет того, как стать невидимым, а также сделать человека неуязвимым для ударов мечом, последнее испытание которого он испытает на собаке или кошке и покажет эффективность этого. Обвиняемый спросил его, знает ли он какие-либо секреты, связанные с игрой в мяч. Он ответил, что в настоящее время ничего такого не помнит, но проведет кое-какие исследования и навестит обвиняемого у него дома, когда тот расскажет ему секрет, как завоевывать расположение дам. С этим согласились, и обвиняемый описал ему дом. Он предложил ему деньги, если тот раскроет все свои искусства, которыми он занимался с целью представить все это Святой Канцелярии на благо католической веры.

Спросили, слышали ли какие-либо другие лица вышеупомянутый разговор или знали что-либо, относящееся к нему.

Ответил, что вышеупомянутый Фелипе Матеу слышал большую часть этого, а также Джозеф Маскеф, писец, живший в том же доме, Джозеф Джордан, слуга, и двое альгвасилов, отец и сын, которые были в компании и имен которых он не знает.

Спросили, сделал ли он это заявление из какой-либо злобы, которую питал к упомянутому дону Антонио.

Ответил, что он сделал это исключительно по велению своей совести и потому, что считал вышеперечисленное противоречащим нашей Святой Вере. Он подтвердил, что все это правда, пообещал хранить тайну и расписался своим именем.

Хоаким Хиль.

Передо мной—

Доктор Джозеф Монтес,
пресвитер-нотариус Святой канцелярии.

В городе Валенсия семнадцатого апреля тысяча семьсот пятьдесят шестого года перед доктором Лоренцо Баллестером, духовником секретной тюрьмы Святой Канцелярии и Чрезвычайным комиссаром по этому расследованию, добровольно явился и дал клятву сообщить правду и сохранить тайну Хоаким Хиль и др.

Спросили, почему он потребовал аудиенции.

Ответил на основании заявления, сделанного им перед настоящим комиссаром в отношении некоего дона Антонио из роты дона Хорхе Дурана Астурийского полка. У этого человека, в дополнение к описанным выше особенностям его личности, был шрам над левой бровью, очевидно, результат ранения, и вмятина размером с фундук в верхней части лба, с черными и довольно короткими волосами. Согласно договоренности, он пришел в дом обвиняемого пятнадцатого числа этого месяца и после некоторого разговора передал ему полоску пергамента шириной примерно в палец и длиной более пяди, она была разрезана посередине вдоль и на ней были написаны следующие слова. *‘Эго + сумма. Exe + homo consummatum est. Ego Juaginus Aprecor Dominum Nostri Jesu Christi in vitam eternam seculi seculorum libera me de omnibus rebus de ignis cautius et omnia instrumenta hominum detentat me hac die hac nocte custote rege et cuberna me Amen.* Он был завернут в свинец вместе с маленьким кусочком кости, и дон Антонио велел ему носить его в форме креста, рядом с кожей, рядом с сердцем, и это надежно защитит его от любых ударов мечом. Оно было предъявлено обвиняемым.

Он также дал ему другую полоску пергамента шириной в полпальца и более двух ярдов длиной. На одном конце чернилами были нарисованы нога и ступня, а на другом - сердце с крестом над ним. Другие цифры и буквы были нарисованы в разных частях. С этими словами он приступил к измерениям тела обвиняемого водолазами, например, от одного плеча до другого, от плеча до подбородка и носа и т.д. Он сообщил ему, что это убережет его от ранения, если он воспользуется им следующим образом. Он должен был натереть его воском, который капал со свечей, зажженных во время совершения мессы. Это должно было быть сделано в девять дней во время мессы, держа это под плащом и заботясь о том, чтобы его никто не видел. Впоследствии его надлежало носить в форме креста, рядом с кожей, возле сердца. В то же время он дал ему три куска пергамента, каждый примерно в три пальца длиной и в один шириной. На двух из них было написано по две строчки, на остальных - по три. На обороте они были пронумерованы по отдельности: 1, 2, 3. К ним были добавлены другие, очень маленькие, тоже переписанные.

Он сообщил ему, что с их помощью он может совершать любые гадания, и что если он наденет самый тонкий из этих пергаментов на мизинец левой руки, под белый камень, вставленный в кольцо, он получит от него указания следующим образом. Всякий раз, когда камень становился красным, он мог играть в любую происходящую игру, кроме кубиков или *квилласа*, и быть уверенным, что выиграет; но если камень становился черным, он проигрывал, играя. Однако, прежде чем использовать пергаменты подобным образом, ему было велено положить их в ботинок на левой ноге, около лодыжки, и сбрызнуть водой, которой пользуется священник во время мессы. Эти пергаменты также были выставлены.

Обвиняемый попросил дона Антонио показать ему магическую книгу, о которой он упоминал, но тот отказался, заявив, что обвиняемый не может ни прочесть, ни понять ее.

Спросили, знал ли он или слышал, что упомянутый дон Антонио Адорно страдал каким-либо временным помешательством или употреблял вино, и присутствовал ли во время последнего разговора кто-либо другой.

Ответил, что ему неизвестно, подвергался ли он каким-либо подобным нарушениям, и что никто другой не присутствовал во время их последнего собеседования. Он заявил, что все это заявление было правдой и произнесено им не по злему умыслу или недобрым чувствам, а исключительно повинувшись своей совести и присяге. Он пообещал хранить тайну и поставил свою подпись.

Хоаким Хиль.

Передо мной—

Доктор Джозеф Монтез, *пресвитер-нотариус*
Святой канцелярии.

В городе Валенсия четырнадцатого апреля тысяча семьсот пятьдесят шестого года перед доктором Лоренцо Баллестером, пресвитером, исповедником секретной тюрьмы Святой Канцелярии, явившимся по вызову и давшим клятву говорить правду и сохранять тайну, Джозеф Санчес Маскефа, писец, проживающий в доме Фелипе Матеу, писца этого города, уроженец города Оригуэла, возраст, по его словам, девятнадцати лет.

Спросили, знал ли он или предполагал причину, по которой его вызвали.

Ответил, что он не знает, но предположил, что это было сделано с целью узнать, что он слышал о разговоре, в котором участвовал некий солдат астурийского полка, служивший в гарнизоне этого города; этот человек, которого, как ему сообщили, звали Дон Антонио * * * и он был неаполитанцем по происхождению, был среднего роста, несколько полноватый, смуглый, и ему было около двадцати или двадцати двух лет. Вечером одиннадцатого числа текущего месяца, беседуя на различные темы, этот человек заметил, что он знаком с несколькими искусстваами и, в частности, знает одно, с помощью которого он может установить, кто был вором, когда была совершена кража, и которое он применил в следующем случае. Солдат его полка украл два или три доллара у другого, на что сержант выразил свое неудовольствие, и дон Антонио сказал ему,

что, если он пообещает, что ни вору, ни ему самому не причинят вреда, он выяснит, кто их украл. Сержант согласился, и дон Антонио написал имена всех, кого подозревали в краже, на листках бумаги. Он бросил их в огонь, где они сгорели все, кроме того, на котором было написано имя вора. Это видели все присутствующие, и некоторые из них попытались выхватить его из пламени, но не смогли. Только дон Антонио был способен совершить это действие, и когда было оглашено имя вора, его обыскали и нашли деньги в его чулках.

Выслушав это сообщение Фелипе Матеу, он заявил, что это могло быть сделано только в союзе с дьяволом, и что это дело должно быть передано инквизиции. Дон Антонио ответил, что это действие, которое он должен без колебаний совершить сразу после исповеди и причастия, поскольку оно совершается путем произнесения слов, которые были сказаны Христом; то есть *"Ego sum, Christus factus est homo, consummatum est"*, выражений добрых и святых. Затем между доном Антонио и Джозефом * * *, слугой в доме Фелипе Матеу, завязался разговор на итальянском, который не был понят обвиняемым. Разговор был прерван упомянутым Матеу.

Спросил, присутствовали ли при этом разговоре какие-либо другие лица, помимо уже названных.

Ответил, что в том же доме присутствовали также Джозеф Хиль, писец, двое альгвасилов, одного из которых звали Альба, и трое солдат вышеупомянутого полка, имен которых он не знает.

Спросили, не знает ли он, был ли упомянутый дон Антонио подвержен какому-либо периодическому помешательству или был пристрастен к вину.

Ответил, что он не знал о том, что подвергался каким-либо подобным нарушениям, и что вышеупомянутый разговор велся с его стороны с большой серьезностью. Вышеизложенное является сутью того, что ему известно по данному делу, и связано не со злым умыслом по отношению к упомянутому дону Антонио, а исключительно в соответствии с его совестью и клятвой. Это было зачитано в его присутствии и объявлено им правдой. Ему было предписано хранить тайну, что он и пообещал, поставив свою подпись.

Joseph Sanchez Y Masquefa.

Передо мной—

Джозеф Монтес, пресвитер-нотариус
Святой канцелярии.

[Далее в оригинале следуют показания других свидетелей, упомянутых выше как присутствовавших при этом событии. Они опущены, поскольку они повторяют то, что уже было описано.]

КАЛИФИКАЦИЯ.

В Священной Канцелярии инквизиции Валенсии семнадцатого мая тысяча семьсот пятьдесят шестого года, когда инквизитор доктор Дон Иниго Ортис де ла Пенья находился на утренней аудиенции, на которой он председательствовал один, появились калификадоры, падре

Франсиско Сигес из Ордена Милосердия, падре Антонио Мира, иезуит, бывший ректор колледжа Сан-Пабло, падре Хуан Баутиста Льюпис из Ордена Милосердия, и падре Августин де Винарос, бывший... Провинциал Монастыря капуцинов, который, посоветовавшись относительно действий и утверждений, которые теперь будут уточнены, квалифицировал их следующим образом, а именно.

первое. Лицо, о котором идет речь, в присутствии многих других, ночью определенного названного дня заявило, что оно обладало властью в случае кражи чего-либо установить, кто был вором; и в доказательство этого указанное лицо в том же случае заявило, что в предыдущем случае, когда было украдено некоторое количество денег и велись поиски вора, он предложил, при условии, что ни ему, ни преступнику не будет причинено вреда, найти его; получив согласие, он написал имена тех, кого подозревал в краже, на листе бумаги. Бумаги и предал их огню, когда те, что содержали имена невинных, сгорели, а имя виновного осталось. Затем он произнес определенные слова, которые означали "*Христос, Господь наш*", благодаря которым имя преступника было сохранено от сожжения. И благодаря этим словам: "*Ego sum; factus est Homo; consummatum est*", бумага была извлечена из огня. Затем было оглашено имя вора и деньги, найденные у него в чулках.

Единогласно заявили, что это исповедание суеверной некромантии и практика того же самого со следующими последствиями; а также злоупотребление священным Писанием.

2. После того, как были выслушаны утверждения в вышеупомянутой статье, этому человеку был дан ответ, что это невозможно сделать без какого-либо соглашения с дьяволом, на что он ответил, что это настолько честный и справедливый поступок, что он совершит его немедленно после исповеди и причастия и даже перед инквизиторами, поскольку это было сделано путем повторения слов Христа, которые были латинскими выражениями, приведенными в первой статье. Было повторено, что это не могло быть сделано таким образом и что на это следует донести инквизиции; после чего этот человек упорствовал в своих утверждениях. Он также заявил, что знает другой способ проведения такого же гадания, который заключается в том, чтобы собрать пепел, образовавшийся при сжигании бумаг, и растереть его на тыльной стороне ладони, где останется отпечатанное имя преступника. Кроме того, он утверждал, что ему известен другой метод, который он не объяснил.

Единогласно заявили, что это содержит подтверждение предыдущего, с еретическим утверждением и новой профессией некромантии.

3. Тот же самый человек, продолжая вышеупомянутый разговор, утверждал, что у него есть определенные инструменты, которые были полезны для многих вещей, и продолжил извлекать из правого кармана своих штанов бумагу, содержащую три или четыре каких-то сгиба, которые не были отчетливо видны из-за ночи. И когда у него спросили, где он научился своему искусству, он ответил, что почерпнул его из имевшейся у него магической книги, которая научила его делать все, что он пожелает.

Единогласно объявлено, что здесь есть еще одна подобная профессия, уже имеющая квалификацию.

4-й. Он объявил человеку, которому были сделаны вышеупомянутые утверждения, что из вышеупомянутой книги он может овладеть искусством становиться невидимым; также, что

таким образом человек может стать неуязвимым для удара меча; в доказательство чего он проведет испытание на теле собаки или кошки, чтобы они могли убедиться в истинности этого.

Единогласно объявлено, что в нем содержится новая профессия некромантии.

5-й. Человек, который был свидетелем этого процесса, спросил его, владеет ли он каким-либо искусством, касающимся игры в бал, он ответил, что в настоящее время не владеет, но проведет исследования и приедет в дом вышеупомянутого человека, где научит его другим искусствам, которые он знает, чтобы завоевать расположение дам. Об этом договорились, и этот человек дал ему указания, как найти его дом, предложив ему деньги, если он раскроет ему все это, и все это с целью передать информацию о том же самом Святой Канцелярии, чтобы очистить нашу Святую Веру и искоренить все, что ей противоречит.

Единогласно объявлено, что это содержит профессию некромантии, квалифицированную как указано выше, с добавлением любовной некромантической практики.

6-е число. Через несколько дней после этого, в соответствии с вышеупомянутой договоренностью, он отправился в дом указанного человека, где дал ему полоску пергамента шириной примерно в палец и длиной в пядь, разрезанную посередине и соединенную на конце, на которой было написано следующее. 'Ego + sum, Exe + Homo, consummatum + est, Ego Joaquinus Aprecor Domini nostri Jesu Christi in vitam eternam seculi seculorum, libera me de omnibus rebus, de ignis cautus et omnia instrumenta hominum detenta me ach die, ach nocte, custode rege et gubernare amen.' Это было завернуто в кусок свинца и часть кости и, согласно его указаниям, должно было носиться рядом с кожей, около руки, в форме креста. Это, как он утверждал, защитит владельца от любых ударов мечом. Изделия были выставлены.

Единогласно заявили, что это содержит практику использования инструментов суеверной некромантии, добавленную к доктрине их применения, которая является оскорблением священного писания и святого креста.

7-й. По тому же случаю он передал этому человеку другой кусок пергамента шириной в полпальца и более двух ярдов длиной, на одном конце которого чернилами были нарисованы нога и ступня, а на другом - сердце, увенчанное крестом, с другими цифрами и буквами в разных частях. С этими словами он произвел различные измерения на теле вышеупомянутого человека, от одного плеча до другого, от плеча до подбородка и носа, от подбородка до живота, измерив также лицо, что, как он сообщил ему, было сделано для того, чтобы обезопасить его от ран. Он велел ему натереть его воском, который капал со свечей, зажженных во время мессы. Это должно было быть сделано в течение нескольких дней, и операция должна была быть скрыта от посторонних глаз его плащом. Пергамент был выставлен на всеобщее обозрение.

Единогласно объявлено, что это содержит дополнительную профессию некромантии с демонстрацией дополнительных некромантических инструментов и метода их использования, что является оскорблением святой жертвы мессы и святого креста.

8-е число. В том же случае он передал этому человеку три куска пергамента шириной в три пальца длиной и по одному в ширину каждый; два из них содержали по две строки письма, а остальные три, все пронумерованные на обороте; также еще один исписанный пергамент. Он велел ему носить самую тонкую из этих фигурок на мизинце левой руки, под белым камнем, вставленным в кольцо, и сообщил ему, что, когда этот камень станет красным, он может играть в

любую игру, кроме кубиков или *las quillas*, с уверенностью в выигрыше, но если он станет черным, он должен воздержаться от игры. Вышеупомянутые пергаменты перед тем, как это было сделано, должны были быть вложены в его правый ботинок, рядом с лодыжкой, и окроплены Святой водой, используемой во время мессы, после чего их следовало носить рядом с сердцем. Пергаменты были выставлены на всеобщее обозрение.

Единогласно объявлено, что это содержит дополнительную профессию и доктрину суеверной некромантии с дополнительным методом ее применения, что является новым оскорблением священных церемоний мессы.

9-е число. Указанное лицо попросило показать магическую книгу, которая, как он заявил, находилась в его распоряжении, он отказался предъявить ее, заявив, что человек, предъявивший требование, не сможет прочитать или понять ее, но что он изучил всю книгу целиком в определенном месте, которое он назвал.

Единогласно объявлено, что это включает в себя владение магической книгой и ее изучение с целью применения на практике.

Наконец, единогласно было объявлено, что лицо, подпадающее под квалификацию, должно быть объявлено под подозрение *де леви*.

Отец Франсиско Сигес,
П. Антонио Мира,
отец. Хуан Ба. Льопис,
фр. Augustin de Vinaros.
Дон Хоахин де Эсплугес-и-Палавичино,
секретарь.

В Королевском дворце инквизиции Валенсии, двадцатого мая тысяча семьсот пятьдесят шестого года, инквизиторы лицензиат Дон Антонио, Пелеген Венеро и Дон Иниго Ортис де ла Пенья, находясь на утренней аудиенции, изучили информацию, полученную в этой Святой Канцелярии против дона Антонио Адорно, солдата Астурийского полка, принадлежащего к роте дона Хорхе Дурана, неаполитанца по происхождению, проживающего в этом городе, за преступления, связанные с исповеданием некромантии и любовными похождениями. гадание и совершение того же самого с оскорблением святой жертвы мессы и святого креста —

Единогласно постановил, чтобы упомянутый дон Антония Адорно был заключен в секретную тюрьму этой Святой Канцелярии; чтобы его имущество было наложено на арест; чтобы его бумаги, книги и инструменты были изъяты и подготовлены для предъявления ему обвинения. Далее приказано, чтобы перед казнью это было передано членам Совета Святой Всеобщей инквизиции Его Величества.

Дон Хоахин де Эсплугес-и-Палавичино,
секретарь.

[В эту часть судебного процесса включены оригиналы четырнадцати писем, полученных от различных инквизиций королевства, в которых утверждается, что их записи были изучены и не нашли ничего против заключенного. Также письмо от Великого совета инквизиции в Мадриде, подтверждающее вышеупомянутый приказ.]

На Совете 31 мая 1756 года.

Дикасты Равазо, Берц, Барреда и Эррерос.

Пусть правосудие свершится в соответствии с вышеуказанным порядком.

НАШЕМУ КУРАТОРУ ДОКТОРУ БОКСО И ВСЕМ ЗНАКОМЫМ, УПОМЯНУТЫМ В ЭТОМ ПИСЬМЕ.

Дон Антонио Адорно, на основании которого выдан ордер на тюремное заключение, является солдатом роты дона Хорхе Дурана, принадлежащей Астурийскому полку. Он неаполитанец по происхождению, среднего роста, крепкий, со смуглой кожей, с длинным шрамом над левой бровью и вмятиной в верхней части лба. Его возраст - двадцать четыре или двадцать пять лет. Чтобы задержать его, наш куратор, доктор Джозеф Боксо, будет действовать следующим образом:

Он проконсультируется, с большой секретностью и осторожностью, в сопровождении нашего Знакомого Франсиско Суньера или, в его отсутствие, любого другого Знакомого в этом районе, в качестве нотариуса, полковника или командира полка, где можно найти упомянутого дона Антонио Адорно, и, при необходимости, предъявит ему Ордер. При задержании потребуется его помощь, после чего его личность должна быть немедленно установлена. Все бумаги, книги и инструменты, найденные при нем, должны быть изъяты, а также те, которые могут быть обнаружены в его багаже. Следует позаботиться о том, чтобы у него не было времени что-либо скрывать, и все изъятые вещи Калификадор перевезет к себе домой. В то же время все остальное его имущество, если оно у него есть, будет конфисковано, будет проведена его опись, и все это останется в руках такого человека, которого полковник или командир может назначить для его безопасного хранения, приказав ему ни с чем не расставаться без нашего приказа. Если потребуется какая-либо наличность, Калификадор обеспечит ее, а также одежду для использования заключенным, все это должно быть доставлено к нему домой вместе с бумагами, книгами и инструментами, указанными выше.

После этого Знакомый Судья или тот, кто будет выполнять функции нотариуса, заберет у него все виды боевого оружия и доставит его в город Арбос верхом, без привязывания, поскольку это предписано только в тех случаях, когда предпринимается попытка побега. Двое вооруженных дюжих парней будут охранять его с каждой стороны. В Арбосе он должен быть передан в руки нашего знакомого Раймундо Фрейраса, местного жителя. Если его не окажется поблизости, заключенный должен быть доставлен в Вилафранку и передан на попечение нашего Знакомого Педро Батлье вместе с бумагами, книгами, инструментами, деньгами и одеждой заключенного, все это должно быть доставлено с места его ареста, а также ордер на его заключение под стражу, копию описи его имущества, это письмо и прилагаемый паспорт для въезда в Ворота Ангела в этом городе. При переводе любому из вышеупомянутых Доверенных лиц будет взята квитанция, которая должна быть передана в этот трибунал, а также счет расходов, оплаченных

получающим его лицом с момента совершения сделки до его возвращения домой, с указанием оплаты охраны, найма лошади, его собственных расходов и расходов заключенного.

Хранитель Арбоса или Вилафранки таким же образом доставит его со всем, что он может получить от Хранителя Реуса, в этот город, в который он войдет в сумерках, как раз перед закрытием ворот. Он войдет в Ворота Ангела и предъявит сопровождающий паспорт губернатора офицеру Охраны. Если Патруль потребует показать его, он может быть продемонстрирован им, после чего он отправится прямо в этот Королевский дворец инквизиции и расспросит об Алькаиде. Затем в его руки будет передан заключенный и все относящиеся к нему вещи, вместе с ордером на тюремное заключение, описью товаров и этим письмом. На следующий день он предстанет перед этим трибуналом и расскажет о своем разбирательстве. Храни вас Бог.

Королевский дворец инквизиции Барселоны, 30 июня 1756 г.

Лиценциат,
Д. Joseph de Otero Y Cossio.
Лиценциат,
дон Мануэль де Гуэль-и-Серра.
Хуан Антонио Альмонасид, *заместитель*.

ОТВЕТ.

ЗНАТНЕЙШИЕ СЕНЬОРЫ.

До 10 числа текущего месяца мне не удавалось задержать дона Антонио Адорно, поскольку он не появлялся в этом квартале до этой даты. Захват был произведен с большой осторожностью, командир ухитрился передать его в мои руки в тюрьме полка, откуда он выходит сегодня, во вторник, 13 июля, под присмотром Знакомого Рафеля Бельвени, поскольку Знакомый Франсиско Суньеса болен.

Описи его имущества не проводилось, поскольку ничего не было найдено ни при нем, ни в его рюкзаке, за исключением переданных настоящим образом бумаг и книги, содержащей различные документы, касающиеся знатности дома Адорно. Денег найдено не было, а заключенный задолжал полку изрядную сумму. Командир сохранил все предметы его одежды, так что пришлось купить для него костюм. Да сохранит Бог ваши Превосходительства на долгие годы.

Доктор Джозеф Боксо, *Калификадор и комиссар Святой Канцелярии*.

Реус, 13 июля 1756 года.

ПЕРВАЯ АУДИЕНЦИЯ.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны пятого августа тысяча семьсот пятьдесят шестого года инквизитор, лицензиат доктор Джозеф де Отеро-и-Коссио, находясь на утренней аудиенции, приказал вывести из тюрьмы человека, называющего себя доном Антонио Адорно, уроженца города Генуи, двадцати семи лет от роду, который поклялся говорить правду и сохранять тайну как в этом, так и во всех других случаях, до вынесения решения по его делу.

Допрошен, названы его имя, место рождения, возраст, род занятий и дата его заключения.

Ответил, что он родился, как указано выше, в городе Генуя, что ему двадцать семь лет, что он был солдатом Астурийского пехотного полка, роты дона Хорхе Дурана, и что он был арестован десятого числа прошлого месяца.

Спросили, кто были его отец, мать, дедушка, дяди и т.д.

[Далее следует генеалогия заключенного.]

Допрошен, какого происхождения были его вышеупомянутые предки и побочные родственники, и был ли кто-либо из них или он сам когда-либо заключен в тюрьму или подвергнут епитимье Святой Канцелярией инквизиции.

Ответил, что его семья была знатной, как указано выше, и что ни он, ни кто-либо из них никогда не были наказаны или подвергнуты епитимье Святой Канцелярией.

Спросили, был ли он крещеным и конфирмованным христианином, слушал ли мессу, исповедовался ли и причащался ли в то время, когда предписывала Церковь.

Ответил: да; и в последний раз он исповедовался отцу О. Антонио (его имени он не знал) был босоногим монахом монастыря Святой Троицы; и что он принял причастие в этом монастыре в городе Валенсия, где в то время дислоцировался его полк.

Здесь подсудимый перекрестился, безошибочно повторил по-испански *"Отче наш"*, *"Аве Мария"* и *"Кредо"* и должным образом ответил на все вопросы, касающиеся христианского учения.

Спросили, умеет ли он читать или писать или изучал какие-либо науки.

Ответил, что умеет читать, писать и считать, чему научился у доктора Франсиско Лабатры в Вене; и что он изучал грамматику в Коллегии практикующих в этой столице.

Спросили, каковы были события его жизни.

Ответил, что он родился в Генуе; и, будучи мальчиком, родители перевезли его в Вену, где он продолжил учебу, как указано выше. В возрасте шестнадцати лет он поступил кадетом в пехотный полк. Прослужив здесь до двадцати двух лет, полк был расформирован, и он в течение месяца оставался со своей матерью в Вене. Затем он отправился в Испанию с целью заполучить кое-какую собственность, принадлежащую ему по наследству от его предков в Бельгии и других частях королевства. Он высадился в Барселоне и направился в Бельпуи, Малагу, Гранаду и Севилью; но, потерпев неудачу в своих попытках заполучить свою собственность, он записался в астурийский пехотный полк, расквартированный тогда в этом городе. В этом полку он посетил несколько частей и городов этих королевств в их соответствующих гарнизонах, и особенно королевство Валенсия, откуда он направился в Реус, где был арестован.

Допрашивали, знал ли он или подозревал причину своего заключения.

Ответил, что он предположил, что это произошло из-за некоторых действий, которые он совершил, чтобы обнаружить определенных воров в своей компании, и эти действия он разыграл с некоторой долей таинственности и ряженья, чтобы вызвать удивление. Факты были таковы.

В гвардии герцога Бервика в Валенсии было украдено несколько рубашек и чулок, и командир попросил заключенного испытать один из его методов обнаружения вора, поскольку он ранее был свидетелем применения одного из них. Соответственно, он собрал всех солдат стражи в темной комнате и сообщил им, что каждый из них должен опустить свой палец в чашку с водой, и что от воды палец вора почернеет. Прежде чем в комнате стало темно, он показал им чашу с небольшим количеством чистой воды. Все они согласились с предложением, и комнату закрыли, чтобы не пропускать ни единого луча света. Затем заключенный налил в чашку немного чернил и, произнеся предварительную речь, приказал каждому обмакнуть в них палец. Это сделали все, кроме одного, которого он принял за вора. Он смочил палец во рту, чтобы никто не обнаружил, что он не выполнил указания.

Теперь они распахнули окна и обнаружили, что пальцы у всех почернели, кроме пальца преступника. Заключенный, заметив это и волнение, которое он проявлял, воскликнул ему: 'Ты вор', - и в конце концов заставил его заплатить за украденные вещи.

Чтобы более полно внушить им веру в виновность этого человека, заключенный приказал начальнику охраны написать имя каждого человека на листе бумаги и сжечь его дотла, сообщив ему, что на этом пепле будет отпечатано имя того, кто был виновен, на его руке. Чтобы осуществить это, заключенный написал каким-то спиртным на своей руке имя Хуан Антонио ... (другого своего имени он не помнил), затем, показавшись компании, вымыл перед ними руки (стараясь, однако, не сильно их растирать) и заметил: "Вы видите, что сейчас на моей руке ничего не написано; но когда этот список сожгут, там будет имя вора". Затем бумага была сожжена, и он растер пепел о руку, когда появились буквы, и заключенный приобрел репутацию волшебника, особенно в представлении упомянутого Хуана Антонио.

Подсудимый заявил, что в вышеупомянутой речи он не использовал молитв и что слова, которые он произносил, использовались исключительно для того, чтобы поразить слушателей.

Затем ему сообщили, что в этой Святой Канцелярии не принято заключать кого-либо в тюрьму без достаточной информации о том, что он сказал, сделал, видел или слышал что-либо, противоречащее Святой Религии Бога Господа нашего и Святой Матери Апостольской Римской Церкви, или против надлежащей и свободной юрисдикции Святой Канцелярии, вследствие чего он должен был понимать, что он был заключен в тюрьму из-за какой-то такой информации. Поэтому его призвали во имя Бога, нашего Господа, и его славной и благословенной Матери, нашей Владычицы, Девы Марии, одуматься и исповедать всю правду в отношении дела, в котором он чувствовал себя виновным или знал о вине других, ничего не скрывая и не лжесвидетельствуя против кого-либо, совершив что, правосудие должно быть совершено, а суд над ним отправлен со всей краткостью и милосердием.

Ответил, что больше он ничего не помнит и что то, что он изложил выше, было правдой. Затем были зачитаны его показания, и он объявил, что они записаны правильно. Затем ему посоветовали одуматься и отправили в тюрьму.

За его подписью,
М. Анто. Adorno.
Дон Джозеф де Нобоа, *секретарь*.

ВТОРАЯ АУДИЕНЦИЯ.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны седьмого августа тысяча семьсот пятьдесят шестого года инквизиторы, лицензиат доктор Джозеф де Отеро-и-Коссио и доктор Мануэль де Гуэль-и-Серра, находясь на утренней аудиенции, приказали вывести вышеупомянутого дона Антонио Адорно из тюрьмы; после того как это было сделано и заключенный присутствовал, он был

Спросили, помнит ли он что-нибудь связанное с его делом, что он был обязан разгласить согласно своей клятве.

Ответ: Нет.

Затем ему сообщили, что он был осведомлен о том, что на предыдущей аудиенции его увещевали именем Бога, Господа нашего и т.д.; и его снова увещевали тем же способом, следуя которому он оправдывает себя как христианин-католик, и суд над ним должен быть проведен со всей краткостью и милосердием; в противном случае правосудие должно свершиться.

Ответил, что он обдумал это увещевание, но ему нечего добавить, и то, что он рассказал выше, было правдой, согласно данной им клятве. Когда это заявление было зачитано, он объявил, что оно правильно записано, и, призванный одуматься, был заключен под стражу.

Подписано им,

М. Анто. Adorno.
Дон Джозеф де Нобоа, *секретарь*.

ТРЕТЬЯ АУДИЕНЦИЯ.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны двенадцатого августа тысяча семьсот пятьдесят шестого года инквизиторы, лицензиат доктор Джозеф де Отеро-и-Коссио и доктор Мануэль де Гуэль-и-Серра, находясь на утренней аудиенции, приказали вывести упомянутого дона Антонио Адорно из тюрьмы; после того как это было сделано и заключенный присутствовал, он был

Спросили, помнит ли он что-нибудь, связанное с его делом, которое он был обязан разгласить под присягой.

Ответ: Нет.

Затем ему сообщили, что он был осведомлен о том, что его увещевали на предыдущей аудиенции, и т.д.

Ответил, что обдумал это увещевание, но больше сказать нечего.

Немедленно явился лицензиат дон Фаусто Антонио де Асторкиса-и-Уррета, фискал-инквизитор этой Святой Канцелярии, и представил подписанное им обвинение против упомянутого дона

Антонио Адорно, и это обвинение, как он официально поклялся, не было выдвинуто по злому умыслу. Отсюда следует обвинение.

ДОСТОПОЧТЕННЫЕ ГОСПОДА,

Я, инквизитор Фискал, предстаю перед вашими Превосходительствами и обвиняю в уголовном преступлении дона Антонио Адорно, уроженца города Генуи, двадцати семи лет от роду, солдата Астурийского полка, и на момент ареста находился в гарнизоне города Реус в этом княжестве, в настоящее время прикреплен к секретной тюрьме этой Святой Канцелярии, с наложенным арестом на его имущество, и присутствую здесь лично — за то, что этот человек, будучи крещеным и подтвержденным христианином, не испытывал страха Божьего или справедливости ваших Превосходительств на его глазах совершил тяжкие преступления против нашей Святой католической веры, исповедуя и практикуя различные некромантические искусства, с оскорблением святой жертвы мессы, ее священных церемоний и святого креста; также передавая свое злое искусство и инструменты другим для их практики, с подобным оскорблением святого креста и святой жертвы мессы. По этой причине я считаю, что его, по крайней мере, следует подозревать *де леви* в вере, и обвиняю его во всем, как в целом, так и в частности.

1. Указанное лицо в указанное время и в компании определенных названных лиц заявило, что оно было в состоянии, когда что-либо было украдено, обнаружить вора, и в доказательство этого утверждения заявило, что ранее оно делало это, записывая имена на бумагах некоторых лиц, у которых была украдена определенная сумма денег, и бросая бумаги в огонь, повторяя слова: *"Ego sum; factus est homo, consummatum est"*. Бумаги сгорели, за исключением той, на которой стояло имя вора. Никто, кроме указанного лица, не мог вынуть эту бумагу из огня, и деньги были найдены у указанного лица.

2. Кто-то возразил ему, что это не могло быть сделано без какого-либо соглашения с дьяволом, он ответил, что это настолько оправданный поступок, что он совершит его сразу после мессы или причастия, и поскольку было объявлено, что это дело должно быть передано инквизиции, он подтвердил, что сделает это в присутствии инквизиторов.

3. Кроме того, он утверждал, что мог бы достичь вышеуказанной цели, растерев пепел от бумаг о свою руку, на которой осталось бы отпечатанное имя вора; также, что ему известен другой метод, который он не объяснил. Я прошу, чтобы его спросили, что это за метод, где он ему научился и практиковал ли он эти два последних, произнося указанные выше слова.

4. Продолжая разговор с вышеупомянутым лицом, он сообщил ему, что у него есть определенные инструменты, которыми можно пользоваться различными способами, и фактически показал ему что-то сложенное, что он достал из кармана. И когда его спросили, откуда он почерпнул знания об этих искусствах, ответил, что он узнал о них из имевшейся у него магической книги, которая позволяла ему делать все, что ему заблагорассудится. Я прошу допросить его относительно этой магической книги, а также содержимого вышеупомянутого конверта.

5. Он сказал этому человеку, что тот может узнать из той же книги, как сделать себя невидимым, а также неуязвимым для удара мечом.

6. Когда этот человек спросил его, владеет ли он каким-либо искусством, связанным с игрой в бал, он ответил, что не тогда, а что придет к нему домой и откроет ему секрет, как завоевать расположение дам.

7. Соответственно, он отправился в этот дом и там передал указанному человеку полоску пергамента с такими словами: *"Ego + сумма. Exe + homo consummatum + est. Ego Juaginus Aprecor Domini Nostri Jesu Christi in vitam eternam seculi seculorum libera me de omnibus rebus de ignis cautus et omnia instrumenta hominum detenta me ach die ach nocte custode rege et gubernate me Amen."* Его сворачивали из кусочка свинца и кости и носили в форме креста рядом с кожей, рядом с сердцем, что делало владельца неуязвимым. Я прошу, чтобы этот пергамент был изучен, а заключенный допрошен относительно него.

8. Он также дал тому же человеку другую полоску пергамента, содержащую различные буквы и цифры, и наложил ее на его тело, чтобы обезопасить его от ран. Он велел ему натереть это место воском, который капал со свечей во время мессы, а после носить его рядом со своей кожей. Я прошу, чтобы это также было рассмотрено и заключенный был допрошен в связи с этим.

9. Кроме того, он передал тому же человеку четыре других исписанных пергамента, приказав ему носить один из них на мизинце левой руки под белым камнем, вставленным в кольцо. Когда этот камень становился красным, он мог играть в любую игру, кроме кубиков или *лас кильяс*, и быть уверенным в выигрыше; но если он становился черным, он не должен был играть. Далее он велел ему положить эти пергаменты в свой правый ботинок и окропить их святой водой, после чего носить их возле сердца. Я прошу, чтобы они также были рассмотрены, а заключенный допрошен по ним.

10. Тот же самый человек попросил показать вышеупомянутую магическую книгу, но он отказал ему, утверждая, что не может прочитать или понять ее, но что он, заключенный, изучил ее полностью. Я прошу провести дальнейшие исследования в отношении этой книги.

11. В другой раз, когда были украдены какие-то предметы, он обнаружил вора таким образом. Собрав всех подозреваемых лиц в темной комнате, он произнес речь и приказал каждому обмакнуть палец в чашку с водой, сообщив им, что от воды палец вора почернеет. Прежде чем это было сделано, он налил немного чернил в чашку. После этого окна были открыты с новой речью, и у каждого человека был найден почерневший палец, за исключением одного, который не подчинился указанию. Заключенный решил, что это вор. Без сомнения, вышеупомянутые разглагольствования соответствовали остальным его действиям, и я прошу, чтобы он был допрошен относительно них.

12. Кроме того, он распорядился, чтобы имена лиц, присутствовавших при вышеупомянутом событии, были написаны на бумаге и сожжены. Пепел, который он растер по своей руке, там, где он остался, отметил имя преступника, которое заключенный предварительно написал там определенным спиртным таким образом, что его нельзя было разглядеть.

13. На аудиенциях, которые были проведены в его честь, его призывали объявить правду и признаться в своих преступлениях, которых он не совершал, но пытался скрыть чудовищные поступки, недавно совершенные им, тем самым делая себя недостойным той милости, которую ваши Превосходительства оказывают тем, кто искренне признается, и заслуживающим наказания, соответствующего его великим преступлениям.

Поэтому я прошу и умоляю ваши Превосходительства принять признание указанного заключенного, насколько это в мою пользу, и не более, и считать полностью доказанным мое обвинение или ту его часть, которая может быть достаточной для вынесения приговора, приговаривающего заключенного как виновного в вышеуказанных преступлениях к самым суровым наказаниям, назначенным за это священными канонами, папскими буллами, общими законами и эдиктами этого королевства, для наказания его и устрашения и примера для других.

Кроме того, я прошу ваши превосходительства, чтобы без какого-либо умаления моих доказательств заключенный, при необходимости, мог быть подвергнут жестоким пыткам, которые будут продолжаться до тех пор, пока он не сознается во всех своих преступлениях и сообщниках.

Лиценциат,

Don Fausto Antonio de Astorquiza y Urreta.

Когда это обвинение было предъявлено и зачитано, упомянутый дон Антонио Адорно был официально приведен к присяге ответить на него и объявить правду; и когда то же самое было снова зачитано, статья за статьей, он ответил следующим образом.

Главе обвинения он ответил, что он тот самый дон Антонио Адорно, упомянутый в нем, и что, хотя он на самом деле выполнял то, в чем его обвиняют, все же он никогда не предполагал, что это противоречит нашей Святой католической вере, и не предполагал, что это некромантия или суеверие; что он никогда не практиковал ничего из неуважения к мессе, и не произносил священный язык с суеверной целью, и не передавал другим злых доктрин или инструментов для достижения этой цели; следовательно, его не следует подозревать в вере.

На первую статью он ответил, что это правда и что обстоятельства произошли в городе Валенсия, в доме человека, имени которого он не смог вспомнить, но только то, что он проживал на Калле дель Мар, недалеко от монастыря монахинь. Он сделал эти заявления для того, чтобы у компании сложилось о нем высокое мнение. На этом мероприятии присутствовали трое солдат и офицер, которые вместе с заключенным составляли патруль, писец и два альгуасила, которые также были прикреплены к патрулю в Валенсии. Об операции, которую он описал, он слышал в городе Инспрук в Германии. Однажды он практиковался в этом, когда у Матео Суареса, его сержанта, украли три доллара. Он написал имена нескольких человек на листках бумаги, а на обороте каждого - слова "*Ego sum: ex homo: consummatum est*". Их бросили в огонь, но эксперимент не увенчался успехом, так как все они сгорели. Он сделал это наедине и просто для удовлетворения своего любопытства, не считая это суеверием.

На вторую статью он ответил, что это правда, что он сделал утверждения, содержащиеся в ней, поскольку он не мог поверить, что действие, в котором использовались слова Христа, было злым.

На третий пункт он ответил, что это правда, что он произнес то, что в нем указано, и что упомянутые гадания были теми, в которых он признался на первой аудиенции, но что он не

использовал никаких молитв при этих действиях, хотя в вышеупомянутых случаях он дал присутствующим понять, что должны быть произнесены различные слова.

На четвертую статью он ответил, что описанный в ней разговор и действия действительно имели место; что это произошло в Валенсии с вышеупомянутым писцом. В бумаге, которую он достал из кармана, было несколько осколков кости и разорванная на куски пуля. Что касается того, что он утверждал относительно магической книги, то он сделал это, чтобы измерить степень доверчивости упомянутого переписчика, который с готовностью поверил всем его рассказам и предложил ему деньги за обучение вышеупомянутым искусствам. У него никогда не было такой магической книги.

На пятый пункт он ответил, что то, что в нем содержалось относительно защиты от удара мечом, было правдой, но что касается того, что в нем говорилось относительно его утверждения о том, что он стал невидимым, он ничего подобного не помнил.

На шестой пункт он ответил, что это правда.

На седьмой, восьмой, девятой и десятой статьи он ответил, что они соответствуют действительности. Пергаменты, описанные Фискалом и теперь выставленные на всеобщее обозрение, были им опознаны по тем же, которые он передал переписчику, с которым у него состоялся описанный разговор. Этого человека звали Хоакин. Ему так хотелось узнать о вещах, рассказанных заключенным, что он снабдил его для этой цели пергаментом. Все это было сделано заключенным, чтобы развлечь себя доверчивостью этого человека, и на пергаментах были написаны, среди прочих выражений, эти слова на немецком языке: *"ты пист айнор, ты тот самый клаупт"*; [17] то есть: *"ты дурак, что веришь этому"*, с помощью которой это было сказано. можно было бы легко понять, что его единственной целью было навязаться ему.

Было уже поздно, аудиенция закрылась, и, после того как заключенному зачитали вышесказанное, он объявил, что все записано правильно и соответствует действительности, согласно принесенной им клятве.

Подписано им,

М. Анто. Adorno.

Дон Джозеф де Нобoa, секретарь.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны тринадцатого августа тысяча семьсот пятьдесят шестого года инквизиторы, лицензиат дон Джозеф де Отеро-и-Коссио и дон Мануэль де Гуэль-и-Серра, находясь на утренней аудиенции, приказали вывести вышеупомянутого дона Антонио Адорно из тюрьмы; после этого ему было приказано продолжать отвечать на обвинение под присягой, которую он уже принес.

На одиннадцатый и двенадцатый пункты он ответил, что они соответствуют действительности и что обстоятельства происходили так, как он описал на первой аудиенции, но что его речи имели своей целью только вызвать удивление у слушателей, и что он не использовал ни молитв, ни священных слов.

На тринадцатый пункт он ответил, что признался во всем и что обещал полностью исправиться в своих безумствах, в которые его вовлекло невежество и желание раздобыть немного денег, чтобы облегчить свои страдания.

В заключение он ответил, что снова умолял Святую Канцелярию о милости за то, в чем он признался, и это было все, что он сделал, и что, хотя его подвергли пыткам, он больше ничего не мог сказать. Все вышесказанное было правдой в соответствии с приведенной им клятвой, и все, что было зачитано в этой аудитории, было объявлено тем, в чем он признался, и было им подписано.

М. Antonio Adorno.

Дон Джозеф де Нобoa, *секретарь*.

ПРИГОВОР.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны четырнадцатого августа тысяча семьсот пятьдесят шестого года инквизиторы, лицензиат дон Джозеф де Отеро—и-Коссио и дон Мануэль де Гуэль-и-Серра, находясь на утренней аудиенции и рассмотрев дело против дона Антонио Адорно в части обвинения и ответов на него, -

Единогласно постановил, чтобы этот человек подвергся суровому порицанию, увещеванию и предупреждению в зале Трибунала при закрытых дверях, и чтобы он был навсегда изгнан из испанских владений в назначенный срок, и чтобы ему сообщили, что если он не выполнит в точности каждый приказ, он будет сурово наказан и привлечен к делу со всей строгостью правосудия;—чтобы этот судебный процесс был приостановлен на время и приговор представлен Совету.

Дон Джозеф де Нобoa, *секретарь*.

В Совете, 4 сентября 1756 г.

Сеньоры, Барреда, Равасо и Эррерос.

Пусть правосудие свершится в соответствии с приведенным выше приговором.

ВЫПИСКИ

Из РЕЕСТРА ТЮРЕМ.

Март 1730 года.

№ 8. Хуан Паниссо. Тюрьма мучеников. Техническое обслуживание, два суэльдо и хлеб подрядчика.

Хуан Паниссо, уроженец и житель этого города, женатый мужчина, содержится под стражей в секретной тюрьме этой Святой Канцелярии с наложением ареста на его имущество за произнесение еретических речей. Что касается этого заключенного, то в январе прошлого года была передана информация о том, что в настоящее время ведется разбирательство по снятию показаний свидетелей против него с целью их публикации. Аудиенция с этой целью была проведена двадцать первого числа этого месяца, и заключенный ответил на обвинения полным отрицанием. В таком состоянии дело остается и в настоящее время.

Апрель 1730 года.

Заключенному предоставили публикацию показаний и разрешили посовещаться со своим адвокатом. Он составил возражения, и в таком состоянии дело остается.

Июнь 1730 года.

Защита заключенного была заслушана третьего числа этого месяца, а аудиенция для общения с его адвокатом состоялась восьмого числа, когда была представлена его окончательная защита. На девятом, приговор был вынесен при помощи простых, единогласно, что заключенный должен быть поставлен на регулярные пытки, перед исполнением которых, было принято решение, что дело должно быть передано Ваше Высочество, что и было сделано на десятом. Дело остается в таком состоянии в ожидании решения вашего Высочества.

Август 1730 года.

Первого июля мы получили приказ вашего Высочества подвергнуть заключенного пыткам *ad arbitrium*. Двенадцатого числа состоялась аудиенция, на которой был вынесен соответствующий приговор. Заключенному сообщили о том же и сделали ему замечание в обычной манере, но он упорствовал в своем отрицании. Затем он был подвергнут пыткам,^[18] но вытерпел все, ни в чем не признавшись. Пятнадцатого числа при содействии Ординарца его дело было окончательно рассмотрено единогласным приговором, согласно которому подсудимый выслушал зачитанный ему приговор в зале Трибунала при открытых дверях; он отрекся от престола *де леви*, получил суровое порицание и предупреждение, получил прощение *ead cautelam* был изгнан из этого города, Мадрида, и двора его Величества, на расстояние восьми лье, сроком на пять лет, первые три из которых проведет в королевском гарнизоне этого города. Этот приговор был передан вашему Высочеству в тот же день, и четырнадцатого августа был получен ответ, в котором ваше Высочество приказали привести подсудимого в зал Трибунала и там, при закрытых дверях, подвергнуть его суровому порицанию и предупреждению, чтобы он воздерживался от подобных правонарушений в будущем, и немедленно уволить. Это было исполнено в тот же день вместе с аудиенцией за то, что она обязала его хранить тайну и навела справки о тюрьме. Затем заключенный был отпущен.

Доктор Дон Мигель Визенте Себриан-и-Огюстен.

Март 1730 года.

Изабель Бокси, псевдоним Модроньо. Тюрьма штата Калифорния. Мария. Техническое обслуживание, два суэльдо и хлеб Подрядчика.

Изабель Бокси, она же Модроньо, вдова, уроженка Виласеки, епархия Таррагоны, в возрасте шестидесяти трех лет, заключена в секретную тюрьму этой Святой Канцелярии с конфискацией

ее имущества за колдовство и суеверия. Что касается этой заключенной, то в январе вашему высочеству сообщили, что свидетели дают свои показания против нее для публикации. Весь февраль и часть текущего месяца ничего не предпринималось ни в отношении этого, ни в отношении других случаев по этой причине; инквизитор, лицензиат Дон Бальтазар Вилларексо был нездоров большую часть этого месяца, и я был в таком же состоянии весь февраль. По той же причине за последний месяц не было передано ни одного отчета, и никаких разбирательств в связи с этим не проводилось. В настоящее время мы не сделали ничего, кроме как собрали аудиенцию для публикации показаний против вышеупомянутого заключенного, и продолжим рассмотрение этого дела после праздников.

Апрель 1730 года.

Публикация показаний была произведена восемнадцатого и двадцать четвертого числа этого месяца, в ходе которых подсудимая давала свои ответы на обвинения и отрицала их в целом. В таком состоянии дело остается и в настоящее время.

Май 1730 года.

Публикация была доведена до сведения заключенной, и она посоветовалась со своим адвокатом и составила план своей защиты. Приговор был вынесен, и то же самое относилось к вашему высочеству.

Июнь 1730 года.

Третьего числа этого месяца был получен приказ вашего Высочества в отношении заключенной, который подтвердил приговор, и восемнадцатого числа этого месяца в церкви Санта-Агеда было совершено *аутодафе*, при этом заключенная присутствовала в одежде для покаяния со знаками отличия за совершенные ею преступления. Ей был зачитан приговор, и она отреклась от *де леви*, после чего была отпущена *по каутеламу*.^[19] Девятнадцатого числа она подверглась бичеванию, а двадцатого, после порицания, увещеваний и угроз, ей сообщили, что она должна провести три года в заключении в Вике и быть изгнанной еще на семь лет из Таррагоны, Барселоны и Мадрида. В тот же день была проведена аудиенция для того, чтобы обязать ее соблюдать тайну и установить состояние ее связи с тюрьмой. На следующий день ее отправили в Вике, где сейчас она находится под опекой образованного человека, который должен наставлять ее в католической вере.

Доктор Дон Мигель Визенте Себриан-и-Огюстен.

Март 1730 года.

Номер 3

Ана Вила-и-Кампас. Тюрьма Ла-Крус. Техническое обслуживание, два суэльдо и хлеб Подрядчика.

Ана Вила-и-Кампас, уроженка и жительница этого города, тридцати пяти лет от роду, вдова, заключенная в тайную тюрьму этой Святой Канцелярии со своим имуществом, находящимся под арестом, за колдовство и суеверный обман. Что касается этой заключенной, то в январе вашему высочеству сообщили, что против нее собираются свидетельские показания. С тех пор аудиенция состоялась, и после праздников дело будет продолжено.

Апрель 1730 года.

Седьмого и двадцать первого числа этого месяца были проведены слушания для публикации, в каком состоянии дело находится в настоящее время.

Май 1730 года.

Заклученная связалась со своим адвокатом, ответила на предъявленные обвинения и была приговорена. Приговор был передан вашему Высочеству.

Июнь 1730 года.

Тринадцатого числа этого месяца был получен приказ вашего Высочества, подтверждающий приговор, вследствие чего в церкви Ста Агуэда, где присутствовала заключенная в одежде для покаяния с соответствующими знаками отличия за совершенные ею преступления, было совершено *аутодафе*. Ее приговор был зачитан, она отреклась от *де леви* и была отпущена *по каутеламу*. Девятнадцатого числа ее подвергли бичеванию, а двадцатого - порицанию, предостережению и суровым угрозам, после чего была назначена аудиенция за то, что она обязала ее хранить тайну и провела расследование относительно тюрьмы. Ночью того же дня ее перевезли в *каса-де-ла-Галера*, где она будет заключена на десять лет, по истечении которых она будет навсегда изгнана из этого города и Мадрида на расстояние восьми лье. В настоящее время она остается на попечении образованного человека, который будет наставлять ее в католической вере.

Февраль 1736 года.

Джозеф Фернандес заключен в секретную тюрьму этого трибунала за то, что писал и произносил различные ереси, богохульства и оскорбления против нашей Святой Веры.

Обездоленный.

Техническое обслуживание, два суэльдо и хлеб Подрядчика.

Тюрьма невинных.

Джозеф Фернандес, уроженец города Санта-Льина в епископстве Уржелъ, восемнадцати лет от роду, в прошлом аптекарь, а в последнее время солдат кавалерийского полка Калатравы, взят из королевской тюрьмы этого города Барселоны и доставлен в секретную тюрьму этого трибунала двадцатого числа февраля текущего месяца. Этот заключенный сделал спонтанное признание пятнадцатого января текущего года, заявив, что он заключил явный союз с дьяволом и даровал ему свою душу. Кроме того, он заявил, что неоднократно произносил различные нечестивые и еретические высказывания против Бога, а также против Христа и его Святой Матери. Это признание было подтверждено восемнадцатого и двадцать первого числа месяца; а двадцать восьмого, вследствие его признания, был вынесен приговор, согласно которому упомянутый Джозеф Фернандес должен быть осужден, увещеван и предостережен; что он должен отречься от *de vehementi*, быть отпущен *ad cautelam*, и передан на попечение Калификадора или образованного человека с целью обучения тайнам нашей Святой Веры, подтверждая свое предыдущее признание, приговор по которому было приказано передать вашему высочеству и передано в тот же день.

Восемнадцатого февраля был получен ответ вашего Высочества с подтверждением приговора, который не был приведен в исполнение вследствие того, что заключенный написал несколько писем инквизитору дону Бальтазару Вильярексо, в которых содержались оскорбительные, еретические и богохульные высказывания против нашей Святой католической религии, а также презрительные и дерзкие высказывания в адрес упомянутого инквизитора. По этой причине был издан приказ о его тюремном заключении, и упомянутый Джозеф Фернандес был двадцатого числа того же месяца доставлен из Королевской тюрьмы, где он тогда содержался. На двадцать второй и двадцать третий, аудиенция состоялась, в котором он признался, что письма были его, и что он написал их с целью освободиться от королевской тюрьмы и гарнизона, где он был заключен под стражу за дезертирство. Он назвал имена нескольких заключенных, перед которыми произносил еретические речи, и двадцать восьмого числа была срочно созвана комиссия для дачи ими показаний. Выяснение причины откладывается до тех пор, пока не будут завершены дачи показаний.

Апрель 1736 года.

Двадцать второго марта были получены показания нескольких свидетелей, и некоторые из них были утверждены *ad perpetuam rei memoriam*, поскольку указанные лица собирались отбыть в гарнизоны, к которым они были приговорены. Двенадцатого апреля состоялось собрание калификадоров, на котором был рассмотрен ход разбирательства. Тринадцатого числа был издан приказ о том, что заключенного следует вывести из промежуточной тюрьмы, которую он тогда занимал, и перевести в секретную тюрьму. Семнадцатого, девятнадцатого и двадцатого числа были проведены аудиенции, на которых он подтвердил то, что ранее заявлял на аудиториях двадцать второго и двадцать третьего февраля, а именно, что его признание в сговоре с дьяволом и отказе от своей души было полностью вымышленным, поскольку было сфабриковано им с целью освобождения из гарнизона Орана, где он был заключен. Далее он признался, что на самом деле произносил речи против нашей Святой Веры, но это также было сделано с указанной выше целью, а не с какой-либо верой в его собственные утверждения. Двадцать седьмого числа текущего месяца состоялась аудиенция, на которой заключенный назначил своим *куратором* доктора Джозефа Виньялса, который принял это доверие и получил разрешение им воспользоваться. В тот же день заключенный в присутствии своего *куратора* подтвердил свое признание, ничего не добавив и не убавив, и после того, как заключенному было сделано соответствующее предупреждение, обвинение против него было предъявлено.

Май 1736 года.

Заключенный ответил на обвинение двадцать седьмого и тридцатого апреля, признав обвинения правдивыми, повторив, как и прежде, что он произнес эти слова как средство освобождения из своего заключения в гарнизоне Орана и без каких-либо дурных намерений. Назначив вышеупомянутого доктора Джозефа Виньялса своим адвокатом, он совещался с заключенным по его делу второго числа текущего месяца. Адвокат заявил, что он готов к доказательствам и окончательному решению, после чего была назначена комиссия для утверждения показаний *in plenario*. Одиннадцатого числа были получены свидетельства о ратификации, а двадцать пятого и двадцать девятого числа были проведены аудиенции, на которых состоялась регулярная и официальная публикация свидетельства.

Сентябрь 1736 года.

Первого июня были опубликованы несколько писем, написанных заключенным разным лицам. Пятого числа ответы заключенного на предъявленные обвинения были утверждены доктором Джозефом Виньялсом, его *куратором*, и заключенный связался с адвокатом относительно своей защиты. Тридцатого числа защита была предложена адвокатом заключенного, и было предоставлено поручение провести запрошенное в нем расследование. Восемнадцатого июля, двадцать восьмого августа и первого сентября результаты этих расследований были получены в трибунале. Четвертого сентября была проведена аудиенция, и заключенному сообщили, что вопросы для его защиты улажены, на что он ответил, что ему больше нечего предложить, и готов к решению. Одно из выдвинутых против него обвинений заключалось в том, что он утверждал, что врачи констатировали у него психическое расстройство, и где-то в прошлом году тюремным врачам был отдан приказ обследовать его. Двадцать пятого сентября от двух врачей была получена бумага, в которой говорилось, что они обследовали его и что он не находился ни тогда, ни когда-либо ранее в состоянии психического отчуждения.

Декабрь 1736 года.

Одиннадцатого октября состоялась аудиенция, на которой присутствовал ординарий, и был вынесен приговор, что приговор заключенному будет зачитан перед ним в зале трибунала при открытых дверях; что он отречется от престола *де леви* и будет изгнан на восемь лье от этого города и Мадрида сроком на три года, первый из которых проведет в заключении в каком-нибудь гарнизоне, который будет выделен для этой цели; также что ему будет вынесен строгий выговор и предостережение, и он будет возвращен в заключение, из которого он был освобожден. схвачен, когда его доставили в тюрьму этого трибунала. Приказал также, чтобы перед приведением в исполнение вышеупомянутого приговора он был передан вашему Высочеству, что и было сделано тринадцатого октября. В настоящее время дело находится в ожидании ответа.

Январь 1737 года.

Одиннадцатого числа этого месяца был получен ответ вашего Высочества с приказом относительно заключенного, во исполнение которого ему был зачитан приговор в зале трибунала, и он отрекся *от де леви*, был освобожден от ответственности *ad cautelam*, получил выговор, порицание и предупреждение, после чего был приговорен к десятилетнему изгнанию из этого города и Суда на протяжении восьми лье, причем первые пять лет его изгнания должны были пройти в заключении в гарнизоне Орана. В тот же день была назначена аудиенция, чтобы обязать заключенного хранить тайну и навести справки о тюрьме; после чего он был отправлен в Королевскую тюрьму этого города.

Секретная тюрьма инквизиции Барселоны, тридцать первое января 1737 года.

Дон Франсиско Антонио де Монтойер.

Январь 1737 года.

Мигель Антонио Дандана, он же Мигель Антонио Малети, в секретной тюрьме этого трибунала за еретические речи.

Тюрьма Святого Варфоломея.

Обездоленный.

Техническое обслуживание, два суэльдо и хлеб Подрядчика.

Мигель Антонио Дандана, он же Малети, уроженец города Кони в Пьемонте, двадцати четырех лет от роду, солдат полка Королевских драгун, заключенный в секретную тюрьму этого трибунала шестого декабря прошлого года за еретические речи. Десятого, четырнадцатого и семнадцатого числа того же месяца были проведены обычные аудиенции, на которых подсудимый ни в чем не признался по существу дела. В последний день он назначил своим адвокатом доктора Мануэля Бонвехи, который принял это доверие, и признания заключенного были подтверждены. Затем было предъявлено обвинение по нескольким статьям, на которые подсудимый ответил шестнадцатого и девятнадцатого числа того же месяца, заявив, что некоторые из них были ложными, а некоторые правдивыми; но что он произнес эти слова просто в шутку. Двадцатого числа была назначена аудиенция, на которой подсудимый посоветовался со своим адвокатом относительно своей защиты и утвердил ответы, сделанные на статьи обвинения, завершив изложение доказательств. В тот же день другим инквизициям были разосланы письма с просьбой проверить их записи, чтобы узнать, велось ли какое-либо судебное разбирательство против этого человека. Одиннадцатого числа текущего месяца была назначена комиссия для утверждения показаний для решающего судебного разбирательства.

Март 1737 года.

Шестнадцатого числа этого месяца в суде были получены подтверждения показаний, поскольку рассмотрение дела было отложено из-за большого разнообразия помещений, занимаемых королевским драгунским полком.

Май 1737 года.

Восьмого, девятого и десятого апреля показания были опубликованы, и их копия была передана заключенному, чтобы он мог организовать свою защиту с помощью своего адвоката. Одиннадцатого числа была проведена аудиенция, на которой он посоветовался со своим адвокатом доктором Мануэлем Бонвехи, а второго мая была проведена аудиенция, на которой заслушали его защиту. Девятого числа того же месяца за заказом и документами, относящимися к делу, были отправлены запросы.

Июнь 1737 года.

Документы не были получены в этом месяце из-за трудностей с поиском необходимых лиц, но ожидается, что дело будет завершено в ближайшее время.

Июль 1737 года.

Шестого числа этого месяца бумаги были получены, а восьмого числа заключенный связался со своим адвокатом. Семнадцатого числа показания против него были засвидетельствованы *на пленарном заседании*, и его осуждение было подтверждено. Двадцать девятого числа были рассмотрены материалы судебного процесса, и, поскольку преподобный отец М.О. Мариано Англаселл присутствовал в качестве обычного судьи епископства Сольсона, было единогласно

постановлено подвергнуть заключенного обычным пыткам; приговор было приказано предварительно представить вашему Высочеству.

Сентябрь 1737 года.

Тридцатого августа ваше Высочество утвердили вышеупомянутый приговор и распорядились применить пытки *ad arbitrium* с целью добиться признания в действиях и намерениях заключенного. Документы, относящиеся к судебному разбирательству, которые были направлены, были получены обратно седьмого числа текущего месяца. Поскольку заключенный находился под присмотром врача по состоянию здоровья, пытка не могла быть применена до двадцатого числа, когда врач удостоверил, что он был в состоянии выдержать это, была назначена аудиенция, и обвинения против заключенного повторились, на что он ответил, что ему нечего ответить сверх того, что уже было сказано. Затем ему сообщили о вынесенном ему приговоре и отправили в комнату пыток, где он признался, что произносил многие из вменяемых ему утверждений, но это было сделано ради забавы и временами, когда его товарищи опьяняли его, и он не осознавал, что говорит, в глубине души веря в обратное тому, что он произнес.

Двадцать пятого числа была проведена аудиенция, на которой он подтвердил без изменений то, в чем он признался под пытками, добавив, что он делал другие утверждения аналогичного характера, все по вышеуказанным мотивам и без каких-либо внутренних убеждений, противоречащих заповедям Святой Матери Католической Церкви. Таким образом заключенный пытался смягчить свои еретические речи. Двадцать седьмого числа его признания были рассмотрены, они были засвидетельствованы, и ранее вынесенное ему порицание подтвердилось, в результате чего было объявлено, что он сильно подозревается в вере. Двадцать восьмого числа в присутствии отца П. Мро. отца Мариано Англаселла в качестве рядового было вынесено окончательное решение, и заключенный был единогласно приговорен к приведению в зал трибунала и там, при открытых дверях перед Тайными Служителями, и со знаками отличия за совершенные им преступления, выслушать зачитанный приговор, отречься от престола *de vehementi*, получить отпущение грехов *ad cautelam*, подвергнуться суровому порицанию, увещанию и предостережению, а затем быть изгнанным из этого города, Мадрида, двор Его Величества и города Гизона и Таррагона, на расстояние восьми лье, сроком на восемь лет; первые пять из них провести в заключении в каком-нибудь гарнизоне в Африке, который будет выделен для этой цели, и чтобы он был предварительно вверен попечению какого-нибудь образованного человека для получения наставлений в вере.

Ноябрь 1737 года.

Шестнадцатого октября вашему Высочеству было угодно приказать, чтобы заключенный присутствовал на *аутодафе*, если таковое произойдет в ближайшее время, в противном случае его должны были бы отвести в какую-нибудь церковь под видом кающегося грешника и там зачитать приговор, отречься от престола *де леви*, подвергнуть суровому порицанию, увещанию и предостережению и пожизненно изгнать из Испании после пяти лет заключения в гарнизоне Орана, где его следует передать под опеку какого-нибудь образованного человека для получения наставлений в тайнах нашей церкви. Святая Вера. Третьего ноября приговор был приведен в исполнение в церкви Ста Агуэда. В тот же день он поклялся хранить тайну и был отправлен в Королевскую тюрьму этого города, откуда его должны были перевезти в его

заточение в Ороне. Отцу Пабло де Колиндусу в это место было отправлено письмо, в котором ему поручались наставления заключенного.

Инквизиция Барселоны, 28 ноября 1737 года.

Дон Франсиско Антонио де Монтойя-и-Сарате.

Июль 1739 года.

Хуан Баутиста Сегонди, заключенный в тюрьму за преступление, связанное с поиском сокровищ. Тюрьма Сан-Франциско Ксавье.

Техническое обслуживание, два суэльдо и хлеб Подрядчика.

Хуан Баутиста Сегонди, уроженец города Перпиньян во Франции и житель этого города, сорока двух лет от роду, женатый мужчина и по профессии часовщик, заключен в секретную тюрьму этого трибунала с конфискацией его имущества четырнадцатого июля за суеверные и некромантические обряды. Ему выделили два суэльдо и хлеб Подрядчика за счет Казны, поскольку мало что из имущества заключенного было сохранено. Пятнадцатого числа состоялась первая аудиенция, на которой он признался, что использовал ореховую палочку с целью изучения состояния воды, металлов и рудников, унаследовав способность практиковать это искусство от того, что был седьмым сыном без вмешательства женщины и родился в мае месяце. Он заявил, что слышал, как его отец заявлял, что такие люди могут совершить вышеупомянутые открытия, держа в руках ореховую палочку. Двадцатого и двадцать четвертого числа были проведены аудиенции, на которых он больше ни в чем не признался. Затем против него было предъявлено обвинение, несколько уточнений которого он признал правдивыми. Двадцать четвертого числа ему вручили копию обвинительного заключения и назначили его адвокатом, доктором Джозефом Вилой. Двадцать седьмого числа была назначена аудиенция, на которой он пообщался со своим адвокатом относительно своей защиты, и дело было передано для доказательства в ходе полноценного судебного разбирательства. Было предоставлено поручение для утверждения свидетельских показаний.

Август 1739 года.

После утверждения показаний они были опубликованы девятнадцатого числа этого месяца, и тогда же, двадцать первого числа, заключенный ответил на них, признав истинность обвинений, и поскольку против него было выдвинуто дополнительное обвинение того же рода, оно также было опубликовано. Двадцать шестого числа состоялась аудиенция, на которой показания и ответы заключенного были зачитаны его адвокату, доктору Джозефу Виле, и были приняты меры для защиты.

Сентябрь 1739 года.

Девятого числа этого месяца была предложена защита, а двенадцатого дело рассматривалось отцом мистером Мариано Англаселлом в качестве обычного судьи, и заключенному был вынесен приговор; который заключался в том, чтобы его привели в зал Трибунала и там, при открытых дверях, зачитать его приговор, сделать отречение *де леви*, подвергнуть суровому порицанию, предостережению и информированию о том, что если он совершит малейшее деяние, подобное совершенным им ранее преступлениям, он понесет наказание в виде двести

ударов плетью. Было также приказано, чтобы приговор перед приведением в исполнение был представлен вашему высочеству.

Октябрь 1739 года.

Подтверждение приговора было получено девятого числа этого месяца, оно было приведено в исполнение тринадцатого, и в этот день была проведена аудиенция для принесения присяги о соблюдении секретности в отношении тюрем.

Инквизиция Барселоны, 31 октября 1739 года.

Дон Франсиско Антонио де Монтойя-и-Сарате.

Июль 1731 года

Джозеф Оливер. Тюрьма Ла-Крус.

Обездоленный.

Техническое обслуживание, два суэльдо и хлеб Подрядчика.

Джозеф Оливер, уроженец этого города, двадцати семи лет от роду, женатый мужчина, по роду занятий - земледелец. Против этого человека было возбуждено судебное разбирательство, и, поскольку его действия были подтверждены, одиннадцатого числа этого месяца ему было приказано заключить его в тюрьму с конфискацией его имущества за совершение суеверных и магических исцелений. Пятнадцатого числа этого месяца он был заключен в тайную тюрьму этой Святой Канцелярии; а семнадцатого, восемнадцатого и девятнадцатого числа были проведены аудиенции, на последней из которых было предъявлено обвинение против него. На вышеупомянутых аудиенциях и в своих ответах на обвинение он признался в большинстве своих преступлений. Двадцатого и двадцать первого числа он связался со своим адвокатом, и дело было принято для доказывания в ходе полноценного судебного разбирательства. Обычные приготовления завершены, показания утверждены, гранки готовятся к публикации, и в таком состоянии дело остается.

Август 1731 года.

Восемнадцатого и двадцать первого числа этого месяца были проведены аудиенции для публикации, а двадцать седьмого числа состоялась аудиенция для общения со своим адвокатом, на которой заключенный ответил на предъявленные обвинения. По совету своего адвоката заключенный завершил свою защиту, ничего не утверждая в свое оправдание. В таком состоянии дело остается.

Сентябрь 1731 года.

Шестого числа этого месяца суд был вынесен в Обычном порядке, и заключенный был единогласно приговорен присутствовать на *аутодафе*, если таковое состоится в ближайшее время, в противном случае в какой-нибудь церкви, в покаянном виде, со знаками отличия за свои преступления; и там выслушать зачитанный приговор, отречься от престола *де леви*,

подвергнуться суровому порицанию, увещеванию и предостережению и быть изгнанным на восемь лиг от этого города, Мадрида, и Двора Его Величества, сроком на десять лет, сначала проведя три года в гарнизоне. из этого города Барселоны. Было также приказано, чтобы перед приведением приговора в исполнение он был представлен вашему высочеству.

Октябрь 1731 года.

Первого числа этого месяца был получен ответ вашего Высочества, предписывающий, чтобы заключенный выслушал свое осуждение и отбыл первую часть наказания в зале трибунала, а затем был сослан, как указано выше, сроком на пять лет. Этот приказ был выполнен пятого числа, когда заключенный поклялся хранить тайну, касающуюся тюрем, и немедленно отправлен.

Доктор Дон Мигель Визенте Себриан-и-Огюстен.

Декабрь 1732 года.

Блас Рамирес, уроженец деревни Пайя в Ла-Уэрте, епископство Мурсия, солдат таррагонского драгунского полка, в возрасте тридцати двух лет. Отправлен заключенным в эту Святую Канцелярию доктором Хасинто Кристофолем, викарием города Ла Сельва архиепископства Таррагона и комиссаром Святой канцелярии. Заключенного сопровождало письмо из этого комиссариата, датированное восьмым ноября, и еще одно от того же числа было получено от доктора Джозефа Солано, капеллана вышеупомянутого полка. В обоих из них говорилось, что упомянутый Блас Рамирес заключил союз с дьяволом, согласно его собственному спонтанному признанию. Вышеупомянутый доктор Джозеф Солано сообщил о случившемся архиепископу Таррагоны, и тот поручил ему передать ту же информацию комиссару доктору Хасинто Кристофолу, который задержал упомянутого Бласа Рамиреса и отправил его под охраной в эту Святую Канцелярию. Тринадцатого ноября Луис Пусоль, Фамильяр, передал его на попечение Алькайде тайных тюрем, и в тот же день инквизитор Фискал обратился с просьбой о том, чтобы его содержали в *карселес комунес* до тех пор, пока не будет рассмотрено письмо вышеупомянутого доктора Джозефа Солано и не будут объяснены причины передачи его в руки Комиссара как преступника против веры, а также для выяснения, существуют ли другие доказательства против него, помимо его признания. Шестнадцатого числа доктору Мариано Морлоусу, комиссару Святой канцелярии в городе Таррагона, было поручено провести расследование в отношении этой головы, поскольку вышеупомянутый полк был расквартирован в этом городе и окрестностях. Двадцатого числа комиссия была возвращена с информацией о том, что вышеупомянутый доктор Джозеф Солано уехал из этого места в Логроньо, чтобы оставаться там до Великого поста.

Тем временем заключенный попросил аудиенции, которая была предоставлена девятнадцатого ноября, и он сделал следующее заявление. В юности он жил у викария своей деревни и выполнял обязанности повара, подметал дом и выполнял другую работу, которую обычно выполняют женщины, из-за чего некоторые люди называли его гермафродитом, что, однако, было неправдой. После смерти своего хозяина он сильно страдал от нищеты и унижения из-за насмешек, которые это навлекло на него. Он присоединился к религиозным орденам святого Франциска и Святого Доминика, но был исключен из обоих, когда стало известно, что он гермафродит. Оказавшись подавленным досадой и нищетой, он, наконец, призвал дьявола

помочь ему в его несчастьях, предложив ему свою душу, если он изменит свою внешность на женскую, чтобы зарабатывать на жизнь проституцией. Соответственно, дьявол являлся ему несколько раз, сначала в человеческом облике, а затем в облике чудовищного животного. Он потребовал свидетельство о владении его душой, которое тот не пожелал предоставить, но предложил дать ему слово сдать через семь лет, если дьявол выполнит его условия. Впоследствии он раскаялся в своих незаконных поступках и искал лекарство для своей души, следуя указаниям настоятеля города Ла Сельва, комиссара Святой канцелярии, и капеллана своего полка доктора Джозефа Солано, которые, в результате его признаний, передали его в качестве заключенного в эту Святую Канцелярию. Был сделан запрос о том, чтобы в инквизицию Наварры были отправлены письма с требованием провести обследование упомянутого доктора Джозефа Солано.

Апрель 1733 года.

В Трибунал инквизиции Логроньо были направлены письма с просьбой провести обследование доктора Джозефа Солано, который проживал в этом районе. Двадцатого ноября было получено письмо от доктора Мариано Морланса, комиссара Святой канцелярии в городе Таррега, епископство Солсона, в котором говорилось, что священник этого города готов выдать заключенного, исходя из того, что он слышал о полковнике его полка, уважающем его договор с дьяволом. Двадцать второго числа того же месяца было запрошено поручение вышеупомянутому доктору Мариано Морлансу допросить упомянутого священника и вызвать упомянутого полковника в качестве свидетеля против заключенного. Одиннадцатого декабря следующего года упомянутый комиссар Морланс передал информацию против заключенного, полученную от тринадцати свидетелей, большинство из которых заявили, что они положительно знали, что заключенная была женщиной, и один из них заявил, что он спросил заключенную, как она могла, будучи женщиной, обзавестись такой густой бородой. Она ответила, что сделала это с помощью мази; что в юности ее соблазнили и бросили; что впоследствии она переделалась мужчиной и стала солдатом.

Другой свидетель показал, что заключенная сообщила ему, что когда-то была мальчиком и вынашивала желание стать женщиной из-за своей привязанности к молодому человеку. Что дьявол явился ей в образе красивого юноши и потребовал того, чего она хотела; на что она ответила, что желает иметь облик женщины. Дьявол даровал ей это, и они заключили соглашение, в силу которого она должна была быть попеременно мужчиной и женщиной, меняя пол каждые семь лет; это изменение она производила с помощью определенной травы.

Семнадцатого декабря инквизитор Фискал потребовал, чтобы действия и заявления заключенного были засвидетельствованы, и, поскольку это было сделано в хунте из четырех калификадоров, те же самые люди единогласно представили заключенного как волшебника, колдунью, заключившую явный договор с дьяволом.

Поскольку указанная выше информация была получена отдельно от заявления самого заключенного, на аудиенции, о которой он просил, инквизитор Фискал ходатайствовал о том, чтобы его не судили как *Эспонтанео*,^[20] из-за того, что он скрыл в своем признании, что он может быть переведен в секретную тюрьму и немедленно начат судебный процесс над ним. Восемнадцатого числа того же месяца был издан приказ о заключении его в секретную тюрьму и начале судебного процесса. Были проведены три аудиенции, на которых он не признался ни в чем сверх того, что заявил в своей первой исповеди тринадцатого ноября. Двадцать первого

января было предъявлено обвинение, и в тот же день состоялась аудиенция, на которой заключенный ответил на предъявленные обвинения. В два следующих дня были засвидетельствованы действия, о которых он умолчал в своем признании, и заключенный заявил, что, хотя в сделке, которую он заключил с дьяволом, он предложил отдать ему свою душу, все же он не оказал ему никакого поклонения и не отрекся от нашей Святой Веры, несмотря на то, что внутренне согласился на передачу своей души и, следовательно, отошел от нашей Святой Веры и Бога, Господа нашего.

Подсудимому была предоставлена копия обвинительного заключения, и двадцать четвертого числа он посовещался со своим адвокатом, отложив защиту до опубликования показаний. Затем дело было принято к доказыванию, и из-за свидетелей, проживающих на большом расстоянии и в разных местах, утверждение показаний было отложено на некоторое время. Когда дело было окончательно завершено, публикация показаний была произведена тринадцатого и четырнадцатого апреля. На аудиенциях, которые состоялись в те дни, заключенный не заявил ничего, что имело бы значение. Аудиенция для общения с его адвокатом состоялась шестнадцатого числа, а аудиенция для защиты состоится как можно скорее.

* * * * *

[Здесь в рукописи возникает пробел.]

Июль 1740 года.

Хуан Гинеста, заключенный в секретную тюрьму.

Тюрьма мучеников.

Техническое обслуживание, два суэльдо и хлеб Подрядчика.

Хуан Гинеста, уроженец этого города, двадцати пяти лет от роду, был заключен в секретную тюрьму шестого июня с конфискацией имущества за совершение магических исцелений и обманных трюков, а также произнесение речей против нашей Святой Веры. Первая аудиенция состоялась восьмого числа, когда он признался, что научил человека совершать исцеления с помощью применения определенных средств и произнесения молитвы; а также что он сам практиковал те же искусства. Девятого числа была проведена еще одна аудиенция, на которой он признался в других действиях того же характера и в том, что произнес много речей в качестве шуток и развлечения. Пятнадцатого числа состоялась третья аудиенция, на которой он заявил, что после того, как его несколько раз спросили, был ли он в инквизиции, он ответил "Да". Обвинение против него было предъявлено восемнадцатого, и в это время, а также двадцать первого и двадцать пятого числа заключенный ответил на предъявленные обвинения, признавшись в применении вменяемых ему методов лечения и способе их применения, отрицая при этом некоторые части обвинения. Двадцать пятого числа ему было приказано предоставить копию обвинения с целью подготовки его защиты в течение трех дней. Он назначил своим адвокатом доктора Мануэля Бонвехи. Двадцать седьмого числа была назначена аудиенция, на которой заключенный общался со своим адвокатом относительно своей защиты. Инквизитор Фискал потребовал подтверждения показаний, и дело было допущено к доказыванию в ходе

полноценного судебного разбирательства. Затем показания были утверждены и опубликованы тринадцатого, пятнадцатого и девятнадцатого июля. Двадцать третьего числа состоялась аудиенция, на которой подсудимый совещался со своим адвокатом. Ему зачитали опубликованные показания и снабдили необходимыми бумагами для подготовки защиты. Двадцать девятнадцатого была назначена аудиенция, на которой адвокат подсудимого представил защиту и потребовал расследования; с этой целью в тот же день было предоставлено поручение.

Сентябрь 1740 года.

Результаты расследования были представлены третьего августа, а восьмого числа были доведены до сведения адвоката заключенного, когда защита завершила выступление. Одиннадцатого числа перед Ординарным судьей, Преподобнейшим отцом, М.о. Мариано Англазелем Мерценарио, был вынесен приговор о том, что подсудимый должен быть доставлен в зал трибунала и там, при закрытых дверях, в присутствии Тайных министров, выслушать зачитанный ему приговор, быть осужденным, увещеван и предупрежден, а затем изгнан на восемь лет от этого города, Мадрида, и Двора Его Величества, сроком на два года; этот приговор был представлен вашему Высочеству тринадцатого числа того же месяца, а десятого сентября был получен ответ был получен приказ привести в исполнение первую часть приговора, как указано выше, а заключенного сослать на один год. Это было приведено в исполнение одиннадцатого сентября, и аудиенция потребовала обязать заключенного соблюдать тайну и принять обычные меры предосторожности, касающиеся тюрьмы; после чего Алькайду был отправлен приказ освободить его из заключения.

Инквизиция Барселоны, 27 сентября 1740 года.

Дон Франсиско Антонио де Монтойя-и-Сарате.

РАЗНЫЕ ДОКУМЕНТЫ.

Огюстен Тамарит, врач из города Салас, был заключен в тюрьму инквизицией третьего июля 1757 года и предстал перед судом за еретические речи. Ниже приведены некоторые статьи обвинения с оговорками относительно вменяемых утверждений; то есть их характер и тенденция, официально объявленные сотрудниками инквизиции.

В Королевском дворце инквизиции Барселоны, двадцать седьмого марта тысяча семьсот пятьдесят шестого года, на утренней аудиенции инквизиторы лицензиат дон Джозеф Отеро—и-Коссио, лицензиат доктор Мануэль де Гуэль-и-Серра в качестве Калификадоров и отец Мариано Альберих, иезуит, брат Августин Вольтас, доминиканец, брат Рафаэль Талавера, Миним, и брат Буэнавентура де Лануза, обсерванте, все члены этой Святой Канцелярии, прочитав статью за статьей следующие предложения, квалифицировав их следующим образом.

Некий человек, уроженец этих королевств, утверждал,

Что мавры были богаты, преуспевали и наслаждались обильными дождями, прямо противоположными нам, христианам, и в заключение сказали: "Что нам остается, кроме как присоединиться к маврам?" В другом случае он утверждал, что лучше быть плохим, чем хорошим, поскольку хорошие люди, как правило, бедны, а плохие - богаты.

Первая часть этого предложения скандальна, отдает молинизмом и вероотступничеством. Последняя еретична.

Говоря о епископах, он сказал в ответ на вопрос: "Какой властью они обладают рукополагать священников?"

Это утверждение оскорбляет епископское достоинство, и по тому, как оно выражено, делается вывод, что оно фактически еретическое.

Что монахи и духовенство пожирают народ и что королю следовало бы взять их к себе на службу, тогда у него было бы достаточно солдат.

Это скандально и оскорбительно для церковного и светского государства.

Говорили, что фигуры Святых творят чудеса, и если это действительно так, пусть одного из них бросят в реку, чтобы посмотреть, сможет ли он спастись.

Богохульно и практически еретично.

Что человеку очень жаль, что он вынужден рассказывать другому, имея в виду Исповедника, обо всем, что он сделал, и что было бы лучше говорить в пустоту и заткнуть это, ибо 'какая польза от исповеди?' Что он ходил на исповедь всего раз в год, означая, что, если бы не принуждение, он бы вообще не ходил.

Это еретично, поскольку является пренебрежением к Божественному институту сакраментальной исповеди.

Говоря о мольбах, которые возносятся о дожде, он спросил: "Какой смысл бегать за этими Святыми и какой силой они обладают, чтобы вызвать дождь? Какой смысл нести в процессии эти изображения?" - имея в виду несколько, и среди прочих Нуэстра-Сеньора-дель-Колль, "поскольку это не что иное, как куски дерева или камня".

Еретическое богохульство.

Говоря о Быке Санта-Круседы, он заявил, что если бы он был сувереном, то повесил бы каждого, кто получил Быка.

Это оскорбительно для людей разумных.

Говоря о часовнях и скитах в деревне, где он жил, он спросил: "Что там делают эти изображения?", имея в виду: "Почему люди не уничтожают их?"

Еретическое богохульство.

Другие говорили ему: "Пойдем на мессу", он отвечал вопросом: "Что они могли бы получить, слушая мессу?" - нарушая таким образом благочестие слушателей и презирая это святое действо.

Рассматриваемое в связи с другими утверждениями, это возмутительно и разумно.

Говоря об Индульгенциях, он сказал с некоторым презрением, что он должен ценить шесть закусок больше, чем все Индульгенции вместе взятые, и что они ни на что не годны.

Скандалный и еретический.

Говоря о чудесах, он сказал, что со времен Христа и до наших дней не было чудес, что он хорошо это знает, поскольку общался с ученым человеком. В другой раз, рассуждая на ту же тему, он сказал, что Бог никогда не совершал чуда, и он знал это, осеняя в то же время свой лоб крестным знамением.

Еретик.

Говоря о десятине, он утверждал, что, если бы не принуждение, он бы не платил десятину и что для людей было бы лучше самим наслаждаться плодами своих трудов, а не церковниками.

Оскорбительно и скандално.

Говоря о похоронах и мольбах за усопших, он утверждал, что, когда умрет, то с такой же охотой будет похоронен в общем месте, как и в освященной земле, и что, если бы не принуждение, он не отслужил бы мессу за упокой его души.

Sapit hæresin.

Он с неуважением отзывался о Святой инквизиции и сказал, что инквизиция не исправляет никого, кроме безумцев и дураков, заставляя их заявлять именно то, что им требуется, а затем наказывая их.

Скандално и оскорбительно для Святого Трибунала.

Когда колокола зазвонили по усопшему, кто-то сказал ему: "Давайте отслужим молебен по усопшим", на что он презрительно ответил: 'К чему все эти молитвы за усопших?' Другой человек, отвечая, что это были мольбы за его душу, находящуюся в Чистилище, поскольку души, которые не попадают в рай или ад, содержатся в Чистилище, насмешливо ответил на этот счет: "Кто когда-либо был на Небесах, в Аду или Чистилище, чтобы сказать нам, что происходит с душами умерших?" добавив, что скорее, чем умереть, он превратится в лошадь, муравья или любое другое животное, потому что мертвецы никогда не возвращаются, и что после смерти он с такой же охотой был бы похоронен в мусоре, как и в могиле. освященная земля.

Еретик.

Говоря о мольбах о дожде, он сказал, что они ни на что не годны и что бессмысленно тратить деньги на эту цель, потому что независимо от того, будут ли произнесены мольбы или нет, будет дождь и светить точно так же, как это происходит в других частях света; что дождь зависит от облаков, и Бога это не волнует, добавив: "Поищите, в какой части мира существует Бог, чтобы вызвать дождь"; и кто-то, отвечая ему, повторил, что они должны выбросить из головы эту ошибку о мольбах о дожде, поскольку это бесполезно.

Скандалный и еретический.

Что святой Фома совершал ошибки, как и все остальные, и что бесполезно ссылаться на авторитет Святых Отцов, ибо они не соответствовали цели.

Скандально и оскорбительно для Святых отцов.

Что мы не могли быть уверены, что мольбы вызывали дождь или излечивали болезни, и что было бы суеверием верить в это так, как верили простые люди.

Еретик.

Человек, произнесший вышеуказанные высказывания, единогласно объявляется скандальным, самонадеянным и оскорбительным богохульником Святых, Святых Отцов, Папы Римского и Церковного государства и подлежит подозрению *de vehementi*.

Мариано Альберих.

Отец Рафаэль Талавера.

Отец Огюстен Вольтас.

Ф. Буэнавентина де Лануза.

Хуан Антонио Альмонасид, *заместитель*.

[Доктору Тамариту, однако, посчастливилось избежать епитимьи, обычных выговоров и угроз в случае повторения своих правонарушений и тюремного заключения сроком около трех месяцев.]

В городе Кардона, в епископстве Цельсона, тридцатого мая тысяча шестьсот сорок восьмого года, во второй половине дня, добровольно предстала перед достопочтенным Джозефом Риерой, пресвитером и комиссаром Святой Канцелярии инквизиции, и доктором Пабло Серрой, пресвитером-настоятелем упомянутого города Кардона и нотариусом, приведенная к присяге, женщина, называющая себя Виторией Сала, женой эрментера Сала, которая пришла, как она заявила, сообщить информацию о чем-то, имеющем отношение к Святой Канцелярии.

Спросили, что она хотела заявить.

Ответила, что около года назад, когда она исповедовалась в церкви Сан-Диего вышеупомянутого города Кардона отцу о. Феликс Колл, постоянный священнослужитель Святого Франциско, а в то время насельник монастыря Сан-Диего, во многих случаях во время исповеди или сразу после нее, а также находясь в исповедальне, он говорил ей, что погубит ее, и много раз практиковался в прикосновениях к ее лицу, бедрам и спине. Однажды он попытался пощупать ее грудь, но она помешала ему. В других случаях он прикасался к ней и сжимал ее руками, а в одном случае попытался поцеловать, чего она избежала, отвернув голову. Он сказал ей, что она не должна открывать эти вещи никакому другому исповеднику, поскольку он вел себя так не с какими-либо дурными намерениями, а с целью развеять ее угрызения совести, и что это было бы для ее же блага.

Обвиняемый был проинформирован о том, что фискал-покровитель Святой Канцелярии представил ее в качестве свидетеля по делу, возбужденному под его руководством против упомянутого отца о. Феликс. Ей было приказано внимательно слушать, пока ее показания зачитывались слово в слово, и она заявила, что все это правда, и что ей нечего добавить, убавить или изменить в отношении этого, поскольку это была правда, и при необходимости она была готова повторить это снова против упомянутого отца О. Феликс Колл; что она сделала это заявление не по злему умыслу или недоброжелательству, а исключительно для того, чтобы успокоить свою совесть. Поскольку упомянутая Витория не умеет писать, я, упомянутый Комиссар, подписываюсь ее именем.

Джозеф Риера, комиссар-пресвитер.

Передо мной—

Пабло Серра, пресвитер, настоятель Кардоны,
присяжный нотариус.

В городе Кардона, в епископстве Цельсона, четвертого августа тысяча шестьсот девятьсот восьмого года перед преподобным Джозефом Риерой, комиссаром Святой канцелярии инквизиции, по вызову Селадонио Сиехаса, присяжного нунция Святой Канцелярии, предстала женщина, называющая себя Виторией Салас, жительница города Кардона, в епископстве Цельсона, в возрасте, как она заявила, тридцати пяти лет, более или менее . Она официально поклялась говорить правду и сохранять тайну.

Спросили, знает ли она, зачем ее вызвали.

Ответила, что она предположила, что это произошло из-за следующего заявления, которое она сделала инквизиции. Она исповедовалась в часовне Сан-Луиса, или церкви монастыря Сан-Диего, в городе Кардона, отцу О. Феликс Колль, из ордена Святого Франциска, проживавший в то время в упомянутом монастыре, и во время исповеди или сразу после, находясь в исповедальне этой часовни, где он был назначен выслушивать исповеди с февраля по сентябрь 1697 года, он, в разное время в количестве двадцати или двадцати пяти человек, прикасался к ней руками, сжимал ее лицо и шею и однажды попытался поцеловать ее, но она помешала ему, отвернув голову. Кроме того, в другой раз он сказал ей, что погубит ее, и что она не должна никому об этом говорить или открывать, поскольку он действовал не из каких-либо дурных побуждений, а что все было сделано для ее блага. Далее он сказал ей, что хочет пойти к ней домой.

Спросили, знала ли она, что этот человек приставал к кому-либо еще во время исповеди или непосредственно до или после.

Ответила, что ей ничего не известно ни о чем подобном, но Марианна Гер-и-Саваль рассказала, что тот же отец о. Феликс Колл несколько раз сжал ее руки во время исповеди.

Вышесказанное является правдой в соответствии с присягой обвиняемого. От нее потребовали сохранения тайны, что она и пообещала. Я подписываюсь ее именем,

Передо мной—

Витория Сала.

Доктор Пабло Серра, *пресвитер,*
настоятель Кардоны и др.

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ СЭР,

Когда виновные признают свои проступки и с печалью раскаиваются, Бог принимает их и дарует им свою пресвятую благодать; и поскольку мне не повезло совершить некоторые проступки, относящиеся к этому Святому Трибуналу, я передаю следующее признание в них, не имея возможности предстать лично.

В городе Кардона я часто слышал признания замужней женщины по имени Витория Сала. Я никогда не позволял себе больших вольностей с ней, но несколько раз прикоснулся к ней, пока был в исповедальне. Ни у меня, ни у нее не было в этом плохого намерения, но когда я заметил, что она охвачена каким-то внутренним беспокойством, я взял ее за руку и другой рукой коснулся ее лица и груди, а также шеи; я проделал это тридцать или сорок раз. В этих незначительных недостатках я признаюсь перед Богом и Святым Трибуналом из-за скандала, который они могут вызвать. Я бросаюсь к ногам вашего Превосходительства, надеясь, что мои проступки будут забыты с любовью и милосердием, и обещая впредь исправлять свои ошибки. Веря в это, моя совесть остается спокойной, и я продолжаю уверенно исполнять свое послушание, молясь Богу о процветании вашего превосходительства.

Жерона, четырнадцатое сентября 1697 года.

Ваш покорнейший слуга, целующий ноги вашего Превосходительства,

Отец Феликс Колль

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ СЭР,

Со времени моего письма вашему превосходительству от четырнадцатого сентября я вел себя с большой осмотрительностью в связи с обвинениями, которые я выдвинул вашему Превосходительству против меня самого в нарушениях, совершенных против Святого Трибунала. И поскольку мне мешают предстать перед вашим Превосходительством, я снова ставлю себя в то же положение, под кров и покровительство Святого Трибунала, чтобы ваше Превосходительство, как отец всякого благочестия и милосердия, могли очистить мою совесть и душу. Тогда ваше превосходительство должно знать, что в течение года, который я прожил в городе Кардона в качестве проповедника монастыря, я исповедовал некую женщину по имени Витория Сала, которая страдала от многих угрызений совести, и, чтобы избавиться от них по настоятельным просьбам ее мужа, я позволил дьяволу увлечь меня настолько, что вел себя по

отношению к ней весьма неприлично, поскольку во многих случаях, когда она была у моих ног, я произносил в ее адрес весьма нецеломудренные выражения, прикасаясь руками к ее груди и лицу. Я проделал это семьдесят раз или около того. Кроме того, поскольку у меня не было исповедницы, я много раз обнимал ее и просил любить меня. Хотя это правда, что я совершал эти злые дела, все же по милости Божьей я не повредил ее чести или репутации.

Более того, в то же самое время я настолько забыл о своем долге, что, к несчастью, оказался в обществе женщины по имени Марианна Гер-и-Саваль, которая пришла к святой исповеди, чтобы признаться мне в своих проступках, которые были совершены лично мной, дьявол был настолько коварен, что десять или двенадцать раз заставлял меня, несчастного грешника, уводить, чтобы я говорил с ней ласковыми словами и прикасался к ее груди и лицу. Таковы, отец всего милосердия, мои порочные действия в Святом Таинстве покаяния. Вместо того чтобы направить эти две души по пути спасения, я привел их к дьяволу из-за своей несдержанности, злобы и слабого страха перед Богом. И теперь, когда Бог даровал мне время, место и повод, я бросаюсь, как еще один Блудный Сын, к вашим ногам, чтобы вы, как любящий отец, могли сделать для меня все необходимое, чтобы наказать мои тяжкие грехи и проступки, обещая отныне исправлять мои злые пути, чтобы свет Божий мог сиять более ясно. Пусть Бог процветает и хранит бесконечные годы вашего Превосходительства.

Барселона, семнадцатое мая 1698 года.

Ваш недостойнейший слуга, целующий
ноги вашего Превосходительства,
о. Феликс Колл.

P. S. Хотя я пишу из этого города, все же я приехал сюда, чтобы броситься к ногам вашего превосходительства. Моя резиденция находится в монастыре Святого Франциско в Хероне.

Восемнадцатого марта тысяча семьсот восемнадцатого года в Императорском колледже Тортосы лицензиат-инквизитор дон Хуан Джозеф Хуальте единолично председательствовал на дневной аудиенции, изучив информацию и судебные разбирательства в рамках этого инквизиционного дела против о. Феликс Колл, священнослужитель и исповедник ордена Святого Франциско и насельник монастыря этого ордена в Хероне,

Приказал вынести ему порицание, сделать выговор и предписать воздерживаться от исповеди женщин наедине; представил этот приговор Совету.

Передо мной—

Don Juan de Castilla.

[Против этого человека было продолжено дальнейшее разбирательство, но приостановлено в связи с его смертью.]

В городе Бесахи, двадцать второго февраля тысяча семьсот восемьдесят четвертого года, передо мной, Эстебаном Кастаниром, пресвитером и викарием Приходской церкви Святого Висенте, и мной, Лоренцо Террадером, пресвитером и каноником Коллегиальной церкви Бесахи, нотариусом, поклявшимся хранить тайну и добросовестно выполнять свои обязанности, явились по вызову и дали клятву сообщать правду и сохранять тайну, Хуан Рикар, королевский портье, уроженец вышеупомянутого города, возраст, как он заявил, тридцать пять лет или около того.

Спросили, знает ли он причину, по которой его вызвали.

Ответил, что ничего не может предположить.

Спросили, знает ли он, что кто-либо сказал что-либо, что противоречило или казалось противоречащим нашей Святой католической вере и евангельскому учению.

Ответ: Нет.

Затем ему дали понять, что информация была получена и подтверждена в этой Святой Канцелярии, что некий человек в сопровождении других побывал в некоем замке в поисках зачарованных денег; что они подписали договор с дьяволом; что после прочтения книги дьявол явился им и пообещал богатство; и что он, упомянутый Хуан Рикар, может сообщить информацию об этих и многих других вещах. По этой причине его увещевали, во имя нашего Господа и его славной и благословенной Матери, одуматься и провозгласить всю правду.

Ответил, что в июне или июле 1783 года он узнал, что Нарциссо Маньялич, адвокат, с несколькими сообщниками собирался посетить дьявола в поисках денег; эту информацию он сообщил алькальду этого города; что эти люди отправились в замок Мадреманья, где им явился дьявол. Они читали из книги, и дьявол спросил, чего они хотят. Тот, кто читал (имя неизвестно), ответил: 'Двадцать пять миллионов'. Дьявол ответил, что они должны отдать себя ему. Они подписали соглашение, и им было позволено прожить шесть лет. Затем они потребовали деньги, и им сказали, что они должны принести ему определенный камень (*пьедра де эспириту*). После этого они отправились в замок Эспонелла, прочитали книгу, и явился дьявол. Он спросил, чего они хотят. Они ответили: денег, которые он обещал. Он попросил камень, и они ответили, что кто-то украл его. Затем он воскликнул: 'Выполни свое обещание, и я выполню свое', - и исчез. Все это обвиняемый узнал из рассказа Маньялича и его спутников.

Несколько дней спустя большая часть тех же лиц была собрана в доме Хуана Травера де Урсалля в Барселоне, где по указанию алькальда Бесахи присутствовал обвиняемый, наблюдавший за их действиями. Он также должен был попытаться завладеть книгой и задержать их всех. Другими присутствующими были упомянутый Маньялич, Хуан Фравер де Урсалль, его жена, молодой человек из семьи и месье Жозеф. На собрании было решено выбрать нового считывателя и попрактиковаться в дальнейших операциях. Был избран человек в городе Юнкера, и было решено отправиться в замок Бенда в следующий вторник. Обвиняемый отправился к алькальду с этим известием, и тот отправил группу вместе с обвиняемым подстеречь их в одном месте на их пути, но они подняли тревогу и избежали общества обвиняемого. Томас Риера сообщил обвиняемому, что он отправился ночью в Херону, чтобы вытащить несколько гвоздей из гроба ребенка трех или четырех лет, и что, когда он начал копать, ему явилось множество видений. Маньялич сказал обвиняемому, что, по его мнению, дьявол никогда никого не обманывал, а выполнял все свои обещания. Вышеупомянутый Томас

Риера спал с месье Жозефом и имел обыкновение вести беседы с дьяволом на его родном языке; и вышеупомянутые лица сообщили обвиняемому, что месье Жозеф получил деньги от дьявола.

Спросил, каков был возраст, внешность и т.д. упомянутого Нарциско Маньялича и всех остальных. *[Далее следует описание.]*

Вышесказанное является правдой в соответствии с присягой обвиняемого и т.д.

Хуан Рикар, *Портер Ройял*

Передо мной—

Лоренцо Террадер, *каноник и пресвитер
нотариус, назначенный для проведения этого расследования.*

В городе Бесахи, епископство Жерона, двадцать четвертого февраля тысяча семьсот восемьдесят четвертого года, перед вышеупомянутыми должностными лицами, поклявшимися хранить тайну и добросовестно выполнять свои обязанности, явился, согласно повестке, и дал клятву говорить правду и сохранять тайну Мигель Берга, адвокат, уроженец этого города, в возрасте тридцати трех лет.

Спросили, знал ли он или предполагал причину, по которой его вызвали.

Ответил, что, по его предположению, это связано с делом Маньялича.

Допрошен, писал ли он какое-либо письмо или сообщение в Святую Канцелярию инквизиции, сообщая о каком-либо известном ему преступлении; каково было содержание этого документа или сообщения и чьей рукой оно было написано.

Ответил, что он написал три письма доктору Игнасио Санс Пабордре в Фигерас; что в первом, датированном четырнадцатым июля 1783 года, он заявил, что упомянутый Маньялич сказал ему, что он дважды ходил со своими товарищами в замок Эспонелла за деньгами, и что оба раза им являлся дьявол; что все они подписали с ним сделку и им были обещаны деньги, когда они вернутся в замок.

Во втором, датированном четвертым августа 1783 года, говорилось, что Маньялич заявил, что на шестой день этого месяца назначен визит в замок Монруа в поисках денег.

В третьем, датированном тринадцатым числом того же месяца, сообщалось, что он видел Маньялича, но не может сообщить никаких дополнительных сведений относительно этого дела и что кое-что еще можно узнать от Хуана Рикарта.

Далее обвиняемый заявил, что Джозеф Льонелла сообщил ему, что он и упомянутый Маньялич в сопровождении Хайме Губерта, молодого человека из Бесахи, отправились в Монпелье, чтобы встретиться с евреем, чтобы узнать у него способы добывания денег с помощью дьявольского искусства. Еврей дал им личинку в трубочке и сказал, что личинку нужно каждый день

добавлять в трубочку для употребления в пищу, и что если они поклянутся, что они и сделали, заключить союз с дьяволом и выполнять то, что он им прикажет, написав на бумаге, они получат столько денег, сколько пожелают. Они подписали кровью соглашение с дьяволом, написанное его собственными буквами, и пообещали никогда не ходить на исповедь. Несмотря на то, что они все делали в соответствии с указаниями еврея, они ничего не получили.

Обвиняемый продолжил следующими словами: "Некоторое время спустя я зашел к Маньяличу, пытаюсь свести его с вышеупомянутым доктором Пабордре Сансом, или доктором Ревирой, каноником собора Жероны, но он ответил мне, что не примет ни одного из них, пока не получит деньги; и, кроме того, сообщил мне, что они с дьяволом назначили шестнадцатое августа на время получения сокровища; что дьявол явился им, одетый в красное, и пообещал, что, если кто—то из них будет выдан ему, они получают деньги". у него было тридцать один миллион; этот Маньялич предложил себя, и дьявол дал ему восемь лет жизни, но этот период не должен был начаться до тех пор, пока деньги не будут получены. Я воскликнул: "Дьявол обманет тебя". Он ответил, что обещания дьявола правдивее Веры, и далее сказал мне, что для того, чтобы воскресить дьявола, необходимы следующие вещи: — книга, в которой указано все, что должно быть сказано, магнит, *пьедре эспириту*, шесть гвоздей из гроба трехлетнего ребенка, шесть свечей из розовой воски, сделанных четырехлетним ребенком, кожа и кровь маленького козленка, железная вилка, которой козленка должны были убить, железный прут. камфорный бренди высокой выдержки, древесный уголь для разведения костра и прутья орешника. Информацию обо всем этом я передал сеньору Домеро Херонесу, викарию Боаде и Алькайду. Алькайд послал Хуана Рикарта, своего носильщика, присоединиться к ним и узнать, в какой день они отправятся за деньгами, чтобы он мог взять их в плен. Этот Хуан Рикар пробыл с ними несколько дней и предупредил, когда прибыл еврей, который должен был прочитать книгу. Алькайд установил за ними наблюдение, которое было обнаружено, и еврей сбежал.

После этого я снова попытался свести Маньялича с доктором Пабордре Сансом. Я сделал это, но обнаружил, что Маньялич не стал говорить правду Доктору. Он дал мне понять, что у него все еще хранятся книга и инструменты, перечисленные выше, и они должны оставить дело на некоторое время, не говоря об этом, а затем возобновить его и получить деньги дьявола. Впоследствии, когда я осудил его поведение, он попытался заставить меня поверить, что все, что он мне рассказал, было выдумкой, но я всегда верил, что это правда".

То, что вышеизложенное было зачитано обвиняемому, объявляется им правильно записанным и соответствует действительности в соответствии с принесенной им присягой.

Подпись,

Мигель Антентас-и-Берга, *адвокат*.

Передо мной—

Лоренцо Террадер, *пресвитер и каноник, нотариус в этом расследовании*.

В городе Бесахи тридцатого мая тысяча семьсот восемьдесят четвертого года перед вышеупомянутыми должностными лицами, поклявшимися сохранять тайну и добросовестно выполнять свои обязанности, явился, согласно повестке, и дал клятву сообщать правду и сохранять тайну Джозеф Гиркос, адвокат Бесахи, уроженец и житель указанного города, в возрасте, по его словам, тридцати шести лет или около того.

Спросили, знал ли он или предполагал причину, по которой его вызвали.

Ответ: Нет.

Спросили, знает ли он, что какой-либо человек сказал или сделал что-либо, что противоречило или казалось противоречащим нашей Святой католической вере и евангельскому учению.

Ответ: Нет.

Затем ему дали понять, что была получена информация, на основании которой он принес присягу в этой Святой Канцелярии, о том, что определенные лица, Нарцисо Маньялич и Джозеф Льюрелла, были в Монпелье с визитом к еврею и т.д. *[Далее следует краткое изложение предыдущего свидетельства.]*

Ответил, что слышал то же самое от Нарцисо Маньялича, и что ему известно об этом деле, было следующее: 'Примерно восемнадцать месяцев назад этот человек и Джозеф Льюрелла-и-Салер из этого города покинули это место в сопровождении молодого человека по имени Гюбер. В какое место они направились и составляли ли им компанию всю дорогу, я не знаю. Их не было около трех недель, и вскоре после их возвращения я услышал, как Мигель Антентас и Берга, адвокат из этого города, заявил, что они были в Монпелье, во Франции, чтобы встретиться с евреем, который должен был показать им, как добывать деньги дьявольскими уловками; что еврей дал Маньяличу личинку в трубочке, в которую он должен был каждый день добавлять новую личинку для употребления в пищу, и что еврей сказал им, что они могут получить столько денег, сколько захотят, если поклянутся заключить договор с дьяволом и будут делать то, что он предписал. к ним на письменном листе бумаги. Одним из условий было никогда не ходить на исповедь. За эти инструкции, я думаю, упомянутые Антенты сказали мне, что заплатили еврею семь или девять *луидоров*. По возвращении из Монпелье, в деревне или местечке неподалеку от Бисбала, они испытали один из еврейских методов добывания денег. Это было сделано в месте, где пересекались две дороги. В земле была вырыта траншея и убита курица, кровью которой все они написали свои имена на бумаге и положили ее в траншею, стараясь, по указанию еврея, не испугаться. Несмотря на то, что они выполнили все эти указания, деньги так и не появились.

По возвращении в этот город они вместе с несколькими другими отправились в замок Эспонелла, где была прочитана книга с целью вызвать дьявола. Здесь дьявол появился в образе человека, одетого в одежду телесного цвета и, как сказал мне Антентас, с большими глазами. Дьявол спросил, чего они хотят, на что Маньялич или кто-то другой ответил: "Денег, хороших денег, а не заколдованных". Дьявол сказал им, что они получают его, если кто-то из них сдастся, но этого никто из них не хотел делать.

Льюрелла рассказал об этом своей жене, и она сообщила об этом Антонио Ригальту, чтобы он помог вытащить ее мужа из столь отчаянного положения. Ригальт проконсультировался с Антентасом, и они пришли к выводу передать дело инквизиции, что и было сделано.

То, что Антентас знал об этом деле, он узнал от Ригальта, Льюреллы и Маньялича. Впоследствии, когда Льюрелла раскаялся в своей связи с остальными и покинул их компанию, мне кажется, я слышал, как он говорил в доме Антентаса, что незадолго до этого видел у Маньялича бумагу, которую дал им еврей, и что дьявол явился им в одежде телесного цвета, с большими глазами и острыми ногтями на пальцах. Антентас впоследствии рассказал мне, что Маньялич, видя, что Льюрелла покинул их и они не могут продолжать свое предприятие в соответствии с указаниями еврея, который сообщил им, что если кто-то из них умрет или покинет их, они должны найти другого, выбрал для этой цели вышеупомянутого дядю Трэвера.

Тогда Маньялич решил отдать себя дьяволу в соответствии с его требованием, оговорив отсрочку на несколько лет. Этот вопрос обсуждался компанией в замке Эспонелла в связи с планом получения тридцати одного миллиона или какой-то подобной суммы от дьявола. Однако этот план таким образом провалился. В ночь на понедельник, накануне дня Святого Иоанна, в 1783 году компания, или часть из них, собралась в доме Трэвера, но Маньялич, внезапно заболев, не смог сопровождать их в замок.

Антентас также сообщил мне, что он сказал Маньяличу, что дьявол обманет его и что он не сможет сделать ни одного человека богатым. На это он ответил, что дьявол выполнил все свои обещания, и что если он когда-нибудь получит от него деньги, то все равно пойдет на исповедь и таким образом обманет дьявола. Он также сообщил мне в августе того же года, что Маньялич решил снова попытаться получить деньги в вышеупомянутом замке или в другом, называемом замком Буаделла; что он отложил это из-за того, что об этом деле стало известно за границей. С тех пор я ничего не слышал ни о нем, ни о его начинаниях, за исключением того, что он предложил еще одну поездку в Монпелье и предложил двести фунтов Саймону Эскеллару или Вентуре сопровождать его.

Вышесказанное соответствует действительности, согласно присяге обвиняемого, который заявляет, что он говорил не по злому умыслу, а исключительно повинясь своей совести, и после того, как ему зачитали, объявляется, что все записано правильно.

Подпись—

Джозеф Гиркос, *адвокат*.

Передо мной—

Лоренцо Террадер, *Пресвитер,*
нотариус в этом расследовании.

* * * *

Дон Леонардо Видаль, помощник основателя brass cannon, двадцати трех лет от роду, уроженец Сан-Эстебан-де-Риполлет, епархия Барселоны, проживающий на *бульваре Рамбла*, недалеко от

театра, по соседству с салонной лавкой, для очистки своей совести и ни с какой другой целью, сообщает Святейшей Канцелярии следующую информацию.

Антонио Суарес, владелец кофейни напротив Театра на *бульваре Рамбла*, держит в одной из своих комнат шесть или восемь картин, довольно грубо выполненных, две из которых содержат неприличные фигуры. Все это информант видел, но помнит только одно, на котором изображен молодой человек, обнимающий женщину с неприлично обнаженной грудью. Упомянутому Антонио около пятидесяти лет, он хромой и косолапый, у него частично искалечена одна рука и сведены пальцы.

Также, руководствуясь тем же мотивом, он сообщает, что у доктора Мануэля Портиуса, пресвитера, публичного преподавателя латыни и гуманитарных наук, тридцати восьми лет, невысокого роста и с несколько длинным носом, проживающего в Бахада-де-Сан-Мигель, на третьем этаже дома, угол которого занимает пекарь, есть несколько картин, цветных и неокрашенных, среди которых некоторые изображают женщин со скандально обнаженной грудью, а другие - с неподобающими изображениями. Одна из них носит такое название: "Аббатиса в туалете", и выставлена вместе с другими фигурами: священник в своем халате, очень красиво одетый в одежду мирянина, сидящий рядом с дамой, с которой он, кажется, разговаривает о одежде. Все эти фотографии доктора Мануэля Портиуса красиво выполнены и, следовательно, более провокационны и скандальны. Они развешаны по стенам его кабинета на виду у каждого, кто входит, и особенно у его учеников, число которых, как я понимаю, достигает почти тридцати.

Кроме того, он сообщает, что дон Фелипе Краме, капитан королевской артиллерии, высокий, светлокожий, рыжеволосый и слепой на один глаз, в возрасте тридцати пяти лет, в беседе с информатором и тремя другими лицами, имена которых будут указаны ниже, сделал следующее замечание: *"Испанский офицер, которого я высоко ценю, сказал, что не по воле Бога должны были существовать короли, что может быть доказано отрывком из Священного Писания"*. Этот отрывок он процитировал не по назначению, а только, насколько я помню, утверждал, что Бог сказал израильтянам, что царь им не подходит. Имя этого офицера упомянутый дон Фелипе Краме не упоминал, и информатору больше ничего о нем не известно.

Людьми, услышавшими эти замечания из уст упомянутого дона Фелипе Краме, были дон Мануэль Пе, помощник создателя пушки, и дон Антонио де ла Торре, клерк директора литейного завода. Есть и другие, кто кое-что знает о том же; а именно, дон Мануэль Брито и дон Алешандро Висенте, помощники в литейном цехе.

Информатор обязался выдвинуть обвинение от имени вышеуказанных лиц. Он также проинформировал упомянутого дона Фелипе Краме, что тот был обязан донести на своего друга, и поскольку информатор не знает, было ли это выполнено, он сообщает настоящую информацию, чтобы полностью оправдать свою совесть.

Барселона, четвертое февраля 1793 года.

Леонардо Видаль.

НАШЕМУ КОМИССАРУ, ПРЕПОДОБНОМУ АНТОНИО ФОНТУ, ПРЕСВИТЕРУ.

Настоящим препровожаем Вам письмо, полученное нами от дона Леонардо Видаля, помощника основателя саппон и постоянного жителя этого города. Настоящим мы поручаем вам вызвать его для явки к вам и установить по форме, принадлежит ли письмо ему, заставив его четко указать все относящиеся к нему обстоятельства личности, места и времени. Это делается по надлежащей форме, и перед тем, как доверенный вам пресвитер выступит в качестве нотариуса, вы перешлете нам протокол экзамена вместе с этими бумагами. Да хранит вас Господь на долгие годы.

Королевский дворец инквизиции Барселоны, седьмое февраля 1793 года.

Доктор Дон Педро Диас де Вальдес.
Лицензиат,
дон Мануэль де Мерра-и-Паниагуа.
Доктор Дон Джозеф Франсиско Гонсалес де Нобоа,
секретарь.

* * *

ПРЕПОДОБНОМУ ВИКАРИЮ ПРИХОДА СВЯТОГО МАРТИНА ДЕ ПРОВАНСАЛЬ.

В эту Святую Канцелярию поступила информация, что Антонио Аксис и его жена Хосефа, которые занимаются лечением и исповедуют различные суеверия, поселились в Клоте, в районе Сен-Мартен-де-Провансаль. Вследствие этого трибунал распорядился направить письмо, предписывающее вам провести расследование в отношении этих фактов, а также в отношении жизни и поведения указанных лиц, соблюдают ли они предписания церкви и посещают ли исповедь и причастие. Да хранит вас Господь на долгие годы.

Королевский дворец инквизиции Барселоны, девятое сентября 1803 года.

Доктор Дон Сиро Вальс-и-Гели, *секретарь.*

ОТВЕТ.

Повинуясь приказу Святого Трибунала инквизиции, да сохранит его Бог во всей его силе, датированному девятым числом этого месяца, я провел следующее расследование. Я вызвал к себе Джозефа Масвидала из этой деревни и заставил его поклясться никому не разглашать вопросы, которые я ему задавал, а также открыть мне правду. Я спросил, кто сообщил ему, что Антонио Аксис может вылечить его болезнь. Он ответил: Фелипе Кадена из этого заведения и Пабло Марин из Llano de Barcelona. Фелипе Кадена заявил, что упомянутый Антонио вылечил его, отрезав гребень у черного петуха, взяв из него три капли крови, смешав ее с водой и заставив его выпить, добавив, что если бы в доме был священник, для проведения операции было бы необходимо выйти на улицу.

Я спросил, какие лекарства ему прописал упомянутый Антонио. Он ответил, что первое - белая луковица и пять листьев подорожника. Их разрезали и положили ему на живот, что облегчило его боль - симптом, который жена Антонио назвала хорошим. Лечение, однако, не подействовало, и ему было приказано раздобыть куропатку, двадцать пять иголок и новый горшочек - все это нужно было купить и нести домой левой рукой. Иголки нужно было с большим остервенением воткнуть в куропатку и целиком положить в кастрюлю. Затем в полночь больной должен был левой рукой поставить его на огонь и левой рукой продолжать помешивать в огне до двух часов ночи. Он сообщил ему, что во время этого столы и тарелки сами придут в движение, но что он не должен пугаться, так как должен присутствовать сам. Все эти указания были выполнены, и в то время также присутствовали Франсиско Винтро и Франсиско Сиральт, его шурины, чтобы поддержать его мужество во время операции. В два часа он снял его с огня, но лучше ему не стало. Жена Антонио, Хосефа, распорядилась приготовить для него бульон, поскольку он был таким худым и тощим, как будто перенес продолжительную болезнь. Это было сделано на следующее утро, когда он почувствовал себя чрезвычайно слабым и измученным. Аналогичный случай произошел, как он считает, с владельцем таверны в Барселоне, который известен преподобному отцу Ф. Хуану Месадосу.

Его здоровье не улучшалось в течение трех месяцев, он снова увидел Аксиса, который начертил крестные знаки на тех частях своего тела, где чувствовал боль, но это имело не больший эффект, чем предыдущие эксперименты. Затем Аксис сказал ему, что в него вселились пять отрядов и пять капитанов злых духов, что отряды насчитывали пятьсот человек, и их можно было легко изгнать, но от пяти капитанов было не так-то легко избавиться. Он приступил к изгнанию бесов, и Масвидал начал кричать и вести себя как одержимый. Расправившись с *малышами*, как он их называл, он принялся за капитанов и в первый же вечер, после ужина, около девяти часов, начал осенять себя крестным знаменем и говорить на непонятном языке. Затем он издал два громких крика, настолько ужасных, что напугали всех; и Аксис подтвердил, что они были услышаны в самых дальних уголках воздуха другими духами. На этом мероприятии присутствовали два вышеупомянутых шурина.

Аксис заявил, что духи не были отправлены, и он потребовал от них обещания устами пациента, что они уйдут в девять часов следующего утра; но продолжая оставаться в это время, они снова пообещали таким же образом отправиться в девять вечера. Пациент послал за Хуаном Мансейсом, Хуаном Баксо и Антонио Торрасом, всеми обитателями этого места. В девять часов повторились описанные выше действия, пациент сильно страдал, кричал и разговаривал, как это делают люди, когда их околдовали. Это повторялось утром и вечером в течение пяти или шести дней.

Все это не произвело никакого эффекта, и они посоветовали ему признаться во всем вышеупомянутому преподобному отцу Ф. Хуану Месадосу Сервите. С этим согласились, и Аксис, пациент, Мансейс, Торрас и Баксо отправились в свою камеру. Преподобный отец повторил несколько заклинаний, и Аксис повторил свои кресты и мольбы. Впоследствии он заявил, что видел духов, и описал их облик.

Мой информатор также заявил, что Аксис обладал силой сдерживать бури, поскольку, когда они возвращались в компании со Святой Киприи, их настиг шторм, и он был в большом ужасе. Аксис сказал ему, что на Сан-Кукуфазе-дель-Вальес обрушился каменный дождь, но что ему не нужно бояться, поскольку он защитит их от этого с помощью молитвы, которую он знал. Так и

случилось, ибо ливень, как они узнали впоследствии, не коснулся их, хотя они были вынуждены отправиться совсем на берег моря. Более того, Аксис заявил ему, что он был в аду, и описал ему состояние проклятых. Однажды ночью ему явились какие-то злые духи и предложили ему денег, если он отдастся им, но он не согласился.

Я также вызвал к себе Исидро Лепу из этого места и заставил его поклясться рассказать всю правду и сохранить тайну. Я спросил, знал ли он Антонио Аксиса и его жену, Хосефу Аксис. Он ответил, что да, поскольку они жили с ним в одном доме, хотя и в другой части. Я спросил его, знает ли он, проводит ли упомянутая Ось лечение. Он ответил, что знает о некоторых его выступлениях, и что Аксис попросил его пойти с ним в компании как-нибудь ночью, добавив, что они услышат громкий шум, но он не должен бояться, находясь в его компании, так как они будут вне опасности; что они должны пойти в полночь и без всякой одежды. Это предложение было отклонено. Аксис ответил ему, что у него нет возможности зарабатывать на жизнь, но мой информатор настаивал на своем отказе.

Выше приведены буквальные заявления, которые я взял под присягой у названного лица. Более того, у меня есть сильные подозрения, что Аксис и его жена часто пренебрегают мессой. Сам Аксис во время своего пребывания в этом году в моем приходе не исповедовался и не принимал причастия по Паскалю, хотя это было сделано в доме, где он живет, и я умолял его и его жену соблюдать этот обряд. Помимо того, что описано выше, он пробовал множество других суеверных методов лечения жителей Барселоны и незнакомцев; все это я подтверждаю как чистую правду.

Доктор Франсиско Гуйу, *приходской священник*.
Сен-Мартен де Провансаль, второе октября 1803 года.

* * *

ДОСТОПОЧТЕННЫЕ СЕНЬОРЫ,

Внештатный инквизитор Фискал заявляет, что необходимо предоставить комиссию для изучения этого письма, а также для изучения и утверждения показаний обвинителя и свидетелей, которые представлены на рассмотрение ваших Превосходительств.

Лиценциат, Базаррат.

Тайная комната, десятое октября 1803 года.

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ СЭР,

Повинуясь велению моей совести и совету моего духовника, падре Джервазио Мингуэллы, кармелита Кальсадо, я информирую ваше Превосходительство о следующем поступке, который я совершил. После трех несколько раз, по просьбе одного из моих товарищей, я ходила навестить женщину с целью узнать путем гадания на картах, вернется ли сюда некий молодой человек, с которым я обручена, из Олота, где он сейчас находится. Вышеупомянутая женщина,

посмотрев на карты, ответила, что он вернется; но что это произойдет когда-нибудь раньше. О других вещах она также сообщила мне с помощью гадания. Настоящего имени этой женщины я не знаю, но ее зовут Пепа дельс Госсос, и она живет на улице дельс Таллерс. Я умоляю ваше превосходительство простить мне эту слабость, ибо я не осознавал, что совершаю преступление. Мой духовник сообщает мне о том факте, что я виновен, и что я должен в течение шести дней уведомить об этом ваше превосходительство.

Да хранит Бог ваше превосходительство на долгие годы.

Целую руки вашего превосходительства.

Ваша покорная слуга, Антония Пуксанти,
дочь Хайме Пуксанта, улица Дом.
Барселона, третье февраля 1805 года.

ПАДРЕ ДЖЕРВАЗИО МИНГУЭЛЛЕ, КАРМЕЛИТУ КАЛЬСАДО.

Настоящим мы передаем вам приказ приступить в сопровождении другого лица священнического звания к исполнению обязанностей нотариуса, предварительно поклявшись в верности и тайне, и вызвать к вам Антонию Пуксанти, дочь Хайме Пуксанта, проживающую на улице Калле дель Хом. Вы удостоверитесь у нее под присягой, принадлежит ли прилагаемое письмо ей, подтверждает ли она, что содержание является правдивым, и нужно ли изменить какую-либо часть этого письма или внести какие-либо дополнения. В течение четырех дней после этого вы подтвердите вышеуказанные показания у нотариуса и других заслуживающих доверия лиц, и если будут представлены какие-либо показания, которые могут подтвердить то же самое, вы их получите и аналогичным образом подтвердите указанные показания по истечении четырех дней. Вы передадите информацию, касающуюся характера и репутации свидетелей, написанную на полях показаний. Также в отдельном документе вы направите отчет о характере и христианском поведении осужденного. Этот приказ должен быть возвращен нам вместе со всеми остальными бумагами. Да хранит вас Господь на долгие годы.

Королевский дворец инквизиции Барселоны, тринадцатое февраля 1805 года.

Доктор дон Джозеф де Лозер.
Лицензиат дон Мануэль де Мерра-и-Паниагуа.
Доктор Дон Хуан де Родас.
Д. Д. Хуакин Монер, *секретарь*.

ДОСТОПОЧТЕННЫЕ СЕНЬОРЫ,

Я возвращаю вашим Превосходительствам приказ от тринадцатого февраля текущего года вместе с изложением Антонию Пуксанти, уроженки Риполя, в епископстве Вике, дочери Хайме Пуксанта, проживающего на улице Калле дель Хом в этом городе. Вместе с этим вы также получите показания шести других свидетелей тех же фактов, которые я получил по информации

вышеупомянутой Антонии. Медлительность, с которой было завершено это дело, не будет замечена вашими превосходительствами при рассмотрении масштабов моей деятельности и того факта, что люди, у которых были взяты показания, принадлежат к рабочему классу, редко бывают дома, и, следовательно, их трудно найти. Последний из названных среди них был встречен только двадцать седьмого марта.

Что касается заявлений Антонии Пуксант, я должен заявить, что как в своих показаниях, так и в ратификации она, по-видимому, раскрыла правду с совершенной непосредственностью, насколько это касалось ее знаний и допросов, хотя в названии улицы, на которой Пепа де лос Госос проводила свои гадания, была допущена ошибка, которая, по ее утверждению, называлась Калле де Назарет; но когда ей напомнили об ошибке, она сообщила мне после ратификации, что это была Калле де Фарландина, расположенная в начале улицы, ведущей от центра города. монастырь Нуэстра-Сеньора-де-лос-Анхелес, в Каса-де-Харидад этого города.

Уважая лиц, осужденных упомянутой Антонией Пуксант, как при снятии показаний, так и при ратификации, я вызвал только тех, кто, как я понял от нее, присутствовал, когда вышеупомянутая Пепа де лос Госос совершала свои гадания перед упомянутой Антонией. Что касается других лиц и вопросов, упомянутых ею, я не возбуждал в отношении них никаких разбирательств, считая необходимым для этого дополнительное распоряжение ваших Превосходительств.

Я также должен проинформировать ваши Превосходительства, что упомянутая Антония Пуксант очень обеспокоена тем, чтобы ее отец, Хайме Пуксант, ничего не знал о ее заявлениях, и, в частности, о том, что в ратификации говорится о Маргарите Пуксант, поскольку эта женщина замужем за братом вышеупомянутого Хайме Пуксанта. Далее она заявляет, что некоторое время спустя она услышала, что вышеупомянутая Маргарита, ее тетя, была вызвана в наш Святой Трибунал по обвинению в колдовстве и суевериях; по просьбе ли ее отца, родственников или других лиц она не явилась, и по этой или какой-либо другой причине между ними возник разлад.

Что касается характера и занятий осужденной Пепы де лос Госос и того факта, соблюдает ли она предписания церкви, я не могу передать вам никакой информации, поскольку я не знаю этого человека и пока не смог ее найти; но согласно всему, что можно узнать от свидетелей, она, несомненно, виновна. Они сообщили мне, что она очень осторожно скрывается.

Что касается других свидетелей, я должен отметить следующее. Что касается Гертрудиса Поц-и-Мarti, упомянутого в показаниях Антонии Пуксант, мне кажется, что он скрыл правду в своем заявлении из страха или по каким-либо другим мотивам; это мнение подтверждается тем, что он задержал ратификацию сверх указанного срока, так что было сочтено необходимым вызвать его заново. Однако, как представляется, после того, как ему было поручено заявить правду восьмого марта, когда состоялась ратификация, он сделал полное и искреннее заявление, которое соответствует заявлениям вышеупомянутой Антонии Пуксант.

Что касается показаний Розы Льобет, то они, по-видимому, соответствуют действительности, хотя и не имеют отношения к делу. Эта особа была вызвана, поскольку, судя по описанию Антонии, она должна была быть хозяйкой дома, где проводились гадания; но, осмотрев ее, я обнаружил, что это не так. Тем не менее, с ее помощью была получена некоторая информация, поскольку она сообщила мне, что дом рядом с вышеупомянутым, по левую руку, является

отличным убежищем для молодых женщин с какой-то неизвестной целью. Вследствие этого я вызвал жильца, Франциску Якобу, на которую я буду ссылаться в дальнейшем.

Уважая Мадалену Маслоренс, я верю, что она искренне рассказала всю правду. Следует отметить, что этот человек не является владельцем дома на улице Фарландина, в котором Пепа де лос Госос практиковала свое искусство, как считала Антония Пуксанти.

Что касается Франциски Якоба, которая занимает первый этаж первого дома в ла-Риера-Альта, по левую руку от монастыря капуцинов, она признается, что упомянутая Пепа де лос Госос посещала ее дом по делу, как это делали многие другие люди, но утверждает, что она никогда не практиковалась там в каких-либо представлениях или гадании на картах; однако, судя по ее манере отвечать на вопросы и по ее горячности в защите упомянутой Пепы, пространством разговоров в ее пользу и заявлению, что ее обвинили ложно, у меня нет никаких оснований полагать, что она была обвинена ложно. сомневаюсь, что она ее подруга, и, следовательно, что ее показания очень подозрительны. В этом, однако, я могу ошибаться.

Что касается Марии Тинторер, владелицы дома на улице Фарландина, где проводились вышеупомянутые гадания, я думаю, что она сказала правду, и всему ее свидетельству можно верить. Что касается цыганки с улицы Сан-Пабло, сеньора Августа Фустера и других женщин, я их не вызывал, ожидая соответствующего приказа от ваших превосходительств.

Что касается Антони Рагас, я думаю, что ее показания могут быть приняты во внимание, поскольку они в некоторых моментах подтверждают показания Антони Пуксанти. Что касается другого свидетеля, упомянутого Антонией, по имени Маргарита, я не смог взять у нее показания, поскольку она долгое время находилась в больнице этого города из-за болезни.

Вышеизложенное, достойные сеньоры, является показаниями, которые я дал, и суждениями, которые я составил относительно них. Я верю, что вы простите мне ошибки, которые я там допустил, и исправите мои ошибки.

Остаюсь покорнейшим слугой ваших Превосходительств и целую руки ваших Превосходительств.

Отец Джервазио Мингуэлла, *кармелит Кальсадо*.

В городе Барселона, двадцатого февраля тысяча восемьсот пятого года, перед преподобным отцом о. Джервазио Мингуэллой, кармелитом Кальсадо, пресвитером и комиссаром, назначенным для проведения этого расследования, и мной, отцом Джозефом Абеллой, пресвитером кармелитом Кальсадо, нотариусом, поклявшись сохранять тайну и добросовестно выполнять свои обязанности, явилась согласно повестке и дала клятву заявить правду и сохранить тайну Антони Пуксанти, уроженка Риполя, в епископстве Вике, дочь Хайме Пуксанти из этого города, семнадцати лет.

Спросили, знала ли она или предполагала причину, по которой ее вызвали.

Ответила, что, по ее предположению, это связано с письмом, которое она велела написать от ее имени в адрес Святого Трибунала третьего числа текущего месяца.

Допрашивали, в какое время и в каком месте и в присутствии каких лиц производились операции с картами; также, какими словами и жестами, и получала ли исполнительница какие-либо упреки за свои действия или казалась в здравом уме.

Ответила, что около шести месяцев назад, по просьбе обвиняемого, она провела операцию трижды в течение трех или четырех недель в разных местах; то есть в первый раз на улице Риера Альта, в другой раз на улице Назарет. Дома, которые она не знала. На улице Назарет вход был через маленькую дверь на нижнем этаже рядом с садом. Места, которые она могла узнать, увидев. Человек, который проводил операцию, всегда не желал делать ее в своем собственном доме. В первом случае присутствовало четверо: обвиняемый, оператор, одна из ее подруг по имени Гертрудис и иногда Хесус, потому что она живет на улице Калле де Хесус. Она была замужней женщиной. Четвертой, как и предполагал обвиняемый, была хозяйка дома. Во втором случае присутствовали два первых лица, упомянутые выше, молодая женщина по имени Антония Рагоза, проживающая на улице Конде дель Асальто, уроженка Риполя, и хозяйка дома по имени Елена или Магдалена. В третьем случае присутствовали два первых лица и еще одно, по имени Пунтина, вдова ткача. Операции производились странными движениями и на непонятном языке. Все, что мог понять обвиняемый, было слово "Варварство". Исполнительницу никто не упрекал, и она репетировала все это серьезно и в здравом уме.

Спросили, какие вещи она угадала.

Ответила, что она рассказала ей, какие деньги у нее в кармане; о чем она думает; что ее отец хотел, чтобы она вышла замуж за молодого человека, который ей не нравился, и что из-за этого ее отец был недоволен ею. Иногда она давала неправильные показания, но обвиняемый считает, что это было сделано намеренно и для того, чтобы ее не обнаружили. Она также сообщила обвиняемому, что молодой человек из Олота, с которым она была помолвлена, и которого звали Каспар Гиральт, напишет ей в течение трех недель и что он посетит этот город, добавив другую информацию. Оператор всегда выбирала пятницу для своих выступлений, и депонент платил ей два реала веллона.

Спросили, знает ли она, что какие-либо другие лица говорили или делали что-либо, подпадающее под юрисдикцию Святой Канцелярии.

Ответила, что слышала о четырех других людях, которые занимались гаданиями. Одного звали Фаргас, и он жил в переулке недалеко от церкви Святого Павла. Другую звали Терезика, и она оказалась замужней женщиной. Она жила на той же улице. Другую звали Гарви. Ее место жительства неизвестно. Последнюю звали Тереза, а иногда и Балларенга, она была замужней женщиной и раньше жила на улице Калле-де-ла-Парра. Молодая женщина по имени Фелипе рассказала обвиняемому, что второго числа этого месяца она провела ночь с упомянутым Балларенгой, где они сожгли четки и два настоящих куса вместе с небольшим количеством святой воды. На следующее утро упомянутый Фелипе показал обвиняемой какой-то черный порошок, который, по ее словам, был пеплом от четок и денег, и сказал, что это сильнодействующий любовный порошок. Обвиняемый также был проинформирован молодой женщиной по имени Урсула, живущей в ла-Риера-Альта, о том, что человек, живущий в Барселонете, придерживался той же практики.

Спросили, знает ли она что-нибудь еще.

Ответила, что молодая женщина по имени Тереза, живущая на улице Конде-дель-Асальто, рассказала ей, что некий мужчина заявил ее матери, что он знает женщину, которая отвезет ее в Олот через час при условии, что она не будет призывать никаких Святых.

Спросили, каков был возраст и внешность вышеупомянутой Пепы де лос Госос.

Ответила, что это маленькая старушка с запавшими глазами и морщинистым лицом.

Спросили, знает ли она что-нибудь еще.

Ответила, что женщина по имени Серафина Сюэра, жена сеньора Мигеля с улицы Святого Олега, сказала ей, что в ее доме есть женщина, которая занимается гаданиями.

Спросили, знает ли она что-нибудь еще.

Ответил: Нет.

Поскольку вышеуказанное было зачитано обвиняемой, она заявляет, что оно правильно зафиксировано. Далее она заявляет, что сделала эти заявления не по злому умыслу, а исключительно повинувшись своей совести. От нее потребовали соблюдения секретности, что она и обещала, и, не имея возможности писать, я, упомянутый Комиссар, подписываюсь ее именем.

Отец Джервазио Мингуэлла,
комиссар-кармелит.
Антонио Пуйшант.

Передо мной—

Отец Джозеф Абелла, *кармелит Кальсадо, нотариус.*

* * * *

В пригороде Барселонеты, тридцатого октября тысяча восемьсот шестого года, перед преподобным Хуаном Педралсом, пресвитером и комиссаром, и мной Игнасио Рибесом, пресвитером-нотариусом, поклявшимися хранить тайну и добросовестно выполнять свои обязанности, явились по вызову и дали клятву говорить правду и сохранять тайну, Мануэль Баксо, уроженец города Бланкас, в епископстве Херона, в возрасте шестидесяти четырех лет, проживающий в Барселонете, на улице дель Сементерио.

Спросили, зачем он потребовал аудиенции.

Ответил, чтобы передать следующую информацию в Святую Канцелярию. Примерно через три года он заметил, что его жена по имени Сесилия Пруна и вульгарно ла Силета неоднократно совершали подобные действия в его доме. Около десяти или двенадцати часов ночи она взяла овечью печень и положила ее в глиняный горшок с небольшим количеством воды. Это она прокипятила на огне и продолжала протыкать гвоздем, воткнутым в конец палки, заметив это, она спрятала палку и воспользовалась для этой цели ножом. Она практиковалась в гадании на картах, чтобы выяснить, будет ли какой-нибудь человек богатым или бедным, женатым или

холостым, привезет ли кто-нибудь деньги из Америки или нет. Был корабль, который ночью вышел в море с Таможенным инспектором и несколькими его офицерами на борту, и пока весь город пребывал в напряжении относительно их судьбы, не зная, куда направился корабль, она сообщила второму офицеру морской пехоты, что у него, возможно, нет никаких опасений, поскольку они прибыли в Неаполь без каких-либо повреждений, что на самом деле и оказалось правдой. Более того, она обычно собирала кости мертвецов с кладбища и сжигала их в порошок, но что она делала с этим порошком, он не знал. Она также использовала определенные зерна, которые раздобыла в монастыре Иисуса, и заметила, что для того, чтобы они были полезными, их следует собирать в то время, когда наш Господь был в своей гробнице, и не допускать, чтобы они касались земли. Этим приемам его жена научилась у моряка с острова Сан-Фелио-Гишот по имени Педро Торрент, согласно тому, что она рассказала женщине, проживавшей в этом доме. Обвиняемый приложил немало усилий, чтобы убедить свою жену соблюдать церковные предписания и посещать мессу, но она отказалась.

Расспрашивала, какие люди присутствовали при совершении этих суеверных и некромантических деяний, какие люди принимали в них участие, какие инструменты использовались, какие произносились слова, какие совершались церемонии и делалось ли все это всерьез или в шутку; был ли кто-нибудь ее упрекнул и кем; продолжила ли она после упрека практику и была ли она в здравом уме.

Ответил, что в вышеупомянутом случае присутствовали различные лица, но их имена и места жительства ему неизвестны. В операциях участвовало много лиц, также неизвестных. Что касается используемых инструментов, то они уже были описаны, а также манеры и церемонии; что это было сделано не в шутку, и она была в здравом уме; и, наконец, что он часто упрекал ее, но безрезультатно.

Спросили, каков был возраст, внешность и место жительства данного лица.

Ответил, что ей около шестидесяти лет, она высокая, со смуглым цветом лица и живет в его доме.

Спросили, знает ли он, что какой-либо другой человек сказал или сделал что-либо, противоречащее нашей Святой католической вере или деятельности Святой Канцелярии.

Ответил: Нет.

Когда вышеуказанное было зачитано обвиняемому, он заявил, что оно было правильно записано и что ему нечего добавить или изменить в связи с этим; что это была правда, и произнесена им не по злему умыслу или недоброжелательству к своей жене, а исключительно повинувшись своей совести. Было предписано хранить тайну, что он и пообещал, поставив свою подпись.

Мануэль Баксо.

Хуан Педрольс, *комиссар*.

Передо мной—

Игнасио Рибес, *нотариус*.

* * * *

Преподобному викарию Санта-Мария-де-лос-Рейес, которому вверен район больницы Калледель-Санто, Барселона.

В этом Суде Святой Канцелярии желательно ознакомиться с поведением в религиозном, моральном и политическом отношении доктора дона Джозефа Болдрича, адвоката Королевской аудиенции и жителя Иерусалимской улицы, на углу напротив церкви Святого Августина, в этом городе. Чтобы узнать, соблюдает ли он предписания нашей Святой Матери-Церкви и его общий характер в религии и политике. С этой целью Трибунал распорядился направить вам инструкции приложить все возможные усилия для достижения этой цели, как при выполнении ваших обычных функций, так и путем осторожных и тайных расспросов у заслуживающих доверия лиц, не упуская в этих исследованиях ничего, что могло бы раскрыть его самые сокровенные мысли по указанным выше вопросам.

Вышеуказанные инструкции я сообщаю вам по приказу Трибунала. Да хранит вас Бог на долгие годы.

Королевский дворец инквизиции Барселоны, тридцатое октября 1818 года.

Дон Хосе Аймар-и-Солер, *секретарь*.

ОТВЕТЬТЕ НА ВЫШЕСКАЗАННОЕ.

Дону Джозефу Аймару-и-Солеру, секретарь.

Сэр,

Доктор дон Джозеф Болдрич неукоснительно следует предписаниям церкви и регулярно представляет мне свое свидетельство на этот счет. Я также выяснил путем расспросов, что у него хорошие политические взгляды и что он хорошо информированный и трудолюбивый человек. Более того, я могу заявить, что у меня никогда не было никаких претензий к нему, все эти сведения я передаю во исполнение возложенного на меня долга. Да хранит вас Бог на долгие годы.

Барселона, седьмое ноября 1818 года.

Клой Тубери, *пресвитер и викарий дель Пино*.

* * *

Преподобному Куре Парроко из Канельяса.

Этот Трибунал Святой Канцелярии желает знать религиозное, моральное и политическое поведение барона де Канельяса; следует ли он заповедям, касающимся Пасхи, и другим постановлениям нашей Святой Матери-Церкви; и, узнав, что он поселился в вашем городе, Трибунал распорядился, чтобы вы получили инструкции провести все возможные исследования

с этой целью, как при исполнении ваших обычных обязанностей, так и путем наведения справок с помощью заслуживающих доверия лиц, со всей надлежащей осторожностью и секретностью; удовлетворительного выполнения которых Трибунал ожидает от вашего благоразумия и рвения.

Эти инструкции я передаю по приказу Трибунала. Да хранит вас Бог на долгие годы.

Королевский дворец инквизиции Барселоны, четвертое ноября 1819 года.

Дон Хосе Аймар-и-Солер, *секретарь*.

ОТВЕТ.

Дону Хосефу Аймару-и-Солеру, секретарю Священной канцелярии Барселоны.

В соответствии с постановлением Трибунала Святой Канцелярии, я имею право заявить, что барон де Канельяс проживал в этом месте с начала 1815 года, за исключением случаев, когда он отсутствовал из-за сезона или своего здоровья, как в настоящее время; сейчас он находится в Манллеу, где он проживал с первого августа текущего года, с намерением провести там жаркие месяцы. Пока не установлено, когда он собирается вернуться, но я полагаю, что он твердо решил сделать это в январе следующего года.

Что касается его морального и религиозного поведения, он обычно посещает мессу один или два раза в день, очень набожно молится и предписывает то же самое всей своей семье; но когда у него случаются психические расстройства, что случалось три или четыре раза в течение шести лет, он становится в высшей степени френетичным и, как мне сообщили, изрекает богохульства, как еретик, хотя такого никогда не случалось в моем присутствии или в присутствии моего викария. Однако даже в этих припадках бреда он проявляет по отношению к нам некоторое уважение и страх. Его последний приступ, согласно тому, что мне удалось узнать, продолжался с января по конец апреля текущего года, в течение которого он вел себя самым необъяснимым образом, временами ведя себя очень регулярно, а временами как сумасшедший. Я полагаю, что за все это время он ни разу не отказался посетить мессу в указанное время, хотя и заявлял, что он не лучше собаки, что у него нет ни веры, ни надежды, ни милосердия, что все для него было сном и что он не верит в божественные тайны.

Иногда он впадал в бред и заявлял, что внутри него весь ад, и в таких случаях произносил самые ужасные богохульства. Наконец, по истечении вышеупомянутого периода, он успокоился, и я велел ему соблюдать таинства, относящиеся к Пасхе, пригрозив ему, в случае отказа, доносом моему прелату. Все угрозы и увещания, которые я мог использовать, некоторое время были бесплодны. Наконец, узнав, что отцы-миссионеры из Вильянуэвы должны были по-своему управлять этим приходом в ходе своих трудов, он прислал мне послание, в котором просил меня предоставить ему отсрочку на несколько дней, поскольку он был готов выполнять свои обязанности перед миссией. Однако, несмотря на заверения, которые я получил от отцов-миссионеров, они не посетили нас, и барон остался без исповеди, в таком состоянии он покинул это место ради того, в котором он сейчас пребывает.

В тысяча восемьсот восемнадцатом году он также отказался от вышеупомянутой обязанности в этом месте и провел Великий пост в колледже в столице, где исповедался и принял причастие,

как явствует из обычного свидетельства, которое он мне показал. Когда он в хорошем настроении, что случается большую часть времени, он проявляет внешне большое благочестие и рвение, очень заботясь о том, чтобы его религиозное богослужение сопровождалось всеми знаками уважения, и регулярно выплачивая суммы на поддержку моей церкви. Он также очень милосерден, и в этом я действительно могу засвидетельствовать, что он следует своей естественной склонности.

Отец Н. де Барбара, преподаватель философии францисканского монастыря в Виллафранке, проповедовал в этом месте во время последнего Великого поста и имел много споров с бароном, когда тот был в разгаре своих экстравагантных выходок. В ходе беседы барон высказал несколько утверждений, которые, если бы они исходили от человека в здравом уме, были бы доведены до сведения Святого Трибунала, но в его состоянии было сочтено за лучшее считать его сумасшедшим.

На самом деле, я убежден, что за редкие периоды перерыва на него нельзя смотреть как на здравомыслящего человека; и, наконец, при всем его исключительном благочестии и преданности делу церкви, милосердию к бедным и апостольском рвении в выступлениях против пороков этих несчастных дней, я вижу в нем огромный запас чрезмерного тщеславия и гордыни.

Вышеуказанную информацию я представляю Трибуналу Святой Канцелярии для применения в необходимых целях. Да сохранит вас Бог на долгие годы.

Francisco Marcer, *Cura Parroco*.
Канеллас, 18 ноября 1819 года.

Фискальный инквизитор заявляет, что, по его мнению, расследование вышеуказанного дела должно быть приостановлено и занесено в протокол за отсутствием доказательств.

Д. Кастильон.
Тайная комната, 23 ноября 1819 года.

Упомянутый инквизитор, ознакомившись с вышеупомянутым разбирательством на своей утренней аудиенции накануне, распорядился приостановить расследование из-за отсутствия доказательств и внести его в реестр под именем упомянутого лица.

Подтверждаю. Доктор Дон Сиро Вальс-и-Гели, *Секретарь*.

* * * *

Была получена ИНФОРМАЦИЯ, подтвержденная в этой Святой Канцелярии, что некий человек в присутствии других лиц, среди которых был Хуан Бонафос, хирург, проживающий в доме дона Антонио Канальеса, произнес следующие утверждения.

1. Что священники во время святой мессы не имеют силы низвести Христа с небес, что доказывается примером англичан, которые, хотя и являются столь образованным народом, все же не верят в это, что они сделали бы, если бы это было правдой, из-за своей великой проницательности.
2. Что французы поступили правильно, разрушив так много церковных и мирских общин, которые были причиной такого множества разногласий и стычек, разрушительных для короны и Апостольской Римско-Католической церкви.
- 3d. Что капелланы одеваются в черное, чтобы скрыть свое невежество, поскольку они ничего не знают.
4. Что нет ни ада, ни чистилища.
5. Что наивысшим позором, который мог бы постигнуть его в этом мире, было бы сделать одного из своих родственников монахом или бенефициаром прихода.
- 6-е. Что, если Трибунал прикажет его арестовать, у него дома есть оружие, и он будет сопротивляться, пока не убьет четверых или пятерых.

Вследствие этого, настоящим мы поручаем нашему комиссару доктору Антонио Амиллу провести обследование у доктора Андреса Фернандеса де ла Куэста, пресвитера, в качестве нотариуса указанного Хуана Бонафоса в соответствии с прилагаемой формулой. Имя и место жительства выступающего и тех, кто присутствовал, должны быть записаны, а также все обстоятельства времени, места и т.д., как предписано в вышеуказанном руководстве; все это должно быть направлено нам с этим поручением. Храни тебя Бог.

Королевский дворец инквизиции Барселоны, одиннадцатое июня 1791 года.

Лицензиат,

Дон Мануэль де Мерра-и-Панийгуа.

Доктор дон Педро Диас де Вальдес.

Хуан Антонио Альмонасид, *заместитель*.

В городе Барселона, одиннадцатого июля тысяча семьсот девяносто первого года, перед доктором Антонио Амиллом, пресвитером и комиссаром Святой Канцелярии, на основании поручения Святого Трибунала инквизиции Каталонии, и мной, Андресом Фернандесом де ла Куэста, пресвитером и нотариусом, поклявшись хранить тайну и добросовестно выполнять свои обязанности, предстал и дал клятву говорить правду и сохранять тайну Хуан Бонафос, хирург, уроженец деревни Сан-Лоренсо-де-ла-Муга, в епископстве Херона, в возрасте, как он заявил, двадцати одного года.

Спросили, знал ли он или предполагал причину, по которой его вызвали.

Ответил, что не знает.

Спросили, знает ли он, что какой-либо человек сказал или сделал что-либо, что противоречило или казалось противоречащим нашей Святой католической вере и евангельскому учению.

Ответил: Да, поскольку примерно шесть месяцев назад он слышал, как Джозеф Кох, хирург, уроженец Селлерна, в настоящее время проживающий в Барселоне, делал следующие утверждения.

1. Что священники и проч. [*Шесть утверждений, указанных выше.*]

В другом случае обвиняемый заявил ему, что он был в Картезианском монастыре, где он прочитал указ Святого Трибунала, запрещающий несколько книг, и среди них одну под названием "*Ависос де Мойзес*", вышеупомянутое лицо ответило, что, поскольку Христос отменил закон Моисея, он надеется, что придет другой Христос и отменит законы первого. Более того, он сказал ему, что у него были запрещенные книги, которые он фактически показал обвиняемому. Их названий обвиняемый не знает.

Задал вопрос, в каком месте вышеупомянутый Йозеф Кох сделал эти утверждения и какие лица присутствовали при этом.

Ответил, что это было в доме хирурга Барамона на улице лос-Фласадес; и что присутствующим был Антонио Трабе, хирург, который живет с доктором Торнером, бенефициадо Сан-Хусто.

Спросили, каков был возраст и внешность упомянутого Джозефа Коха.

Ответил, что, по его предположению, ему около тридцати трех лет; что он среднего роста, с худым, изрытым оспинами лицом и черными волосами.

Вышесказанное соответствует действительности, согласно присяге обвиняемого, который заявляет, что он сделал это заявление не по злему умыслу, а исключительно из добросовестных побуждений. После того, как ему зачитали, он заявляет, что все записано правильно. Я ставлю его подпись.

Хуан Бонафос.

Доктор Антонио Амилл, комиссар-пресвитер.

Передо мной —Хуан Бонафос.

Доктор Антонио Амилл, комиссар-пресвитер.

Передо мной—

Андрес Фернандес де ла Куэста,
комиссар-пресвитер, нотариус.

* * * *

В городе Барселона, двадцать второго марта тысяча восемьсот девяносто второго года, перед доктором Андресом Фернандесом де ла Куэста, пресвитером и комиссаром Святой Канцелярии, на основании поручения Священного Трибунала инквизиции Каталонии, и мной, Франсиско Джункой, пресвитером—нотариусом, назначенным для проведения этого расследования,

покаявшимся хранить тайну и добросовестно выполнять свой долг, - явился по вызову и принес официальную присягу заявить правду и сохранить тайну, Франсиско Бо, клерк инквизиции Каталонии. , уроженец и жительница Барселоны, проживающий на улице Калье дельс Таллерс, в доме Фаянсовой компании, на втором этаже, возраст, по его словам, тридцать восемь лет.

Спросили, знал ли он или предполагал причину, по которой его вызвали.

Ответил, что, по его предположению, это могло быть сделано с целью навести справки по следующему вопросу. Однажды, обедая в таверне Доминго, на улице ла-Паха, он услышал, как некий Эструх и еще один человек, служивший флейтистом в валлонской гвардии, говорили о французских делах. Упомянутый фэйфер выступал против христианской религии и Испании, а Эструх выступил против него. Среди прочего в разговоре этот фэйфер заметил, что верит только трем вещам; но в чем они заключались, обвиняемый вспомнить не смог — это было так давно — только одна из них, как ему кажется, касалась благотворительности. Он заявил, что у него много книг и он не боится инквизиции, поскольку он уже был вовлечен в некоторые споры относительно женщины, которые попали в ведение Святого Трибунала или некоторых должностных лиц. Больше из разговора, чем этот, он ничего не помнит.

Затем обвиняемому было сообщено, что была получена информация, подтвержденная им под присягой, о том, что некий человек произнес в его присутствии и в присутствии других лиц следующие утверждения; *что блуд не был грехом, а что касается остального, то все было исправлено путем раздачи милостыни бедным*. Когда другие люди упомянули заповеди, он ответил, что все они исполняются путем раздачи милостыни. Неуважительно отзываясь о церкви, он утверждал, *что монахи и капелланы только и делают, что едят и набивают брюхо; что церковь не преследует ничего, кроме своих собственных интересов, собирая десятину от конца года до конца; что у папы не больше власти, чем у любого другого человека; что он не верит ни в десятистолетие, ни в обязанность слушать мессу и исповедоваться, но только в то, что Бог есть, и что люди обязаны давать бедным, а не красть*. Когда разговор зашел о чудесах, совершенных заступничеством Святых, он заявил, *что не верит ни одному из них, потому что не был их свидетелем*. Когда были упомянуты те, кто принадлежал Христу, он сделал следующее замечание: *"Какой большой промежуток времени прошел с того периода до 1791 года! и все же вы им верите!"*, тем самым давая понять, что он им не верил.

Поэтому обвиняемому было рекомендовано во имя Бога, Господа нашего, и его Славной и Благословенной Матери, Нашей Владычицы, Девы Марии, одуматься и заявить всю правду.

Ответил, что слышал все эти утверждения, кроме первого и последнего, относящихся к чудесам.

Спросили, почему он не сообщил об услышанном в Святую Канцелярию, поскольку это так прямо противоречило Нашей Святой Религии и Евангельскому закону.

Ответил, что он был так занят своим обедом и продолжающимися спорами, что даже не подумал об обязательстве.

Спросили, по какой причине и с каким мотивом упомянутый игрок произносил эти скандальные выражения; сколько раз и какие лица при этом присутствовали. Также, был ли он в то время безумен или пьян, и был ли он упрекнут; сколько раз это делалось, и воздерживался ли он.

Ответил, что ему ничего не известно о причине, мотиве или конце произнесенных слов; что они были произнесены только один раз в указанный выше полдень в поле зрения и слуха обвиняемого. Что присутствовавшими были вышеупомянутый Доминго и некий Хуан, который, как он полагал, проживал на улице Кондаль, рядом с домом доктора Джунсии, на втором или третьем этаже; также еще один человек, которого он не помнил; что, по его мнению, он был в здравом уме, поскольку спросил упомянутого Доминго в присутствии Эструха, не слишком ли много выпил этот человек, на что тот ответил, что это не могло быть действием вина, поскольку в других случаях он выпивал больше. Что он не помнит, упрекали ли его, но только то, что они продолжали спорить.

Спросили, каков был внешний вид и возраст упомянутого игрока.

Ответил, что он среднего роста, около сорока лет и был садовником в цитадели; согласно его собственному заявлению, он принадлежал к гренадерской роте Бриаса.

Все вышесказанное является правдой в соответствии с присягой, данной обвиняемым, который также заявил, что заявления были сделаны им не по злему умыслу или недоброй воле, а исключительно для того, чтобы успокоить свою совесть. Все, что было зачитано в его присутствии, было объявлено им правильно записанным, и он поставил свою подпись.

Франсиско Бо.

Доктор Андрес Фернандес де ла Куэста,
пресвитер и комиссар.

Передо мной—

Франсиско Хунсия, *пресвитер-нотариус*
для этого расследования.

* * * *

В городе Барселона, четырнадцатого июня тысяча восемьсот второго года, перед преподобным Каэтано Туко, пресвитером и комиссаром, назначенным для проведения этого расследования, и мной, преподобным Хуаном Палолом, пресвитером-нотариусом, поклявшимся хранить тайну и добросовестно выполнять свои обязанности, добровольно явилась и дала клятву именем Бога, Господа нашего, объявить правду и сохранить в тайне все, по поводу чего ее могут допросить, женщина, называющая себя Марией Анной Саури, уроженка города Трем, в епископстве Барселоны. Уржель, возраст, как она заявила, сорок лет, проживающая в Барселоне двадцать шесть лет и в настоящее время проживающая на улице Басеа, на четвертом этаже дома напротив мастерской плотника, рядом с лестницей под названием "Ден Касадор". Она была вдовой Хуана Мартинеса, торговца, уроженца города Фигерас в епископстве Херона.

Спросили, почему она потребовала аудиенции у Священной Канцелярии.

Ответил: с целью передачи некоторых вопросов в Священный Трибунал.

Спросили, что имеет значение.

Ответила, что около шести месяцев назад она жила на улице Сан-Раймундо, недалеко от улицы дель Асальто, в доме между таверной с одной стороны и портняжной с другой. В этом районе проживала женщина по имени Тереза Сола, а после второго брака Саланова, уроженка Барселоны, в возрасте от сорока до сорока семи лет. Ее мужа звали Франсиско Саланова, по профессии он был ткачом и уроженцем Сан-Феликс-де-Льобрегат. Обвиняемый был свидетелем нескольких сделок между упомянутой Терезой Сола, ныне Салановой, и швейцарским солдатом полка по имени Бретха. Этого солдата звали Джозеф; другое его имя неизвестно, как и место его рождения. Информацию о нем можно было получить у некоего капитана по имени дон Феличе Кристи.

Обвиняемый видел, как эти двое взяли несколько живых лягушек, воткнули иголки им в глаза, грудки и спины и положили их в новый котел на большом огне. Это было сделано, как они сообщили ей, с целью принудить определенного мужчину к женитьбе. Она также видела, как они взяли три или четыре восковые свечи и зажгли их. Их они сжигали снизу вверх, одновременно поджигая розмарин, повторяя непонятные слова и делая разные движения ногами и руками.

Обвиняемый также видел, как они практиковались в операциях с картами с целью предсказания любых вещей, которые они выбрали. Она попросила их провести одно из них для нее и выяснить, скоро ли вернется из Валенсии человек по имени Висенте, которого она считала больным. Упомянутая Тереза перетасовала карты, а затем ответила мне, что он не болен и скоро вернется, что на самом деле и произошло, и вскоре появился вышеупомянутый Висенте. В то же время она сказала мне, что я нахожусь в большом затруднении, и если я дам ей и вышеупомянутому солдату по полдоллара, они позволят мне осуществить все мои желания. Я отдал им деньги и увидел, что они немедленно взяли фигурку дракона, привязанную за шею, и выставили ее на солнце. Это привело меня в такой ужас, что я попросил их воздержаться. После этого они вернули мне полдоллара, изрыгая проклятия, и упомянутая Тереза объявила, что со мной вот-вот случится непоправимое несчастье и что я буду вынужден продать все тряпки со своей спины, что, по правде говоря, и является моим нынешним состоянием; и хотя тогда я только посмеялся над предсказанием, они оба сказали мне, что я могу объявить всему миру, что они это сказали".

Обвиняемый далее заявил, что у указанной Терезы была спутница по имени Мария Анна Гитар, уроженка Барселоны и проживающая на улице Сан-Раймундо. Обвиняемый никогда не видел, чтобы этот человек совершал какие-либо суеверные действия, но слышал, что по случаю ссоры между ними было применено какое-то колдовство; также, что у упомянутой Марии Анны Гитар была сестра по имени Магдалена (имя ее мужа неизвестно), и обвиняемый слышал, как вышеупомянутая Тереза Сола, ныне Саланова, заявила, что ее сестра Магдалена не была на исповеди в течение восьми лет. В других случаях, когда эти двое ссорились, обвиняемый слышал, как упомянутая Магдалена восклицала: "Я не такая, как вы, которые ночью выкладывают на балкон охапки розмарина, чтобы сжечь на следующее утро".

Кроме того, обвиняемый видел, как упомянутая Тереза Сола, ныне Саланова, сжигала квасцы с какой-то суеверной целью, ей неизвестной. На этом мероприятии присутствовали еще два человека, а именно девушка по имени Антония, примерно двадцати трех лет от роду, уроженка Барселоны, проживающая с вышеупомянутой Терезой, и Раймундо Кампеньс, вдова Эстевы

Кампеньс, портного, проживающая на улице Сан-Раймундо, возраст которой, по-видимому, около сорока пяти лет.

Кроме того, обвиняемая вспоминает, что она видела, как упомянутая Тереза и вышеупомнутый солдат по имени Джозеф жгли квасцы с целью примирения между молодым человеком и женщиной по имени Магдалена, между которыми произошла ссора. Упомянутая Тереза также практиковала операции с картами и сжигала розмарин, чтобы достичь этой цели. В первом случае присутствовали вышеупомнутые Антония и Раймунда Кампеньс, а во втором - Хосефа Бардагер, девушка примерно двадцати лет, живущая на площади Пино, на втором этаже дома, расположенного на углу площади, и другие лица, которых она не помнит, поскольку она много раз была свидетельницей этих представлений между упомянутой Терезой и солдатом.

Упомянутая Тереза также сообщила ей, что у нее есть Святой Антонио на бумаге, который потеет всякий раз, когда вот-вот случится что-нибудь плохое, и что когда тасуется колода карт и выпадают туз пик и пятерка бубен, это означает смерть или задержание Святой Канцелярией. Обвиняемый далее заявил, что упомянутая Тереза имела обыкновение жечь розмарин и окроплять святой водой весь свой дом, пятаясь к двери; и что у нее была трава, которая предсказывала все, хорошее или плохое, что должно было произойти. На стебель этой травы она положила золотую или серебряную монету или кольцо; и обвиняемый в одном из таких случаев увидел, как черепица упала с балкона на улицу. В этой плитке был обломок серебряного ключа, золотое кольцо и семь реалов веллона.

Кроме того, обвиняемый слышал, что, когда упомянутая Тереза жила на улице Аролас, однажды из ее дома выбежала собака с сердцем быка, утыканным иглами, и что алькальд, имя которого обвиняемому неизвестно, вместе с соседскими мужчинами и мальчишками поймали собаку и сожгли ее посреди улицы.

Обвиняемый также видел, как упомянутая Тереза сожгла девять тарелок и три нитки хлопка, что, по ее словам, было сделано для того, чтобы разбить сердце определенному человеку. Она также рассказала обвиняемому, что в ночь на день Святого Иоанна она отправилась собирать листья определенных трав в место под названием Тринидад, где похоронены повешенные преступники. Ее сопровождали три или четыре женщины и мужчина, который был фонарщиком. Имена ни одной из них не были известны обвиняемому. Трое или четверо мужчин вышли и забросали их камнями, ни в кого не попав. Она также сообщила обвиняемому, что при ней были медали и распятие Святой Канцелярии.

Кроме того, обвиняемый заявил, что она просила ее выяснить, скоро ли вернется в Барселону ее знакомый в Валенсии; и упомянутая Тереза Сола, ныне Саланова, посоветовала ей пойти и купить колоду французских открыток в магазине Revella на площади Пласа дель Анхель. Обвиняемый так и сделал и заплатил за них два реала. Когда карты были предъявлены, была произведена операция, и она объявила, что он скоро вернется и что с ним случилось несчастье, потому что, направляясь навестить свою сестру, он упал с лошади и сломал ногу. Затем она также заявила, что в половине седьмого утра следующего дня он будет в Барселоне; все это оказалось правдой, поскольку в половине седьмого он постучал в дверь и сказал, что был в гостях у своей сестры, которая была монахиней, и упал с лошади и сломал ногу.

Кроме того, обвиняемая заявила, что она видела гадания с помощью карт, проводимые хирургом швейцарских солдат в полку под названием Бреткский полк, который сейчас

находится в Мадриде. Этого хирурга звали Дон Фелипе. Другое его имя обвиняемому неизвестно. Она также видела у него книгу, заполненную изображениями гробниц, злых духов и скелетов; и хирург сказал ей, что в ней содержатся материалы, подлежащие осуждению. По этому случаю присутствовала жена полковника швейцарского полка по имени донья Мария. Другого ее имени и места рождения обвиняемый не знал; знал только, что, когда полк находился в Барселоне, упомянутая донья Мария проживала на Калле Нуэва дель Асальто.

Спросили, что еще она знала или должна была рассказать.

Ответила, что видела, как вышеупомянутые практики выполнялись так часто, что забыла очень многие примеры.

Спрашивал, какие лица присутствовали при любом из вышеперечисленных случаев.

Ответила, что она уже назвала их.

Спросили, видела ли она или слышала, что какой-либо другой человек сказал или сделал что-либо против Нашей Святой католической веры или против деятельности этой Святой Канцелярии.

Ответила, что больше ей ничего не известно, а если бы и знала что-нибудь, то должна была рассказать об этом раньше.

Спросили, почему она терпела, чтобы прошло так много времени без предоставления информации.

Ответила, что она не знала о своем долге сделать это, пока, рассказав об этом своему духовному отцу, он не приказал ей изложить все это перед Святым Трибуналом.

Спросили, как выглядела вышеупомянутая Тереза Сола, ныне Саланова; солдат; Мария Анна Гитар и ее сестра.

Ответил, что Тереза Сола, ныне Саланова, была человеком хорошей фигуры, несколько мясистой, со смуглым цветом лица, красноватыми глазами, каштановыми волосами и маленькими руками, без каких-либо отличительных шрамов. Что Мария Анна Гитар была высокой женщиной с уродливым рябым лицом, цвет ее глаз, волос и т.д. не помню. Что ее сестра Магдалена была маленького роста, с таким же уродливым и рябым лицом; другие характеристики были забыты. Солдат по имени Джозеф был человеком хорошей комплекции, с длинным бледноватым лицом и каштановыми волосами; другие приметы не запомнились.

Вышеизложенное, зачитанное обвиняемой, было объявлено ее собственным заявлением и достоверно записано. Она заявила, что ей нечего исправить в его содержании, за исключением того, что вышеупомянутая Магдалена была сестрой не упомянутой Терезы, а Марии Анны Гитар. Она подтвердила, что сделала это заявление не по злому умыслу или недоброжелательству к вышеупомянутой Терезе Сола, ныне Салановой, солдату Джозефу, Марии Анне Гитар и ее сестре Магдалене; но исключительно для того, чтобы успокоить свою совесть. От нее требовалась тайна, которую она обещала сохранить, и, не имея возможности писать, я, нынешний Комиссар, подписываюсь ее именем.

Каэтано Туко, *пресвитер и комиссар*.

Передо мной—

Джоан Палол, *пресвитер, комиссар и нотариус*.

В городе Барселона восемнадцатого июня тысяча восемьсот второго года передо мной, Каэтано Туко, пресвитером и комиссаром, назначенным для проведения этого расследования, и мной, преподобным Хуаном Палолом, пресвитером-нотариусом, оба поклялись хранить тайну, предстали и принесли клятву именем Бога, Господа нашего, объявить правду и сохранить тайну, Мария Анна Саури, вдова, также присутствовала в качестве честных и религиозных людей, пресвитеры, имена которых подписаны ниже.

Спросили, помнит ли она, что делала заявление перед служителями Святой Канцелярии против каких-либо лиц за известные ей преступления.

Ответил и по существу изложил все предыдущее заявление. Она попросила, чтобы его представили и зачитали.

Затем обвиняемый был проинформирован о том, что фискал Святой канцелярии представил ее в качестве свидетеля *ad perpetuam rei memoriam* в деле под его руководством против упомянутой Терезы Сола, ныне Салановой, против швейцарского солдата по имени Джозеф, против Марии Анны Гитар и против ее сестры Магдалены, имя мужа которой неизвестно. Обвиняемой было предписано быть внимательной во время чтения ее заявления, и если она найдет что-либо, что может дополнить или изменить его содержание, изложить это таким образом, чтобы заявить правду, поскольку ее утверждения могут нанести ущерб указанным лицам. Затем вышеупомянутые показания были зачитаны *de verbo ad verbum*, причем обвиняемый выслушал и понял то же самое.

Обвиняемый заявил, что это были ее идентичные показания, как они были зачитаны и записаны; что ей нечего добавить или изменить относительно них, поскольку все это было правдой, которую она засвидетельствовала и подтвердила; и что в случае необходимости она была готова повторить все это против упомянутых Терезы, Марии Анны, Магдалены и солдата, а также против хирурга дона Фелипе, не по злему умыслу или недоброжелательству, а исключительно для того, чтобы успокоить свою совесть. От нее снова потребовали соблюдения секретности, которую она пообещала соблюдать, и поскольку обвиняемый не может писать, я, упомянутый Комиссар, подписываюсь от ее имени вместе с честными людьми.

Каэтано Туко, *пресвитер и комиссар*.

Франсиско Пальмарола, *пресвитер*.

Антонио Уге, *пресвитер*.

Передо мной—

Хуан Палол, *пресвитер, комиссар и нотариус.*

КАЭТАНО ТУКО, ПРЕСВИТЕРУ-КОМИССАРУ.

В связи с недостатком информации, касающейся дачи показаний Марианой Саури, вдовой, уроженкой Тремпа, проживающей в Барселоне, на улице Басеа, на верхнем этаже дома напротив столярной мастерской, Трибунал постановил поручить вам со всей возможной оперативностью провести расследование в отношении характера и ответственности вышеупомянутого лица, а также доверия к ее показаниям; также в отношении характера и поведения Терезы Салановой, жены Франсиско Салановы, ткача, проживающей, как выясняется, на улице Сан-Раймон, между таверной и магазином. и мастерская портного. Вы также должны задать те же вопросы относительно жизни и характера Джозефа ..., солдата швейцарского полка Ветчар, и соответствуют ли эти люди предписаниям Церкви в отношении ежегодной исповеди и пасхального причастия. Эти приказы я передаю для вашего исполнения. Да хранит вас наш Господь.

Королевский дворец инквизиции Барселоны, 28 июня 1802 года.

Доктор Дон Сиро Вальс-и-Гели, *секретарь.*

САМОМУ ПРОСЛАВЛЕННОМУ ИНКВИЗИТОРУ.

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ СЭР,

Я навел справки у викария района Калле-Нуэва-де-Асальто и других улиц с целью выяснить характер и поведение Терезы Сола, ныне Салановы, и девушки Антонии, которая живет с ней и имя которой до сих пор было неизвестно, но теперь установлено, что это Антония Коста. Эти два человека живут на третьем этаже дома, который находится на углу улицы Калле-де-ла-Гуардиа. Из *картепасио* общин было установлено, что ни упомянутая Тереза Саланова, ни Антония Коста в течение текущего года не представили своих свидетельств о пасхальном причастии.

Что касается солдата по имени Жозеф из швейцарского полка Ветчар, то мне не удалось узнать ничего, кроме того, что этот полк сейчас находится в Мадриде.

Вышесказанное является сутью того, что мне удалось узнать, и я сообщаю то же самое, чтобы ваше превосходительство могли применить это в надлежащих целях. Да сохранит Бог жизнь вашего Превосходительства на долгие годы.

Барселона, 2 июля 1802 года.

Ваш самый смиренный капеллан, который целует руки вашему Превосходительству,

Каэтано Туко, *пресвитер-комиссар.*

САМОМУ ПРОСЛАВЛЕННОМУ ИНКВИЗИТОРУ.

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ СЭР,

Я предпринял самые тщательные поиски информации, касающейся характера и жизни Марии Анны Саури, вдовы, но не могу установить, какую степень доверия следует приписать ее свидетельству. Преподобный Антонио Уге, пресвитер, сообщил мне, что он кое-что знает о ней, поскольку все эти люди принадлежат к городу Тремп. Однако он не может сказать, какую жизнь она ведет, и знает только, что она была в Галерее. Я навел справки у Пачионеро дель Пино, и он заявил мне, что видел ее в Галерее, где она тогда находилась под стражей за контрабанду. Больше о ней ничего не было известно.

Я с помощью викария дель Пино обследовал *картепасио* общин всего района Калле-де-Асальто, Калле-де-Ланкастре, Калле-ден-Гуардиа, Калле-дель-Ольмо, Калле-де-Сан-Олагер, который, как предполагается ею в ее показаниях, должен быть второй Калле-де-Сан-Рамон, всей Калле-де-Сан-Рамон и всех переулков. Ни в одной части *картепасио* нет имени Марианны Саури. Затем я отправился в Санта-Мария-дель-Мар, поскольку улица Басеа, где она проживает, находится в этом приходе, и здесь, в *картепасио* общин, ее нашли, но больше ничего, что могло бы меня направить. Она уехала из Барселоны, то ли в Тремп, то ли в Фигерас, я не могу точно определить.

Вышеуказанную информацию я сообщаю вашему Превосходительству для применения в надлежащих целях.

Барселона, 2 июля 1802 года.

Ваш самый смиренный капеллан, который целует руки вашему превосходительству.

Каэтано Туко, *пресвитер и комиссар*.

* * *

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ СЭР,

Отец отец Висенте Ксаус, францисканец, проживающий во францисканском монастыре Херона, по дополнительному сакраментальному поручению Эулалии Форкат, проживающий в госпитале этого города, с намерением взять на себя обязанности сестры, сообщает Святому Трибуналу, что Джозеф Жальберт, торговец, проживающий, как и другие упомянутые лица, в этом городе Барселоне, а ныне проживающий в Кальехуэла-де-Сан-Антонио, в доме, где торгует травами, произнес около двух лет назад некие оскорбительные высказывания о священнослужителях, как светских, так и обычных, о том, что они были сборищем бродяг, и что он не давал им денег, и о многих других вещах, о которых она забыла. Эти слова были сказаны в доме и в присутствии сеньора Франсиско Галупа, торговца, проживающего на улице Мерсед, который может предоставить дополнительную информацию о фактах. В другой раз, в присутствии вышеупомянутой Эулалии Форкат и Августины Буксерас, жительницы Калле де

Басеа, помимо своих обычных речей, описанных выше, он взял бумагу, на которой была изображена фигура Святого, и натер ею свои ягодицы поверх одежды. Упомянутая Эулалия также видела, как он открыл книгу, содержащую множество неприличных рисунков.

Более того, от имени того же человека он сообщает Святому Трибуналу следующее. Отец О. Антонио Пуч из Барселоны, монах моего серафического ордена, проживающий в Большом монастыре Барселоны, что меня чрезвычайно огорчает, услышав признание этой особы, в котором она сообщила ему, что она умерщвляет себя применением уголовной дисциплины, однажды он посетил ее, когда она была прикована к постели из-за недомогания, и, говоря о своей епитимье, она обнаружила у него часть своего тела, на которую она наложила ее, когда вышеупомянутый Отец осмотрел ее и пощупал рукой, спросив, не болит ли у нее там, где он наложил ее. тронутый. Это дело, слава Богу, дальше не пошло.

Далее он утверждает, что упомянутый Отец поступил с вышеупомянутой Августинкой еще хуже, чем это, как он узнал из ее собственных уст. Из ее признания он узнал, что она также занималась карательными упражнениями, и однажды пришел к ней домой, где наказал ее так жестоко, что она не могла сесть. Она послала за вышеупомянутой Евлалией, чтобы та осмотрела ее, опасаясь, что та получила какую-нибудь рану. Упомянутая Эулалия не помнит, что она утверждала, что он уже дважды наказывал ее, но помнит, что она утверждала, что видела непокрытую часть тела доброго Отца.

По этим вопросам Священный Трибунал возбудит необходимое разбирательство.

П. Висенте Ксаус, *францисканец*.

Жерона, 2 июня 1807 года.

P. S. Оба вышеперечисленных случая произошли около двух лет назад. Тем не менее, через несколько дней после исповеди я помню, что упомянутая Эулалия сказала мне, что они продолжали исповедоваться тому же Отцу.

В городе Херона, двадцатого июня тысяча восемьсот седьмого года, перед доктором Нарцисо Коллом, пресвитером, почетным инквизитором и комиссаром, назначенным для проведения этого расследования, и мной, Джозефом Газуллом, пресвитером-нотариусом, оба поклялись хранить тайну и добросовестно выполнять свои обязанности, добровольно явились и дали клятву говорить правду и сохранять в тайне все, что ей известно и о чем ее могут допросить, особа, называющая себя Эулалией Форкат, из города Барселона, в возрасте около тридцати лет, женщина монахиня и сиделка за подкидышами в Королевском госпитале этого города.

Спросили, знала ли она или предполагала причину, по которой ее вызвала Святая канцелярия.

Ответила, что она не знает.

Спросили, знала ли она или слышала, что какой-либо человек сказал или сделал что-либо, что противоречило или казалось противоречащим Нашей Святой католической вере и Евангельскому закону или справедливым действиям Святой Канцелярии.

Ответила, что около двух лет назад, находясь в этом городе и служа прислугой в доме сеньора Франсиско Галупа, торговца, на улице Калле де ла Мерсед, она неоднократно слышала, как Джозеф Жальберт, торговец, молодой человек, уроженец Пуччерды, который в течение года вел дела в этом доме, а затем переехал со своими родителями на улицу Сан-Антонио, произносил различные оскорбительные слова в адрес священников, как светских, так и обычных, часто споря за столом с упомянутым сеньором Франсиско Галупом по вопросам религии. религия, заявляющая, что священники были сборищем бесполезных бродяг и что их следовало бы пристроить к работе, с другими утверждениями того же рода, которые неоднократно произносились в присутствии обвиняемого и Августины Буксерас, обеих прислуг в доме, сеньоры Марии Галуп, Каэтано Галуп и сеньора Франсиско Галупа. Он настаивал на этом, несмотря на то, что все они останавливали и упрекали его, в частности вышеупомянутый сеньор Франсиско Галуп.

В другом случае обвиняемый, находясь в компании вышеупомянутой Августины Буксерас на кухне дома, вышеупомянутый Джозеф Джалберт взял бумагу, на которой была изображена фигура Святого, и с одобрением религии провел ею позади себя поперек своей одежды. И когда они упрекнули его по-христиански, он рассмеялся и покинул их. В то же время она увидела в комнате, в которой он жил, три книги, переплетенные на французский манер, небольшого размера и содержащие очень неприличные изображения мужчин и женщин. Ни автор книг, ни тематика не были ей известны, так как они были на французском. Он держал их при себе, пока оставался в доме, и, уезжая, забрал их с собой.

Спросили, каков был возраст, внешность, место жительства и т.д. вышеупомянутого лица.

Ответил, что ему тогда было около двадцати одного или двадцати двух лет, среднего роста, мясистый, с несколько удлиненным лицом и льняными волосами. Он не был женат и занимался коммерческой деятельностью. Она полагала, что в настоящее время он живет в Барселоне.

Спросили, знала ли она, что какой-либо другой человек сказал или сделал что-либо, что противоречило нашей Святой Вере или казалось противоречащим справедливым действиям Святой Канцелярии.

Ответ: Нет.

Когда ей зачитали вышеизложенное, она заявила, что оно было точно записано в соответствии с ее собственным заявлением, и что ей нечего добавить или изменить в отношении него, поскольку это правда. Далее она заявила, что сделала это не по злему умыслу или недоброжелательству к упомянутому Джозефу Джалберту, а исключительно для того, чтобы успокоить свою совесть. От нее потребовали соблюдения секретности, что она и пообещала; и, поскольку обвиняемый не может писать, я, упомянутый Комиссар, подписываюсь ее именем.

Нарцисо Колла, пресвитера, и за
указанного Обвиняемого.

Передо мной—

Джозеф Газулл, пресвитер-нотариус.

В городе Херона, двадцать пятого июня тысяча восемьсот седьмого года, перед доктором Нарцисо Коллом, пресвитером, комиссаром, уполномоченным проводить это расследование, и мной, Джозефом Газуллом, пресвитером-нотариусом, поклявшимися хранить тайну и добросовестно выполнять свои обязанности, предстала и дала клятву заявить правду и сохранить тайну Эуалия Форкат, и, присутствуя в качестве честных и религиозных людей, преподобный Гинес Торрент и преподобный Томас Парелла, оба пресвитеры-бенефициадоры церкви. Святая Церковь, поклявшаяся хранить тайну. Она была

Спросили, помнит ли она, что делала заявление перед служителями Святой Канцелярии против какого-либо лица за известные ей преступления.

Ответил, повторив по существу предыдущее заявление от двадцатого июня текущего года, сделанное в присутствии комиссара и нотариуса, имена которых подписаны ниже. Она попросила, чтобы его предъявили и прочитали.

Затем обвиняемый был проинформирован о том, что фискал-покровитель Святой Канцелярии представил ее в качестве свидетеля *ad perpetuam rei memoriam* в деле под его руководством против лиц, упомянутых в упомянутом заявлении. Ей было приказано внимательно слушать его во время чтения, и если она найдет что-нибудь, что можно добавить или изменить относительно его содержания, сделать это таким образом, чтобы заявить правду, поскольку то, что она сейчас произнесет, может нанести ущерб вышеупомянутым лицам. Заявление, сделанное перед вышеупомянутым комиссаром и нотариусом двадцатого июня текущего года, было затем зачитано *de verbo ad verbum*, и обвиняемый выслушал и понял то же самое.

Она заявила, что это было ее заявление, и оно было правильно записано; что ей нечего добавить или изменить в отношении него, поскольку оно было правдой, и она подтвердила это то же самое, и при необходимости была готова повторить все заново против упомянутого Джозефа Джалберта не по злому умыслу или недоброжелательству, а исключительно для того, чтобы успокоить свою совесть. Ей было предписано соблюдать тайну, которую она обещала соблюдать, и поскольку обвиняемый не может писать, я, упомянутый Комиссар, подписываюсь от ее имени вместе с честными людьми.

Нарцисо Колль, комиссар,
и для указанного Свидетеля.
Гинес Торрент, пресвитер,
с тем же именем.
Томас Парелла, пресвитер.

Передо мной—

Джозеф Газулл, пресвитер-нотариус.

В городе Херона, двадцать второго июня тысяча восемьсот седьмого года, перед доктором Нарцисо Коллом, пресвитером, почетным инквизитором и комиссаром, назначенным для проведения этого расследования, и мной, Джозефом Газуллом, пресвитером-нотариусом, поклявшимся хранить тайну и добросовестно выполнять свои обязанности, добровольно явилась и дала клятву говорить правду и сохранять в тайне все, что ей известно и о чем ее могут допросить, особа, называющая себя Эулалией Форкат, из города Барселона, в возрасте около тридцати лет, женщина монахиня, ухаживающая за подкидышами в Королевском госпитале этого города.

Допрашивали, знала ли она или подозревала причину, по которой ее вызвали в Святую канцелярию.

Ответила, что она не знает.

Спросили, знала ли она или слышала, что какой-либо человек сказал или сделал что-либо, что противоречило или казалось противоречащим нашей Святой католической вере и Евангельскому закону, или против справедливой деятельности Святой Канцелярии. Ответила, что в данный момент она ничего не может вспомнить.

Спросили, знала ли она или слышала, что кто-либо из священнослужителей допускал грубости по отношению к кому-либо другого пола, часто слыша их на исповеди.

Ответила, что все, что ей известно, это следующее; около двух лет назад она служила прислугой в этом городе вместе с Агустиной Буксерас, которая впоследствии жила в семье Пуччека, пуговичного мастера, на площади Басеа в Барселоне, и, находясь в то время в доме сеньоров Франсиско Галупа и Каэтано, торговцев, на улице Мерсед в Барселоне, она несколько раз слышала, как упомянутая Агустина заявляла, что, исповедуясь преподобному отцу О. Антонио Пуч из Барселоны, из ордена Сан-Франциско де Асис, он много раз приказывал ей вечером идти в комнату у входа в церковь монастыря Сан-Франциско, по правую руку, где он наказывал ее и заставлял делать то же самое с собой, и что он делал это также в доме вышеупомянутых сеньоров Галуп. Об этом обвиняемый узнал из уст упомянутой Агустины, а также при повторном осмотре ее лица, когда она обнаружила, что ее ягодицы были черно-синими и что с ней, очевидно, жестоко обращались.

Упомянутая Агустина также сообщила ей, что в одном или нескольких из этих случаев, когда она находилась в комнате с вышеупомянутым Духовником у входа в монастырь, он снял с нее нижнюю юбку и корсет, чтобы наказать ее; в то же время он обнажил спину, что, как она предположила, было сделано с целью продемонстрировать эффект своего бичевания. Эти исповеди и наказания продолжались, как узнала обвиняемая, некоторое время, когда, обнаружив, что он ничего не сделал для того, чтобы добиться ее принятия в качестве монахини в какой-нибудь монастырь, о чем она мечтала, она оставила его и стала искать другого Духовника. Что еще было сделано, неизвестно.

Затем обвиняемой сообщили, что в эту Святую Канцелярию поступила информация о том, что в указанное выше время, когда она была прикована к постели из-за какого-то недомогания, ее навещал Духовник, и в беседе о наказаниях за умерщвление плоти он обнажил часть ее тела, осмотрел ее и прикоснулся руками к местам, где она выполняла свою дисциплину, спрашивая,

чувствует ли она какую-либо боль, когда он прикасается к ним. Поэтому, в силу данной ею клятвы, ее призвали одуматься, внимательно обдумать этот вопрос и заявить правду.

Ответил, что все это правда; что это произошло в вышеупомянутом доме сеньоров Галуп с вышеупомянутым отцом о. Антонио Пуч, ее Духовник, и что в этот раз она не исповедовалась ему сама. Она не помнила, как долго потом обходилась без признания и как долго откладывала последующее признание тому же человеку. Однако она продолжала общаться с ним, но никогда не заговаривала на эту тему. Она не знала, обращался ли вышеупомянутый Отец когда-либо к кому-либо во время исповеди или в любое другое время, и никогда не слышала, чтобы кто-либо заявлял, что не было никаких обязательств сообщать о таких вещах в Святую Канцелярию, но слышала обратное от своего нынешнего Духовника, отца о. Висенте Ксауса, монаха того же ордена, а ныне монахини в этом городе Херона.

Спросили, каков был возраст и внешность упомянутого отца о. Антонио Пуч, а также его состояние, место жительства и т.д.

Ответила, что, по ее мнению, ему меньше сорока лет, что он среднего роста, довольно худощавый, с красивым лицом, большими черными глазами и бровями, волосы и борода немного побелены, и что, по ее мнению, он проживает в Барселоне как один из четырех обычных исповедников вышеупомянутого монастыря.

Вышеизложенное было зачитано в ее присутствии, она подтвердила, что оно было правильно записано в соответствии с ее заявлением; что ей нечего добавить или изменить в отношении этого, поскольку это была правда; и что это было произнесено ею не по злему умыслу или недоброжелательству к вышеупомянутому священнослужителю, а исключительно для того, чтобы успокоить свою совесть. От нее потребовали соблюдения секретности, что она и пообещала, и, поскольку я, упомянутый комиссар, не могу писать, я подписываюсь ее именем.

Нарцисо Колль, комиссар
и пресвитер Обвиняемого.

Передо мной—

Джозеф Газулл, пресвитер-нотариус.

* * * *

В Королевском дворце инквизиции Барселоны, двадцать девятый день августа тысяча семьсот восемьдесят первого года, лицензиат инквизиции доктор Мануэль де Мерра-и-Паниагуа приказал явиться к нему по вызову иностранцу, обосновавшемуся в этом городе, который, присутствуя, официально поклялся говорить правду и сохранять тайну в отношении всего, что ему известно, и относительно чего его могут допросить, и в отношении всего, что он может увидеть или понять, и всего, что может с ним случиться.

Допрошен, его имя, место рождения, жительства, состояние, возраст и род занятий.

Ответил, что его зовут Педро Ремсон; что он родился в городке Сен-Жан в округе Лаваль во Франции; что он прожил в этом городе четыре года, занимаясь торговлей бельем; что у него нет жены, и ему около тридцати пяти лет.

Допрошен, знал ли он или предполагал причину, по которой его вызвали в этот Трибунал.

Ответил, что он не знает и не строит догадок.

Допрашивали, не сказал ли он или не сделал ли чего-либо, что входило или казалось относящимся к ведению Святой Канцелярии или противоречило нашей Святой католической вере и евангельскому Закону.

Ответил, что он никогда не говорил и не делал ничего, противоречащего католической вере, и ничего, относящегося к ведению Святой Канцелярии.

Затем ему сказали, что информация была получена и приведена к присяге в этой Святой Канцелярии, что он, обвиняемый, произнес определенные речи, касающиеся вопроса, который подпадает под юрисдикцию Святой Канцелярии; что его вызвали для допроса в связи с этим, и что ему не мешало бы признаться во всем, прежде чем его к этому принудят.

Ответил, что он уверен, что никогда не говорил и не делал ничего подобного, если только нижеследующее не может быть названо таковым. Примерно год назад, беседуя с Карлосом Кокетом, с которым он жил в этом городе, говоря о Богородице, Марии и ее образе, обвиняемый подтвердил, что Святая Дева Богородица была единственной и что нет никакой разницы между образом Богородицы, Марии и любым другим. В другой раз, примерно в то же время, он сказал вышеупомянутому Коке, что во Франции не обязаны предъявлять сертификаты о соблюдении ежегодных предписаний сакраментальной исповеди и причастия; что он считает это обременительной практикой и подвергается большим злоупотреблениям, и что, как он понял, эти сертификаты часто продаются лицам, которые не решают соблюдать предписание, о чем он слышал публично в кофейнях и клубных комнатах, но не помнит, какими лицами.

В другой раз, обнаружив, что масло, которое он ел, не пришлось ему по вкусу и не соответствовало его вкусу, он заметил упомянутому Кокетке, что, по его мнению, ему не следует злоупотреблять говяжьим жиром в постные дни вместо масла.

В другой раз, примерно в то же время, находясь за городом, Хосефа Коке, жена вышеупомянутого Карлоса Коке, просматривала его книги, среди которых она нашла одну, озаглавленную "Генриада" Монса. Вольтера, книга которого принадлежала Бернардо Карлесу, французу, который проезжал через этот город в Андалусию и передал книгу на хранение обвиняемому. Он получил ее, зная, что это запрещенная книга. Когда обвиняемый вернулся в город, упомянутая Хосефа Коке с таинственным видом сказала ему, что она видела эту книгу и что ее Духовник приказал ей сообщить о ней в Святую Канцелярию. Он ответил, что она поступила неправильно и должна была отказаться от книги, упомянув об этом. Он протянул ей ключ от своего письменного стола, чтобы она могла посмотреть, нет ли у него еще какой-нибудь плохой или запрещенной книги.

На другой день, беседуя с вышеупомянутым Коке о непогрешимости папы, обвиняемый заявил, что, поскольку он никогда ни в одной книге не читал, что папа непогрешим, хотя он верил и считал его главой церкви, все же он убежден, что непогрешим только Бог; что катехизис,

которому его учили во Франции, не утверждает, что папа непогрешим, и поэтому он в это не верит; но если его духовник или любой другой ученый человек скажет, что он непогрешим, он должен этому поверить; на что Коке обиделся и удалился в свою квартиру. Кроме этого, он не помнил, чтобы говорил или делал что-либо, связанное с вопросами религии, и если бы ему стало известно о чем-либо, что было передано в Святую Канцелярию, он бы раскрыл все, что знал, с такой же искренностью.

Затем ему сказали, что информация была получена и приведена к присяге в этой Святой Канцелярии, что он, обвиняемый, сказал, что он масон и у него есть книга, содержащая конституции этого общества, что он достал книгу, прочитал часть из нее и заявил, что в ней нет ничего противоречащего католической религии; более того, что человек, которому он сделал эти утверждения и прочитал книгу, выдвинул некоторые возражения и посоветовал ему спрятать книгу и позаботиться о том, чтобы она не стала достоянием инквизиции, поскольку они накажут его, он рассмеялся над ним.

Ответил, что это ложь, что он когда-либо говорил кому-либо, что он масон, поскольку он не был и никогда не состоял в этом ордене, хотя он поддерживал связь с некоторыми из них во Франции, обедал с ними и видел, как они разговаривали друг с другом с помощью знаков; также, что у него никогда не было и не говорил, что у него есть книга, содержащая их конституции, и хотя у него когда-то была книга, восхваляющая масонов и восхваляющая их благотворительность и другие добрые дела, все же это ложь, что он когда-либо читал какую-либо часть того же самого масонам. любое лицо; что он сжег эту книгу вместе с некоторыми другими бумагами в присутствии вышеупомянутой Жозефы Коке и что он не помнит, чтобы делал вменяемые ему утверждения.

Затем ему сказали, что также была получена информация, подтвержденная им под присягой, о том, что он, обвиняемый, по определенному случаю передал другому лицу книгу, автором которой был Монс. Вольтер, сообщив ему, что она находилась у него в течение пятнадцати лет; и что некий священнослужитель порицал его за это, он ответил, что книга не принадлежала ему, и что в тот же день в присутствии вышеупомянутого лица он сжег несколько бумаг, сказав, что сделал это из страха перед инквизицией.

Ответил, что первая часть этого утверждения ложна, а именно та, которая относится к работе Монса. Вольтера, и что ничто из этого не было правдой, за исключением того, что, по его словам, уже произошло между ним и Жозефой Коке; что это правда, что он сжег в ее присутствии книгу, восхваляющую масонов, "историю инков Перу" и некоторые документы, относящиеся к развлечениям, устроенным принцу Шартрскому, который считался главой масонов, а также что он заявил, что сделал то же самое из страха перед инквизицией.

Было уже поздно, аудиенция закрылась, и обвиняемому было приказано явиться снова на следующее утро. Ему прочитали все целиком, и он объявил, что это правда, что я подтверждаю.

Педро Ремуссон.

Хуан Антонио Альмонасид, *заместитель*.

* * * *

Членам Трибунала инквизиции Каталонии в их Королевском дворце в Барселоне.

Барселона, 20 марта 1802 года.

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ СЭР,

Я должен сообщить вашему превосходительству некоторую информацию относительно определенного лица, произнесшего в моем присутствии некоторые слова, которые, как мне представляется, известны вашему превосходительству. Различные причины помешали мне предстать перед уважаемым судом вашего превосходительства и разоблачить все дело. Я надеюсь, что ваше превосходительство окажет мне такое благосклонное отношение, что я получу показания от какого-нибудь духовного лица. Я живу на улице Анча, во второй комнате дома, который образует угол Кальехон-де-ла-Плата, № 1, и если говорить более конкретно, то мой дом находится так близко от дома сеньора дона Хуана Ларры, что их не разделяет ничего, кроме вышеупомянутого Кальехона.

Покорнейшая слуга Вашего Превосходительства,
Мария Бернарда Халлег, жена
*дона Педро Халлега, капитана
полка Рутимана.*

В городе Барселона, третьего июня тысяча восемьсот второго года, перед доктором Андресом Фернандесом де ла Куэста, пресвитером и комиссаром, назначенным для проведения этого расследования, и мной, преподобным Каэтано Туко, пресвитером, комиссаром и нотариусом поданному случаю, поклявшимся хранить тайну и добросовестно выполнять наши обязанности, добровольно явилась и дала клятву заявить правду и сохранить в тайне все, что ей известно и о чем ее могут допросить, особа, называющая себя Доньей Марией Бернардо Халегг, жена дона Педро Халлега, капитана полка Рутимана, уроженка городка Эстипона в провинции Андалусия, возраст, по ее словам, двадцать четыре года, проживающая на улице ла-Плата.

Спросили, знала ли она или предполагала причину, по которой ее вызвали в Трибунал Святой Канцелярии.

Ответила, что, по ее предположению, это произошло из-за письма, которое ее Духовник написал от ее имени в Святую Канцелярию, в котором она заявила, что у нее есть некоторая информация для передачи. Вопрос, о котором шла речь, заключался в следующем. Около шести месяцев назад Хуан Пикар, уроженец Лиона во Франции, посетивший ее дом, произнес следующие еретические речи; а именно, что он не верит в чистоту Пресвятой Марии; что он не верит, что Иисус Христос сошел к Воинству после того, как священник произнес слова посвящения; что он не верит в Папу, поскольку он был таким же человеком, как мы; что те, кто умер, попали не в Ад, а в Рай; что он сказал "Святая Мария" вместо "Пресвятая Мария"; что он плохо отзывался о Папе Римском. о священниках, заявив, что он не может выносить их вида и что они разорили Испанию; что французы хорошо поступили, изгнав их всех из своей страны.

Обвиняемая заявила далее, что, по ее мнению, он не посещал мессу в назначенные дни, хотя и называл себя христианином.

Затем ей показали письмо, начинающееся с "Барселона, 20 марта 1802 г." и заканчивающееся "Дон Педро Халегг, капитан полка Рутиман", чтобы она могла изучить и идентифицировать его и заявить, что оно написано ею или по ее указанию от ее имени и содержит правду.

Ответила, что это то самое письмо, которое по ее приказу написал ее отец-исповедник, и что она засвидетельствовала его правдивость; что ей нечего добавить или изменить в связи с ним, и что она делала свои заявления не по злему умыслу или вражде против вышеупомянутого лица, ни по какому совету или подстрекательству со стороны какого-либо другого лица.

Спросили, почему она задержалась с сообщением об этих преступлениях в Святую канцелярию, тем самым не выполнив своего обязательства уведомлять обо всех подобных вопросах немедленно, как только ей стало об этом известно.

Ответила, что хотела бы предварительно посоветоваться со своим отцом-исповедником и что она подчинилась, получив его приказ.

Допрашивали, в какое время и в каком месте он высказал вышеупомянутые утверждения; какие лица присутствовали при этом; произносил ли он их более одного раза и сколько раз; говорил ли он на своем родном языке или цитировал других, делавших упомянутые утверждения; говорил ли он в шутку, в споре или в порыве гнева; привык ли он произносить такие слова; был ли он упрекнут кем-либо из присутствующих и кем; настаивал ли он на своих утверждениях после упрека и был ли он в момент произнесения в своем в здравом уме, или был невменяем, или пьян.

Ответила, что она уже указала время и что это произошло у нее дома; что там иногда присутствовали ее вышеупомянутый муж; ее шурин, дон Мартин Халегг, который проживал там; служанка по имени Франциска Гаррига, проживающая в Кальехон-де-Санта-Анна, которая уехала замуж в Таррагону, но ее нынешнее место жительства обвиняемый не знает, и еще одна служанка по имени Антония, которая живет в переулке недалеко от Ла-Тринидад-Кальсада и является дочерью школьного учителя в этом переулке; что он повторял вышеупомянутые утверждения много раз, так часто, что она не могла вспомнить номер; что он говорил утвердительно и серьезно; что, по ее мнению, он не привык к подобным разговорам, поскольку не повторял их более двух месяцев; что вышеупомянутые лица и обвиняемый несколько раз делали ему выговор, но он не обращал внимания; и что в большинстве этих случаев он был в здравом уме, хотя несколько раз находился в состоянии алкогольного опьянения.

Спросили, знает ли она, что какой-либо другой человек сказал или сделал что-либо, относящееся к ведению Священной канцелярии.

Ответ: Нет.

Спросили, каков был или казался возраст вышеупомянутого Хуана Пикара, а также его внешность и состояние.

Ответил, что ему около сорока четырех лет, высокий, худощавый, со светлым цветом лица, голубыми глазами и рыжими волосами; и что он солдат вышеупомянутого полка.

Когда ей зачитали вышеизложенное, она подтвердила, что оно было записано в соответствии с ее заявлением; что ей нечего добавить или изменить в отношении этого, поскольку это была правда; и что она произнесла это не по злему умыслу или недоброжелательству к упомянутому Хуану Пикару, а исключительно для того, чтобы успокоить свою совесть. Ей было предписано хранить тайну, которую она обещала соблюдать, и поставила свою подпись, которую я подтверждаю.

После прочтения заявления и до того, как оно было подписано, обвиняемая вспомнила, что вышеупомянутая Хуана Пикар заметила своему мужу, что человек после смерти переходит в мир иной, не понеся никакого наказания. Также ее невестка, донья Рафаэла Реймер, жена отставного капитана по имени Дон Джозеф Реймер, проживающего на улице Сан-Пабло, дом 14, третий этаж, сообщила ей, что два офицера указанного полка, одного по имени Мартин Эстинауз, а другого неизвестно, произносили богохульства в отношении фигуры Христа.

Обо всем этом она сообщает Святой Канцелярии во исполнение своей совести и под данной ею клятвой хранить тайну. Она поставила свою подпись, которую я подтверждаю.

Мария Бернарда Халлегг.
Доктор Андрес Фернандес де ла Куэста,
пресвитер и комиссар,
Казтано Туко, *пресвитер, комиссар*
и нотариус.

* * * *

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ СЭР,

Франсиско Прат, иподьякон, уроженец Эспонеллы и резидент Семинарио дель Сеньор в епископстве Херона, по совету и распоряжению своего Духовника преподобного Хуана Сальегды, с должным уважением сообщает вашему Превосходительству следующее.

Примерно шесть месяцев назад в этом городе он услышал, как Нарциса Катала—и-Пинсах, жена француза, слывущая правдивой женщиной, уроженка Жероны, проживающая в приходе Меркадаль этого города, заявила, что француз, ткачующий чулки в госпитале того же города, которого звали Блакер и которому было около тридцати лет, принял крещение, когда был в Испании, но уклонился от веры и принял какую-то ересь.

Также, что некий француз по имени Ави Брич, в возрасте около шестидесяти лет, проживающий в упомянутом городе Жерона, а также ткачиха чулок в госпитале, был евреем, и автор этого письма заметила, что они должны причащаться ежегодно, в противном случае они будут строго наказаны, она ответила, что для того, чтобы обмануть шпионов, он причащался не просто один раз, а два или три раза в год.

Эту информацию я передаю вашему превосходительству для достижения необходимой цели.

Жерона, 28 апреля 1791 года.

Франсиско Прат, *иподьякон*.

Настоящим мы препровожаем преподобному Хуану Сальгеде, пресвитеру-викарию Меркадальской церкви Хероны, внесудебный донос Франсиско Прата, иподьякона, проживающего в Епископальной семинарии этого города, и мы предоставляем комиссию для рассмотрения его перед другим священнослужителем в качестве нотариуса, согласно прилагаемой формуле № 1, для того, чтобы донос мог быть засвидетельствован, и он мог подтвердить под присягой, что он принадлежит ему, написан и подписан им, и его содержание соответствует действительности, а также имеет ли он какое-либо отношение к делу. Дополните или измените его в связи с этим, и исходя из каких мотивов упомянутая Нарциса Каталла-и-Пинсак выдвинула соответствующие обвинения против двух французов.

Приняв показания Франсиско Прата, вы воспользуетесь самым осторожным и подходящим случаем и методами, чтобы допросить у того же нотариуса, и в соответствии с формулой № 2, упомянутую Нарцису Каталла-и-Пинсак, в отношении вопросов, на которые ссылается Франсиско Прат, стараясь не упоминать при ней ни имени этого человека, ни имен обвиняемых французов, поскольку она назовет их сама, если ее показания подтвердят обвинение, и в этом случае она укажет имя, род занятий, страну, место жительства, возраст и внешность каждого человека. Также, если она знает, был ли кто-то из них крещен в Испании, когда, в каком приходе и какую ересь он принял впоследствии. Также, какие у нее есть основания говорить, что один из них еврей и, чтобы обмануть шпионов, причащается не один, а два или три раза в год. Вы также спросите ее, слышала ли она или поняла что-либо от этих двух французов или других лиц, что противоречит или кажется противоречащим нашей Святой католической вере, или находится в ведении Святой Канцелярии, и в этом случае она должна заявить все, что ей известно, с предельной ясностью и прозорливостью.

Когда эти расследования будут завершены, вы передадите их нам, вернув также все бумаги. Да хранит вас Господь наш.

Королевский дворец инквизиции Барселоны, 11 июня 1791 года.

Лицензиат,

дон Мануэль де Мерра-и-Паниагуа.

Доктор дон Педро Диас де Вальдес.

Хуан Антонио Альмонасид, *секретарь*.

В городе Жерона, княжество Каталония, тридцатого июня тысяча семьсот девяносто первого года перед нами Хуан Сальгеда, пресвитер-викарий Меркадаля и комиссар Святой канцелярии по этому расследованию, и доктор Марсиаль Листорелла, пресвитер-нотариус, поклявшиеся хранить тайну и добросовестно выполнять свои обязанности, явились по вызову и дали клятву говорить правду и сохранять тайну, человек, называющий себя Франсиско Прат, иподьякон деревни Эспонелла в епископстве из Джероны, в возрасте двадцати восьми лет.

Спросили, знает ли он или догадывается о причине, по которой его вызвали.

Ответил, что, по его предположению, это произошло из-за сделанного им доноса относительно чего-то, что он услышал от Нарцисы Каталлы-и-Пинсач.

Затем ему сообщили, что в эту Святую Канцелярию поступило письмо, которое, по-видимому, было от него, и начиналось оно словами "Франсиско Прат, иподьякон" и заканчивалось словами 'для необходимых целей'. Затем он предъявил это письмо, когда узнал его, и заявил, что это то самое письмо, которое он написал в Суд, и что его содержание соответствует действительности.

Спросили, есть ли у него что добавить к этому.

Ответил, что в упомянутом разговоре вышеупомянутая Нарциса Катала-и-Пинсах заявила, что некоторые другие французы оскорбляли упомянутого Франсиско Блакейра из-за его уклончивого отношения к нашей религии, и что это произошло в ее доме. Кроме того (но в этом он не уверен), он полагал, что она заявила, что отец и брат упомянутого Блакейра, проживающие в Монтегуте или Тортелле, в епископстве Жерона, отказались жить с ним из-за его крещения и что они не были крещены; во всяком случае, она сказала что-то на этот счет.

Кроме того, Мария, сестра вышеупомянутой Нарцисы Пинсах, сообщила ему, что Франсиско Брич был евреем. Это она сказала обвиняемому в его собственном доме; подобное утверждение он слышал от кого-то из простых людей, но не помнил, от кого именно.

Спросили, что послужило поводом к вышеупомянутому разговору; почему были выдвинуты обвинения; и, учитывая, что его долгом было выступать против подобных вопросов и осуждать их, почему он ждал шесть месяцев, прежде чем предоставить информацию.

Ответил, что он случайно заметил, ожидая мужа упомянутой Нарциссы Пинсак, что вышеупомянутый Брич, по-видимому, честный человек, на что она ответила, что это не так, когда последовали остальные утверждения; что обвинения были выдвинуты в соответствии с велениями его совести; и что он говорил об этом деле раньше, но ему сказали, что это женская сплетня.

Спросили, как выглядели лица, о которых идет речь.

Ответил, что он ничего не знает о Франсиско Блакейре; и что упомянутый Брич - человек среднего роста, тучный, несколько румяный и миролюбивого нрава; и что он ничего не знает о месте своего рождения, кроме того, что он француз.

Вышесказанное соответствует действительности согласно присяге обвиняемого, который сделал это заявление не по злему умыслу или недоброжелательности, а исключительно во исполнение своей совести; он заявил, что оно было правильно записано, и подписал его в городе Жерона первого июля тысяча семьсот девяносто первого года.

Франсиско Прат, *иподьякон*.

Передо мной—

Доктор Марсиаль Листорелла, *нотариус-пресвитер*.

Второго июля тысяча семьсот девяносто первого года в городе Жерона перед нами предстали Хуан Сальгеда, пресвитер, викарий Меркадаля Жероны и комиссар Святой канцелярии, и доктор Марсиаль Листорелла, пресвитер-нотариус, поклявшиеся хранить тайну и добросовестно выполнять свои обязанности, согласно вызову, и дали клятву говорить правду и сохранять тайну, Нарциса Катала-и-Пинсах, жена Джозефа Фабреги, обычно называемого Катала, ткача чулок, священника. уроженка и жительница Жероны, возраст, по ее словам, двадцать восемь лет.

Спросили, знает ли она причину, по которой ее вызвали.

Ответ: Нет.

Спросили, знает ли она, что кто-либо сказал или сделал что-либо, что противоречило или казалось противоречащим нашей Святой католической вере и евангельскому закону.

Ответила, что ей сказали, что Франсиско Брич, он же Ло Ави Брич, и Франсиско Блакейр, ткачи чулок в госпитале этого города, были протестантами; и что упомянутый Блакейр был крещен после своего пребывания в Испании, но она не знает, в каком приходе. Также, что он не мог жить со своими родителями, потому что они были протестантами. Его родители живут во Франции.

Спросили, знает ли она, не исповедовал ли упомянутый Блакер какую-либо ересь.

Ответила, что она знала только, что он был протестантом, согласно тому, что ей сообщила ее мать, ныне покойная, которая утверждала, что не желала позволять своей другой дочери выходить замуж за упомянутого Блакера, потому что он был протестантом. То же самое утверждение она слышала от многих других людей; она не могла вспомнить, от кого именно, но полагала, что это были люди вульгарного сорта.

Спросили, рассказывала ли она это кому-либо другому.

Ответила, что то, что было сказано ей, она рассказала другим, но кому именно, сказать не могла.

На этом допрос второго июля завершился, а четвертого числа того же месяца упомянутая Нарциса Фабра Катала-и-Пинсач появилась снова.

Спросили, может ли она что-нибудь добавить к заявлению, которое она сделала против Франсиско Блакейра.

Ответ: Нет.

Спросили, каков был внешний вид этого человека.

Ответила, что ему около тридцати лет, он среднего роста и тучный; что она не знает, где он родился, только то, что он француз; что он хочет жениться и что он ткач, но на какой фабрике он работает, она не знает.

Спросили, почему она предположила, что вышеупомянутый Брич протестант.

Ответила, что она не знает этого наверняка, но слышала об этом тем же способом, каким узнала историю Франсиско Блакейра, и что, возможно, она рассказывала это другим.

Затем ей сообщили, что была получена информация, на основании которой она была приведена к присяге в Святой канцелярии, что в определенном разговоре некий человек заметил, что Ави Брич выглядит честным человеком, на что она ответила: "Он не честный человек, а еврей". И поскольку было отмечено, что в Испании они должны исповедоваться и причащаться один раз в год, она ответила, что для того, чтобы обмануть шпионов, они делали это не просто один, а два или три раза в год.

Поэтому, во имя Бога, Господа нашего, и его Славной и Благословенной Матери, Нашей Владычицы Девы, ее призвали одуматься и провозгласить всю правду.

Ответила, что она не помнит, чтобы говорила об этом, но слышала, что если бы он умер в больнице, где пролежал очень больным около двух лет, его не похоронили бы на освященной земле. В настоящее время она не могла вспомнить, кто сделал это заявление, но ей показалось, что это были французы.

Спросили, каков его возраст и внешность.

Ответила, что знает его около шести лет; что он среднего роста, тучный, миролюбивого нрава, ему больше пятидесяти лет; что она не знает места его рождения, но знает только, что он француз и проживает в приходе Меркадаль из Жероны.

Спросили, не знает ли она что-нибудь о каком-либо другом человеке, что противоречило бы нашей Вере.

Ответила, что донья Мануэла де Родиль рассказала ей, что месье Даниэль, француз, живущий в приходе Меркадаль, обладал зеркалом, в котором, если смотреть в него, появлялись фигуры дьяволов. Кроме того, она слышала от вульгаристов, что он и его жена не были христианами. Более того, некая Малленса, француженка, сказала ей, что некий Луис в ее доме был протестантом, но она считала, что это было сказано из ненависти и для того, чтобы выставить его из дома. Наконец, она вспомнила, что слышала, что один из сыновей, Франсиско Брич, который сейчас находится во Франции, был протестантом. Кто сделал это заявление, она сказать не могла.

Вышесказанное является правдой в соответствии с присягой обвиняемого, который произнес это не по злему умыслу, а исключительно для того, чтобы успокоить свою совесть; и после прочтения она заявила, что это было правильно записано.

Совершено в Жероне четвертого июля тысяча семьсот девяносто второго года.

Поскольку упомянутая Нарциса Катала Фабр-и-Пинсак не умеет писать, я подписываю вышеуказанное.

Хуан Сальгеда, пресвитер и проч.

Передо мной—

Доктор Марсиаль Листорелла, пресвитер,
нотариус в этом расследовании.

* * * *

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ СЭР,

Находясь в компании с Хуаном Баутистой Виадой, масоном, двенадцатого числа текущего месяца, и читая проповеди о состоянии души, я очень уверен, что он сделал это замечание; что он слышал, как разные люди заявляли, что они ничего не верят в ад или чистилище, но что касается его самого, то он верил. Эту информацию я сообщаю вашему превосходительству, повинуюсь велению моей совести.

Матаро, 17 ноября 1819 года.

Ваш покорнейший слуга,
Француз. Планер, Плотник.

На дороге за воротами Батлье.[\[21\]](#)

Пусть срочно вызовут комиссию для рассмотрения вышеупомянутого письма.

Преподобному отцу Педро Мартиру де С. Висенте, капуцину и бывшему преподавателю его ордена.

Настоящим мы уполномочиваем вас вызвать к себе и другому священнослужителю в качестве нотариуса, предварительно поклявшись хранить тайну, Франсиско де Асис Плана, плотника, проживающего напротив ворот Батлле в этом городе. Вы подвергнете его регулярному допросу относительно его письма, которое прилагается настоящим, и потребуете от него клятвы в том, что письмо принадлежит ему, написано им самим и его содержание соответствует действительности. Вы выясните, есть ли у него что добавить или изменить в связи с этим, и через четыре дня вы утвердите то же самое *ad perpetuam* в присутствии двух других священнослужителей, поклявшихся хранить тайну. Таким же образом вы продолжите принимать отдельно показания Хуана Баутисты Виады, мейсона, и других лиц, которые, по его утверждению, присутствовали при произнесении рассматриваемых речей; эти показания также должны быть утверждены. Вы не преминете спросить его, кто были эти люди, согласно обычной форме. Вы отметите на полях документа, который будет содержать показания, степень доверия, которого они заслуживают; и вы также передадите отдельно отчет о жизни, характере и поведении осужденных лиц. Вместе с ними вы вернете этот заказ и другие бумаги. Да хранит вас Бог на долгие годы.

Королевский дворец инквизиции Барселоны, 18 декабря 1819 года.

Доктор Дон Хосе Ллозер.

Лицензиат,

Дон Санто де Басаррате.

д. д. Хуан де Кальва-и-Марті, *секретарь*.

В городе Матаро, епископство Барселонское, двадцать восьмого декабря тысяча восемьсот девятнадцатого года, перед отцом Педро Мартиром де Сан-Висенте, пресвитером и комиссаром, специально назначенным на основании соответствующего поручения, и передо мной, П. Бернардино де Барселона, пресвитером-нотариусом, поклявшись хранить тайну и добросовестно выполнять свои обязанности, мы добровольно явились и дали клятву именем Господа нашего, осеняя себя крестным знамением, объявить правду и сохранить тайну во всем от него потребовали, насколько он знал, человека, называющего себя Франсиско де Асис Плана, плотника, в возрасте пятидесяти семи лет.

Спросили, знал ли он или предполагал причину, по которой его вызвала Святая Канцелярия.

Ответил: Да.

Спросили, написал ли он или заставил написать когда-либо письмо в Трибунал инквизиции, в котором рассказывалось бы о каком-либо преступлении, известном ему, и кто был тем человеком, на которого он ссылался.

Ответил, что он написал письмо против Хуана Баутисты Виады, масона. Затем письмо было предъявлено, и первый пункт его был прочитан, когда обвиняемый заявил, что оно принадлежит ему и что его содержание соответствует действительности.

Спросили, не хочет ли он что-нибудь добавить или изменить в указанном письме.

Ответил, что если бы не опасение впасть в ошибку, ему следовало бы заменить "Я уверен" на "Я уверен".

Задан вопрос, присутствовали ли другие лица, когда Хуан Баутиста Виада делал рассматриваемые утверждения.

Ответ: Нет.

Спросили, знает ли он, что какой-либо другой человек сказал или сделал что-либо, относящееся к ведению Священной канцелярии.

Ответ: Нет.

Спросили, каков был возраст, внешность и место жительства обвиняемого.

Ответил, что ему около пятидесяти шести лет и он живет на улице Арджентона в Матаро.

То, что вышеизложенное было зачитано обвиняемому, было заявлено им как правильно зафиксированное. Далее он заявил, что ему нечего добавить или изменить в отношении этого; и что он делал содержащиеся в нем заявления не по злему умыслу, а исключительно из добросовестных побуждений. От него потребовали соблюдения секретности, что он и пообещал, поставив свою подпись.

Франсиско де Асис Плана.

Отец Педро Мартир де Сан-Висенте,
пресвитер-капуцин.

Передо мной—

П. Бернардино де Барселона, *пресвитер,
нотариус и комиссар, назначенный для
этой Цели.*

В городе Матаро, епископство Барселоны, шестнадцатого января тысяча восемьсот двадцатого года, перед отцом Педро Мартиром де Сан-Висенте, пресвитером-капуцином и комиссаром, созданной специальной комиссией для этой цели, и мной, отцом Бернардино де Барселона, нотариусом, поклявшись хранить тайну и добросовестно выполнять наши обязанности, появился и дал клятву именем Бога, Господа нашего, осеняя себя крестным знамением, возвещать правду и соблюдать секретность, человек, называющий себя Хуаном Баутиста Виадой, уроженец Матаро, в епископстве Барселоны, по профессии масон, в возрасте пятидесяти четырех лет.

Спросили, знал ли он или предполагал причину, по которой его вызвали.

Ответ: Нет.

Спросили, знает ли он, что какой-либо человек или люди говорили, что нет ни Ада, ни Чистилища, или делали какие-либо другие утверждения, подпадающие под юрисдикцию Святой Канцелярии.

Ответил, что он слышал вышеупомянутое утверждение, произнесенное Магином Казановасом, или Барсело, человеком, который умер два года назад.

Спросил, какие люди присутствовали при произнесении этих слов; и был ли упомянутый Магин Казанова в здравом уме; также, было ли утверждение сделано в позитивной манере или со ссылкой на какого-то другого человека, и было ли оно сделано в шутку, споре или в порыве страсти.

Ответил, что он не помнит, было ли это сказано в присутствии других или нет, но, по-видимому, это было сказано в положительной манере, а не в состоянии аффекта; что вышеупомянутый Магин Казанова был морским пехотинцем Альгвасила этого города, уроженцем которого он также был, и что его возраст составлял около семидесяти лет.

Спросили, помнит ли он, сколько раз делалось это утверждение, и получал ли он за это какие-либо упреки.

Ответил, что не помнит.

Спросили, почему он не донес на говорившего Святому трибуналу.

Ответил, что мысль об этом никогда не приходила ему в голову.

Спросили, знает ли он, что кто-либо другой сказал или сделал что-либо, относящееся к ведению Святого Трибунала.

Ответ: Нет.

То, что вышеизложенное было зачитано обвиняемому, было заявлено им как правильно записанное; и он далее заявил, что ему нечего добавить или изменить в отношении этого, и что он сделал заявление не по злому умыслу, а исключительно повинувшись своей совести. От него потребовали соблюдения секретности, что он и пообещал, поставив свою подпись.

Juan Bautista Viada.

Брат Педро Мартир де Сан-Висенте,
комиссар пресвитеров-капуцинов.

Передо мной—

Ф. Бернардо де Барселона, *нотариус.*

[На полях приведенного выше документа написано следующее.]

Я знаю, что обвиняемый Хуан Баутиста Виادا - человек, заслуживающий доверия. Он поддерживает свою семью своим трудом; следует заповедям церкви, исповедуется и принимает причастие; и я никогда не слышал ни о чем, что могло бы поставить под сомнение его свидетельство. Это мое мнение, сальво мелиори.

Матаро, 28 января 1820 года.

Отец Педро Мартир де Сан-Висенте,
комиссар пресвитеров-капуцинов.

КОНЕЦ.

СНОСКИ:

[1] Флери, История. Экклезиаст.

[2] Сисмонди, Литература Середины Европы.

[3] Сисмонди, Hist. des Français.

[4] Флери, история. Экклезиаст.

[5] Дару, История. de Venise.

[6] Джанноне, История Неаполя.

[7] Льюренте, Hist. de la Inquisicion de Espana.

[8] Мариана, Hist. de Espana. Llorente.

[9] Шиллер, Падение в Нидерланде.

[10] Льюренте.

[11] Лафито, Португальские завоевания.

[12] Как только подозрение в ереси было установлено в предварительном обвинении, инквизиторы приказали арестовать преступника. С этого момента у него не было ни привилегий, ни убежища. Каким бы ни было его звание, он был схвачен в кругу своей семьи и друзей, и никто не осмелился оказать ни малейшего сопротивления. С того момента, как он попал в руки инквизиции, никому не было позволено общаться с ним, он был покинут всем миром и лишен всякого утешения. Горе сострадательному уму, который осмелился проявить хоть какое-то сочувствие к жертве инквизиции. Обвиняемый был брошен в страшную темницу до тех пор, пока инквизиторы не сочли нужным допросить его.

Тем временем сотрудники инквизиции проследовали в жилище обвиняемого и составили опись всего его имущества, которое было немедленно изъято. Его кредиторы потеряли свои долги; его жена и дети оказались в самом прискорбном положении покинутых; жены и дочери, самые добродетельные и образованные, много раз были доведены до ужасной необходимости влачить жалкое существование проституцией, вызванной их нищенским состоянием и презрением, испытываемым к ним из-за связи с человеком, задержанным Святой Канцелярией. После того, как он провел много дней и даже месяцев в тюрьме, инквизиторы заставили его намекнуть через тюремщика, что он требует аудиенции; ибо это была постоянная практика этого Трибунала - добиваться, чтобы обвиняемый был тем человеком, который должен требовать. Заключенный, впервые представший перед своими судьями, был допрошен ими так, как будто они его не знали, и самыми хитрыми методами заставил его признаться в своем преступлении. *История Льюренте. de la Inquisicion.*

[13] 'Наименьшая примесь африканской, индийской, мавританской или еврейской крови портит целое поколение. Знание этого факта также не исчезает с годами и не становится незамеченным из-за безвестности и скромности сторон. Ни один ребенок в этом густонаселенном городе (Севилья) не знает, что семья, которая, на памяти людей, держала кондитерскую в центральной части города, наказала одного из своих предков инквизицией за возвращение в иудаизм. Я хорошо помню, как, будучи мальчиком, я часто проходил этим путем, едва отваживаясь бросить косой взгляд на хорошенькую молодую женщину, которая постоянно посещала лавку, опасаясь, как я говорил себе, опозорить ее. Человек, свободный от

запятнанной крови, определяется законом, *"Кристиано въехо, Лимпио де тода мала раза"*. Старый христианин, свободный от всех плохих рас и пятен. Суровость этого закона или, скорее, общественного мнения, обеспечивающего его соблюдение, лишает его жертв возможности занимать любую должность в церкви или государстве и исключает их даже из братствили религиозных ассоциаций, которые в противном случае открыты для лиц самого низкого ранга. Я искренне верю, что будь святой Петр испанцем, он либо отказал бы в допуске на небеса людям с испорченной кровью, либо отправил бы их в уединенный уголок, где они не могли бы оскорблять взорыстарых христиан.

Письма Добладо из Испании.

[14] Генеральный прокурор.

[15] Определение или *квалификация*, суждение, вынесенное в отношении характера и тенденции любых действий или речей, осужденных инквизицией. Это было сделано офицерами, создавшими для этой цели специальную комиссию под названием *Calificadores*.

[16] Трибунал выделил три категории лиц, подозреваемых в ереси; те, кого *слегка* подозревали, те, кого *серьезно* подозревали, и те, кого *жестко* подозревали. Слегка подозреваемые обозначались термином *де леви*, а серьезно подозреваемые в насилии - термином *de vehementi*.

История Льоренте. de la Inquisicion.

[17] *Du bist ein narr das du dies glaubst.*

[18] Существовало три метода пыток: веревка, огонь и вода.

При первом способе они связывали руки пациента за спиной с помощью веревки, которая проходила через блок, прикрепленный к крыше, и палачи поднимали его как можно выше. После того, как его подвесили на некоторое время, веревка ослабла, и он упал на высоте шести дюймов от земли. Этот ужасный удар вывихнул все суставы и порезал плоть даже до сухожилий. Процесс возобновлялся каждый час и оставлял пациента без сил и движения. Только после того, как врач объявил, что страдалец больше не может терпеть пытки, не умирая, инквизиторы отправили его обратно в тюрьму.

Второе было выполнено с помощью воды. Палачи натягивали жертву на деревянный инструмент, похожий на носик, приспособленный для приема тела человека, без какого-либо дна, кроме проходящей поперек него палки. Тело, падающее назад, пришло в такое положение, что ноги оказались выше головы. В этом состоянии дыхание становилось очень болезненным, и пациент испытывал самые ужасные мучения во всех своих конечностях от давления веревок, узлы которых врезались в плоть. В этом жестоком положении палачи вводили в горло кусок тонкого полотна, мокрого, часть которого прикрывала ноздри. Затем они влили воду в рот и нос и оставили ее фильтроваться так медленно, что прошел по меньшей мере час, прежде чем пострадавший проглотил хоть каплю, хотя она текла без перерыва. Таким образом, пациент не обнаружил интервала для дыхания. Каждую минуту он делал усилие сглотнуть, надеясь пропустить немного воздуха, но мокрое белье мешало этому, и вода попадала в ноздри. Таким

образом, часто случалось, что, когда пытка заканчивалась, они снимали с горла ткань, всю испачканную кровью из сосудов, лопнувших в результате борьбы несчастной жертвы. Следует добавить, что каждую секунду могучая рука поворачивала роковой рычаг, и при каждом повороте веревки, которыми были связаны руки и ноги, проникали до самых костей.

Если с помощью этой второй пытки они не могли добиться признания, инквизиторы прибегали к огню. Для этого палачи связали руки и ноги таким образом, чтобы страдалец не мог изменить своего положения. Затем они натирали ступни маслом, свиным салом и другими проникающими веществами и ставили их перед огнем, пока мясо не поджаривалось настолько, что кости и сухожилия проступали во всех частях тела.—*Льоренте, Hist. de la Inquisicion.*

[19] Когда преступление, вменяемое обвиняемому, не было доказано, и он не участвовал в допросах, он был оправдан при условии, что он должен официально отречься от своей ереси и быть очищен каноническим образом от подозрений, связанных с ним. После этого он был освобожден от ответственности *ad cautelam*, или, другими словами, как подозреваемый в ереси.—*Льоренте, Hist. de la Inquisicion.*

[20] Тот, кто делает добровольное признание и предстает перед судом на основании доказательств, которые он дает против самого себя, а не показаний других свидетелей.

[21] В качестве образца современного каталонского диалекта присоединен оригинал вышеупомянутого письма.

Mol Ille Sor

Estan en la Campana ab Juan Baptista Viada All, de Casas lo Dia 12 del corren, parlan de Sermons de Animas: meapar mol, que el digué de esta Manera; de que ell abia oyit á differens, que no creyan ab lo Infern, ó ab lo Purgatori, però que ell si, que hi creya.

lo que delate á V. S. per descarrch de la mia Consiencia.

Mataró y N^{bre} 17 de 1819.

S. M. h^l—S.

Французский. План справедливый.

al Carrer de fora de lo Portal de Batlleix.

Типографские ошибки, исправленные переписчиком текста:

the cause=> причина {стр. 13}

he was dismissed=> он был уволен {стр. 40}

make arrangements=> принять меры {стр. 71}

начать свою защиту=> составить свою защиту {стр. 74}

оправдать их=> казнить их {стр. 96}

концепция упомянутого Хуана Антонио=> концепция упомянутого Хуана Антонио {стр. 136}

Оправдатели=> палачи {стр. 150}

собственности => имущества {стр. 175}

на тридцатый день=> на тридцатый день {стр. 196}

перед достопочтенным Джозефом=> перед преподобным Джозефом {стр. 184}

ла Риера альта=> ла Риера Альта {стр. 217}

суеверные деяния=> суеверные деяния {стр. 236}
